

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН №1 ГАЗЕТА

Александр Проханов / *Востоковед*

90
лет

ПРОХАНОВ Александр Андреевич

родился в 1938 году в Тбилиси. Окончил Московский авиационный институт. Работал лесником, геологом, инженером НИИ и пр.

С 1970-го — корреспондент «Литературной газеты» в «горячих точках»: Афганистан, Никарагуа, Камбоджа, Ангола... Член Союза писателей СССР с 1972 года. В декабре 1990 создает и возглавляет газету «День», с ноября 1993 по настоящее время — «Завтра».

Автор книг «Сон о Кабуле», «Последний солдат Империи», «Чеченский блюз», «Красно-коричневый», «Идущие в ночи», «Господин Гексоген», «Крейсерова соната», «Человек Звезды», «Крым» и др.

Лауреат премии Ленинского комсомола, Министерства обороны, Международной Шолоховской премии, премии «Национальный бестселлер» и др.

Живет в Москве.

Возродить «Русскую провинцию» — наш долг

В Твери в Областной научной библиотеке имени М. Горького состоялся вечер памяти Михаила Григорьевича Петрова (1938–2015). Поводом для встречи почитателей творчества замечательного русского писателя и издателя стал выход в свет сборника его рассказов и повестей, объединённого темой детства. Предисловие к нему написал доктор филологических наук, профессор Литературного института В. П. Смирнов.

Великолепно иллюстрированная талантливым художником Александром Кукушкиным, книга была составлена самим автором. Однако главная забота по изданию творческого наследия тверского прозаика легла на плечи молодых филологов Евгении и Сергея Диваковых. Книга «Ярчук», по их замыслу, лишь начинает серию сочинений М. Г. Петрова.

К сожалению, выпущенная тиражом в сто экземпляров книга вряд ли будет доступна широкому читателю. А жаль. Такая книга интересна не только для юношества, но и для всех, кому дорого русское слово.

Главный редактор журнала «Человек на Земле» Татьяна Сурганова рассказала на вечере о её сотрудничестве с Михаилом Петро-

вым, который на протяжении ряда лет вёл рубрику «Голос русской провинции». О том, какую поддержку Михаил Петров оказывал русским писателям и художникам, рассказал прозаик, автор «Роман-газеты» Борис Морозов.

Главным результатом встречи в Тверской библиотеке стало единодушное решение возобновить выпуск журнала «Русская провинция» — любимого «детища» Михаила Петрова. С предложением вскладчину собрать необходимые для этого средства обратилась к собравшимся поэтесса из Ржева Любовь Колесник. Думается, такая инициатива не должна оставить равнодушной губернатора, управление культуры и общественность Тверской области.

На вечере с воспоминаниями о Михаиле Петрове выступила ответственный редактор «Роман-газеты» Елена Русакова. Именно она готовила к публикации последний прижизненный сборник рассказов писателя «Сто долларов на чёрный день».

На вечере не только вспоминали Михаила Петрова, но и говорили о бедственном состоянии «толстых» литературных журналов, падении престижа профессии литератора, закрытии библиотек, невозможности писателю из про-

Сергей Диваков представляет книгу М. Петрова «Ярчук»

винции выйти на всероссийскую читательскую трибуну. Сложившаяся ситуация нетерпима, отмечали участники вечера, государство должно повернуться лицом к российским писателям, приложить максимум усилий для того, чтобы мы вернули себе статус самой читающей Державы.

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор
Юрий Козлов

Редакционная
коллегия:

Дмитрий Белюкин
Юрий Бондарев
Семен Борзунов
Алексей Варламов
Анатолий Заболоцкий
Юрий Коннов
Владимир Личутин
Юрий Поляков

Ответственный
редактор

Елена Русакова

В оформлении
использована картина
Саифа эль-Ислам
эль-Каддафи
«Мечта в пустыне»

Права
на использование
товарного знака
«Роман-газета»
принадлежат
ООО «Роман-газета»
© ООО «Роман-газета», 2017
Все права защищены

Подписаться
на журнал «Роман-газета»
можно в отделениях связи
и через Интернет:
www.gazety.ru

Подписные
индексы издания:

в каталоге агентства
«Роспечать»

70782 на полугодие,
71752 на год;

в объединенном
каталоге

«Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге
«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может
не совпадать с позицией
редакции

НАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ РОМАН-ГАЗЕТА

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

2017 №1 /1773/ Основана в 1927 г.

Александр Проханов Востоковед Роман

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Леонид Васильевич Торобов всю ночь в своем одиноком коттедже слышал, как падает снег. За ночными стеклами шелестело, двигалось, оседало. Невесомо ложилось на березы, ели, безлистые яблони. И он сквозь сон радовался снегопаду, предвкушая утреннюю белизну. После мимолетных пробуждений он забирал этот падающий за окнами снег в свои сновидения.

Снег продолжал идти над Ливийской пустыней, покрывал черные бурьяны, и верблюды задирали губастые головы, нюхая небо. Снегопад бушевал над кромкой Средиземного моря, волнуя фиолетовую воду, палестинские рыбаки на остроносых лодках плыли в снегопаде, и в метели, как тени, туманились израильские военные катера. Снег падал на зеркальную мечеть в священном городе Кум, и черные спины молящихся были в снежных попонах. Снег сыпал на Бейрут, по которому катили грузовики с автоматчиками, и один, замотанный до бровей в клетчатый платок, пропадая в пурге, воздел сжатый кулак. Снег летел над лазурным Босфором, военный корабль с гранеными орудийными башнями плыл в окружении цветных пароходиков, и вдруг пахло ароматом роз, алые цветы были полны влажного снега. Белые хлопья сыпались на раскаленную желтизну аравийских песков, квадрациклы расшвыривали барханы, песчинки жгли щеки, а губы жадно хватали прохладную сладость небес.

Торобов проснулся, выпадая из душевного сна. Белоснежное окно с рогатыми яблонями, и на ветках, повторяя каждый сучок и изгиб, волнистая, как пух, бахрома.

После шестидесяти, выйдя в отставку, распрощавшись с сослуживцами, нанеся прощальный визит руководству, он порвал с прошлым, напрочь, навсегда. Замуровал прошлое в своей изнуренной, изрытой памяти. Надвинул на него чугунную плиту, литую крышку. Заварил края, завинтил болтами. Так задраивают аварийный отсек подводной лодки, где бушует ядовитый пожар. Так нахлобучивают стальной колпак на взорванный реактор, удерживая смертоносные излучения. Постепенно крышка покрывалась мхами, заносилась пылью, становилась невидимой, лишь иногда под ней что-то глухо вздыхало, и в снах над разрушенными городами полыхали зарницы.

Журнальный вариант.

Он больше не раскрывал стеклянный шкаф, где хранились военные атласы, книги именитых востоковедов, этнографические альбомы и справочники с перечнем арабских племен, месторождений нефти, американских военных баз. Он доставал книги из маленькой тумбочки с резными колонками и узорной дверцей — все, что уцелело от убранства старинного дома. В тумбочке сохранилось несколько книг его детства и молодости. Он открывал эти книги, сладостно вчитываясь в полузабытые строки. Губы, шепотом выговаривая волшебные слова, звали к себе любимых, которых уже не было с ним. Стихи испускали таинственное излучение, на котором он уносился в дивную даль, где любил, был любимым. Это были свидания, во время которых он окружал нежностью и обожанием тех, кого не успел обласкать и взлелеять при жизни.

Три женщины — бабушка, мама и жена, — уходя одна за другой, оставляли негаснущий свет, в котором он жил, сберегая себя среди чудовищных вихрей тьмы. «Спи, младенец мой прекрасный, баюшки-баю». «Скажите мне, что может быть прекрасней дамы петербургской». «Цветы опадают, и горный ручей серебрится».

Он перелистывал книги минувших лет, и глаза начинали блестеть от слез.

Теперь он жил один. Дети выросли и обзавелись семьями. Он не часто встречался с ними. Они медленно, с годами, от него удалялись, и их связывало тепло, которое соединяет родные души и не требует частых свиданий.

Он был высок, худощав, с сухими подвижными мышцами. Его лицо с выпуклыми надбровьями, прямым крепким носом и узкими губами, было одинаково смуглым зимой и летом, словно хранило загар горячих пустынь и удары бесчисленных острых песчинок. В серых глазах зоркий тревожный блеск, который угасал под плотными веками, чтобы через мгновение вспыхнуть в расширенных от волнения зрачках. Причиной волнения могла быть внезапная мысль, или случайный образ, или хруст снега от чьих-то быстрых, женских шагов, обманчиво родных и желанных.

Теперь, в белизне зимнего утра, он небрежно натянул тесный поношенный полушубок, нахлобучил высокую кожаную шапку, отороченную лисьим мехом, которую жена называла «бояркой». Сунул в карман мобильник и вышел в сад.

Белизна была восхитительной и пугающей своей целомудренной чистотой. Снег пышными подушками лежал на столе и стульях, забытых в саду с осени. Черные ели с малиновыми шишками опустили к земле ветви и казались сутулыми, нагнувшими плечи под тяжестью белых тюков. Любимая сосна мо-

литвенно воздела руки с перстами, держала в объятьях огромный шар снега. Березы казались нарисованными на небе белым. В вершинах, где еще недавно сверкала мартовская лазурь, дышал изумрудный майский туман, блестели в июльских дождях зеленые водопады, осыпались, как позолота с иконы, осенние листья, — теперь в вершинах была пустота, сбросившая свое белое бремя на землю, облегченно и тихо дышащая.

Торобов сделал по снегу несколько пугливых шагов, как осторожный зверь, пробуя стопами белую непрочную мягкость. Отпечатки вытягивались в вереницу, и он подумал, что, оставляя свои следы, он виден тому, кто смотрит на него из небес, кто вывел его из дома в сад, собираясь поведать что-то простое и дивное. То, что обещал поведать в детстве, но почему-то пропал из виду, скрывался целую жизнь.

Это предвкушение было чудесным, детским, наивным. Было связано с новогодней елкой, волшебными шарами, стеклянной сверкающей пикой. С детскими сказками, русскими равнинами, где волнистые снега, санный путь, сусальное золото, голоса любимых и близких. И в этих снегах, среди любимых голосов, ему предстоит бесконечная жизнь, в которой он делает теперь на снегу свои первые шаги.

Торобов стоял среди сухих гортензий с высохшими цветами, на которых высились белые колпаки снега. Чувствовал, как что-то приближается, становилось просторней в груди, открывалось пространство для небывалого чувства.

Сойка прилетела из леса и села на березу. Сверкнула ослепительной лазурью крыла. Сидела на ветке, чуткая, пугливая, поглядывая на Торобова острым глазком. Он замер от восхищения, любясь ее розово-сизой грудкой, сжатыми крыльями, в которых таилась райская лазурь, подобная той, что пламенеет на рублевской Троице, рождает несказанное счастье. Он чувствовал близость сидящей на ветке птицы. Ее маленькое дышащее сердце, горячую жизнь среди прохладных снегов. Мимолетность ее пребывания в березовой кроне, драгоценность этих секунд, когда их жизни слились в одну, и он, соединившись с птицей, соединился с божественной тайной, ради которой вышел в заснеженный сад. Пугался, что сойка улетит, их жизни распадутся и ему не откроется тайна. Всей своей душевной силой, всей молитвенной волей он удерживал птицу на ветке, продлевал их единство. Но птица начинала взлетать, бросалась в пустоту, распахивая на крыле божественную синеву. Лазурь брызнула ему в сердце, наполнила нестерпимой болью исчезающего счастья. Сойка улетала, роняя с ветки белый комочек снега. А Торобов, обессилив, поскользнулся и падал, приближал-

ся лицом к сухим цветам гортензий с колпаками голубоватого снега.

Он падал и в падении услышал, как в кармане полшубка зазвонил телефон. Этот внезапный звук остановил паденье. Торобов удержался на ногах, сломав сухой стебель гортензии.

Голос в телефоне был вежлив, холоден:

— Леонид Васильевич, с вами говорит порученец генерал-лейтенанта Строганова. Федор Федорович просит вас приехать.

— Разве Федор Федорович забыл, что я в отставке? — Торобов сжимал в кулаке телефон, из которого раздавался голос, и ему захотелось стиснуть кулак, придушить голос, задавить эти отшлифованные, властные звуки.

— Федор Федорович просит, чтобы вы приехали, — голос был спокойный, гладкий, как хорошо полированная деталь, работающая в отлаженном механизме. В том, в который прежде был встроен Торобов.

— Почему Федор Федорович обо мне вспомнил?

— Мне не известны намерения руководства. Шофер приедет за вами через полтора часа.

Торобов что есть силы сжал в кулаке телефон, но голос успел ускользнуть, оставив после себя затихающий пунктир звуков.

Торобов стоял на снегу, слыша, как дрожит земля. Чугунная крышка, привинченная болтами, сорвала резьбу, сдвинулась с места. Из-под нее била жаркая, ядовитая сила, излетали духи. Танковая колонна шла по горной дороге, и уже горел передовой «Меркава», оператор с кровавым бинтом на лбу вел трубу, наводя «Корнет» на второй выползающий танк, и по всей горе вставали голубые дымы разрывов. Духи, вылетающие из-под чугунной плиты, облекаясь в броню боевых машин, в шелка арабских одежд, в тоскливый крик муэдзинов, — эти духи обступали его. Торобов растерянно стоял на снегу под березой, с которой улетела волшебная сойка.

Через час БМВ с номерами разведки мчала его по дымной «Кольцевой». Шофер, думая, что делает пассажиру приятное, включил мелодичную негромкую музыку.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Приемная, где Торобов не был несколько лет, преобразилась. Обрела фешенебельный вид, напоминала салон. Мягкие стулья с гнутыми спинками. Удобный диван с небрежными морщинами кожи. Журнальный столик с кипой иностранных журналов, призванных скрасить ожидание. Просторный стол, уставленный мониторами, селекторами, телефона-

ми. На стене широкая плазма мерцала разноцветными беззвучными изображениями. Несколько посетителей ожидали приема с напряженными спинами, словно не замечали друг друга.

Навстречу Торобову поднялся помощник и любезным, бесстрастным голосом безупречного подчиненного произнес:

— Генерал ждет вас.

Отворил тяжелую, из дорогого дерева дверь, пропуская Торобова в кабинет. И вид этого огромного кабинета, знакомого, сохранившего свое старомодное убранство, взволновал Торобова. Словно в этих стенах остановилось великое время, не подверженное порчам и роковым разрушениям. Всё те же смуглые панели, впитавшие дым исчезнувших табаков. Тяжеловесный стол под зеленым сукном, на котором мерцали хрустальные кубы чернильницы и темнели пятна давнишних чернил. Лампа под зеленым абажуром с латунной каймой, в которую были врезаны пятиконечные звезды. В высоком шкафу с потускневшими стеклами неясно краснели тома с сочинениями основателя государства.

И только на стене висел портрет сегодняшнего президента, а не вождя с вишневой трубкой, дым из которой, казалось, сгустился в дальних углах кабинета.

Генерал поднялся из-за стола, в сером костюме и галстук с крупным модным узлом, пошел навстречу Торобову. И пока шел, Торобов заметил, как за годы, что они не виделись, усохло и осунулось его лицо, легкие трещинки окружили глаза, от губ к подбородку стекли две темные морщинки — ручейки близкой старости. Но лицо, как и у Торобова, оставалось смуглым, от несмываемого загара пустынь и ударов сухих колючих песчинок.

— Товарищ генерал-лейтенант, полковник Торобов прибыл по вашему приказанию, — полусерьезно шелкнул он каблуками.

— Здравствуй, Леня.

— Здравствуй, Федя.

Они обнялись, и Торобов почувствовал, как дрогнуло в его объятьях сухое тело Строганова, и тот чуть слышно вскрикнул от боли.

— Плечо, не отпускает который год, — виновато произнес генерал, массируя сухожилие.

— Все та же йеменская контузия? Я думал, она тебя отпустила.

— То легче, то ночами кричу. Клиники, врачи, целебные грязи, массажи. Даже к колдуну обращался. Здесь нашелся один ливиец, который лечит песком Сахары. В кожаный мешочек сыпет горячий песок и прикладывает к плечу. Говорит, что песок сохраняет силу солнца. И мне, не поверишь, это помогает.

— Поезжай в Сахару и заройся в бархан.

— Я теперь, Лень, зарылся в такой бархан, из которого, похоже, не вылезу. Садись.

Они сидели на тяжеловесных стульях с высокими дубовыми спинками, на которых были вырезаны гербы исчезнувшего государства.

— Зачем меня вызвал? Я ото всего отошел. Все забыл. Ничего не хочу знать. Вчера читал Пушкина, «Сказку о Золотом Петушке».

— А о чем сказка-то, Лень? Куда петушок ни глянет, везде враждебная рать. Труба зовет.

— Меня не зовет. Руководству было угодно отправить меня в отставку. Ушел, и дело с концом.

— Не в отставку, Лень, а в действующий резерв. И то же самое руководство поручило мне вызвать тебя.

— В чем дело?

Строганов молчал, морщил рот, словно ждал, когда созреет на губах нужное слово. На стене жалюзи занавешивали карту Ближнего Востока, и Торобов сквозь их тонкие пластины видел лоскутную пестроту стран, каждая из которых рождала в нем зрелища городов, оливковых рощ, розовых и синих предгорий. В горячем тумане залива двигались танкеры, клубились рынки, бесновались толпы, сверкали зеленые изразцы минаретов, и он, в белой долгополой рубашке, шаркая сандалиями, шел среди богомольцев, и истошно и пламенно звучал из лазури крик муэдзина.

— Ты, наверное, знаешь, как нелегко принималось решение бомбить ИГИЛ в Сирии. Разведка предупреждала президента, что в ответ последуют террористические акты в Москве, на Кавказе, в Поволжье. Армия и дипломаты настояли на проведении операции, и президент согласился. Спустя несколько дней, ты знаешь, после первых ударов по Алеппо и Хомсу, взорвался наш самолет над Синаем. Двести тридцать пассажиров были первой платой, которую мы заплатили за начало боевых действий. Это был страшный удар по репутации президента. Я видел его на Совете Безопасности, он был черный, лицо ходуном ходило. Он сделал открытое телевизионное заявление, где обещал уничтожить террористов, виновных в гибели самолета. На закрытом совещании приказал любой ценой найти террористов и истребить их, где бы те ни находились. Как это было в свое время с чеченцами, укрывшимися в Катаре. Тогда это была его личная месть. Теперь он хочет выложить перед народом фотографию с убитым главарем, совершившим подрыв самолета. Мы знаем характер президента. Мсть должна состояться. Либо руководство в ближайшее время справится с этим, либо полетят наши генеральские головы. На выявление организатора бро-

шена вся наша агентура на Ближнем Востоке, задействованы все связи.

— И что вам удалось узнать? — Торобов слышал, как слабо откликаются на эти слова мгlistые кварталы Каира, пальмовые рощи Кувейта, солнечные предместья Дамаска. В дымах жаровен, в пыли военных колонн, в стеклянных призмах банков чуть слышно трепещут агентурные сети, улавливая прозрачный планктон информации. И он, Торобов, осторожными пальцами поднимает голубую пиалку с чаем, внимая арабскому шейху на вилле в предместье Аммана. — Вы что-нибудь узнали? — повторил Торобов.

— Террористическая группа не имеет постоянной дислокации. Носит кочующий характер. Ее возглавляет бывший майор иракской разведки, который при Саддаме Хусейне был причастен к закупкам вооружений. После падения Саддама сидел в американской тюрьме, был использован ими для создания боевых групп в борьбе с другими группировками. Потом ушел в ИГИЛ.

— Я работал в Багдаде с офицерами иракской разведки, которые занимались поставками вооружений.

— Поэтому я тебя и вызвал. — Строганов потянулся к тоненькой папке, лежащей на зеленом сукне. Извлек фотографию и положил перед Торобовым: — Майор Фарук Низар, каким он был во время твоей командировки в Багдад.

Красивое продолговатое лицо с влажными выпуклыми глазами. Мягкие губы с чуть заметной улыбкой. Пушистые брови. Молодцеватые офицерские усики. То особенное арабское выражение мужественной романтичности и мягкой застенчивости. Это был он, Фарук Низар, с кем сидели на берегу Тигра в рыбной харчевне, золотая рыба, разрезанная и раскрытая, как книга, запекалась на углях. Воздух был золотой и синий, в тончайших волокнах предательства, которое витало над Багдадом, над садами, дворцами, мечетями, и солдаты клали на перекрестке мешки с песком, оставляя амбразуру для пулемета.

— Я знаю его. Мы были даже приятелями. Однажды я посетил его дом. У него была милая жена и маленький сын. Неужели он теперь в ИГИЛ? Если хочешь, я могу припомнить подробности нашего общения. Могу попытаться сделать его психологический портрет.

— Этого не нужно, Лень.

— А что же нужно? Зачем ты меня позвал?

Строганов молчал. Морщился его рот. Дрожали у глаз лучистые трещинки. У самолета медленно отламывался хвост, и люди сыпались, как семена из головки мака. Девочка вцепилась в мать, ветер рвал на

обеих юбки, и казалось, они танцуют. Младенец летел рядом с люлькой, как крохотная личинка, выставив руки с растопыренными тонкими пальчиками. Старик нырял с развеянной бородой и огромным лбом, на котором держались очки. Юноша с выпученными от давления глазами парил, расставив руки, и вокруг него обмотался газетный лист. Все они летели, осыпались, ударялись о землю, превращались в мокрые кляксы. И горели среди колючек листьев алюминия.

Торобов перевертывался в свистящем ветре, стараясь схватить чью-то близкую, с обручальным кольцом руку.

— Зачем ты вызвал меня?

— Руководство считает, что только ты можешь отыскать Фарука Низара и его уничтожить. Тем самым выполнить приказ президента. На тебя будет работать вся агентура. Посольства обеспечат тебя деньгами, паспортами, каналами связи. Но лучше бы ты всем этим не пользовался. По непроверенным данным, Фарука видели недавно в Брюсселе. Ты летишь в Бельгию.

— Не могу. Я не молод. Не хочу возвращаться к прежнему.

Торобов слышал гул громадной воронки, в которой вращались изувеченные страны и обугленные города, регулярные армии и повстанческие отряды. Турецкая артиллерия била по сирийским горам, громя позиции курдов. Курды взрывали в Стамбуле рестораны и рынки. Растерзанная Ливия походила на тушу с окровавленными костями. Ирак озарялся факелами взорванных нефтепроводов. Ливан посылал отряды Хесбаллах под Алеппо, получал назад завернутые в саваны трупы. Русская авиация взлетала из Латакии, взрывала ИГИЛ, и отряды Джабхат-ан-Нусра жгли христианские храмы. Агенты спецслужб сновали по воюющим странам, проводя караваны с оружием, устраняя неугодных правителей.

Ближний Восток был похож на огромный котел, в котором пузырилось жирное варево, всплывали обрубки стран, раздробленные кости городов, гибнущие в муке народы. Это бурлящее варево затягивало в себя Торобова, и он, слабея, падая в котел, прошептал:

— Я смертельно устал. Не хочу. Не могу возвращаться к прошлому.

— Это приказ, полковник.

На спинках дубовых стульев были вырезаны гербы государства. В хрустальных кубках чернильницы застыли старинные радуги. У потолка в далеком углу сгустился дым из вишневой трубки. Сойка взлетала, брызнув нестерпимой лазурью. Опустелая ветка еще продолжала дрожать.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Торобов спустился в тир, где не был несколько лет. Здесь устойчиво пахло ружейным маслом, металлом, сладковатой пороховой гарью и еще чем-то, едва уловимым, что, быть может, являлось запахом расстрелянной плоти. «Оружейник» Семеныч встретил его так, словно не заметил многолетнего отсутствия. Длиннорукий, с шершавым лицом, по которому прошелся рашпиль и оставил железные заусеницы, он тут же сообщил о постигшем его несчастье:

— У меня, Леонид Васильевич, кот помер, Тиша. От старости. Пятнадцать лет жил. Утром подхожу, не дышит. Места себе не найду. Из чего будем стрелять?

Торобов выбрал американский пистолет ФНС, итальянскую «беретту» и русский ПМ. Семеныч принес ящик с оружием, выставил мишени, положил перед Торобовым наушники:

— Да я вам говорил про кота. Тишей звали.

Торобов, плавно напрягая руку, поднял ФНС, лоя в прицел мишень с черной головой и сутулыми плечами. Складывал геометрическую фигуру из линии ствола, сухожилий плеча, мерцающего зрачка и остановившегося в груди сердца. Лицо майора Фарука Низара с улыбкой и франтоватыми усиками проступило из черной мишени. И Торобов, прекратив дышать, разрядил обойму, после каждого выстрела совмещая ствол с мягкими губами майора, дырявя его пушистые брови, влажные мечтательные глаза. Опустил пистолет, передернув затвор.

Семеныч подтянул мишень, рассматривая в бумаге пробоины. Ни одной в голову, одна в шее, остальные не попали в контур.

— Рука забыла, — произнес Семеныч, помещая в зажимы другую мишень.

«Беретта» удобно легла в ладонь. Лицо майора Фарука Низара смотрело влажными задумчивыми глазами, мягкие, как у оленя, губы чуть улыбались, краснели на мундире нашивки, золотилась кокарда. Торобов остановил дыхание, чувствуя, как медленно взбухает в груди сердце, и утопил крючок. Пистолет прогрохотал, отшелкивая гильзы. Торобов, отложив ствол, смотрел, как приближается мишень. Одна пуля пробила голову, две угодили в шею, и остальные прострелили тело.

— В руке тоже ум есть. Она думать должна. — Семеныч менял в зажимах мишень.

Торобов вспомнил, как Фарук Низар принимал его в своей солнечной уютной квартире. Белая рубашка-апаш, волнистые с синим отливом волосы, на столе на узорном блюде стеклянный дышащий плов, жена Фарука, чернобровая красавица с восхитительным, как в восточной сказке, лицом, в соседней комнате шумно играет сын.

И в эти сияющие лица, в цветастое блюдо с пловом, в солнечный весенний Багдад с рынками, жаровнями, зелено-голубыми мечетями Торобов целил ПМ. С каждым выстрелом удалялся от снежных берез, волшебной сойки, неразгаданной тайны, на которую указал ему Господь и которую ему не дано разгадать.

— Стрельбу окончил. — Торобов отложил оружие.

— Уже лучше, Леонид Васильевич, уже лучше, — радовался Семеныч, показывая черный круг головы, взлохмаченный попаданиями.

— Спасибо, Семеныч. — Торобов совлек наушники. — Горе твоё разделяю. Тиша был славным котом. Второго такого не сыщешь.

Пожал «оружейнику» руку, натертую до твердых мозолей.

Вечером Торобов встречался с профессором Иерусалимского университета Шимоном Брауде. Их свидание проходило в Еврейском культурном центре, где чествовали кумира российских евреев, юмориста, чьи безобидные шуточки смешили, печалили, наставляли и предостерегали евреев. Еврейские писатели, коммерсанты, ученые были странно чувствительны к этим забавным афоризмам и притчам, воспринимали юморески как священные тексты. Торобову было непонятно это обожание, он не находил шутки смешными, но объяснял это дефектом своего восприятия, в котором отсутствовало какое-то важное звено.

Они сидели с Шимоном Брауде в кафе, за стеклянной стеной, сквозь которую был виден входящий в вестибюль люд. Это была еврейская элита Москвы. Блистают туалеты, прически, лица, исполненные веселья, величия или пресыщенного самодовольства.

Шимон Брауде имел продолговатую голову, на которой красовалась бархатная кипа, как чашечка желудя. Он был худ, в чопорном пиджаке, с прямым, как у дятла, носом и белыми холеными руками, на которых переливался бриллиант. Выходец из России, он прежде служил в израильской разведке Натив, которая агитировала русских евреев иммигрировать в Израиль. Занимался археологией хазарских древностей. Написал диссертацию о «еврейском факторе» в русской революции. А теперь курсировал между Москвой и Иерусалимом, искусно продвигая через еврейские круги политические интересы Израйля.

— Сейчас, Леонид, когда русские самолеты бомбят «исламское государство», вы поняли, что террористы ХАМАС и «Хесбаллах» мало чем отличаются от террористов ИГИЛ? Ваши пристрастия к фундаменталистам дорого обойдутся России.

— Любезный Шимон, ХАМАС открыто осудил ИГИЛ, а отряды Хесбаллах сражаются под Алеппо и Хомсом вместе с армией Асада.

— В любом случае у нас с Россией обнаружилось на Ближнем Востоке общее дело.

— Один из влиятельных еврейских журналистов в Москве написал, что в этой войне не должна пролиться ни одна капля еврейской крови и ни одна капля еврейского бензина. Израиль будет делать еврейское дело русскими руками.

— Все это полемический задор, Леонид. Не более. Израильские беспилотники определяют цели для ваших бомбардировщиков. Израиль как может содействует вашему сближению с Америкой.

— Мы это знаем, Шимон. Мы благодарны.

Торобов не стал возражать собеседнику. Сквозь стеклянную стену видел, как мимо шел редактор крупнейшей радиостанции, которая мощно влияла на общественное сознание. Гениальный творец, он собрал на своем радио самых ярких и творческих представителей еврейской интеллигенции. Они являлись законодателями моды в политике, экономике и культуре. Создавали и разрушали репутации. Рождали интеллектуальные течения. Сложно лавировали в хитросплетениях кремлевских групп. Радиостанция была не просто средством массовой информации, но блестяще организованной партией, собирая в сгусток энергию еврейского интеллекта и вбрасывая этот расплавленный сгусток во все области русской жизни.

Редактор был мал ростом, с огромной лобастой головой, размер которой увеличивали седые всклокоченные волосы. Они развевались, трепетали, посылали во все стороны молнии электричества. Казались антенной, чуткой к бесчисленным сигналам, витавшим в мироздании. Редактор шел пылко, властно, люди расступались перед ним, сгибались в поклонах. А он шествовал как повелитель. Торобов сквозь стекло чувствовал исходящие от него волны энергии.

— Леонид, вы прекрасный востоковед. Русская школа арабистики очень сильная. Вы знаете, Ближний Восток — это солнечное сплетение мира. Сквозь него проходят нервные волокна, кровеносные сосуды, охватывающие все человечество. Вы рассекаете крохотный сосудик в районе Ормузского пролива — и умирает вся японская экономика. Вы слышите слабый хлопок на улицах Хайфы — и начинают грохотать все орудия НАТО. Сейчас Россия вторглась на Ближний Восток, чужой для вас регион. Вы нуждаетесь в советнике, в поводе, который поведет вас по Ближнему Востоку и не даст оступиться. Таким поводом является Израиль.

— Дорогой Шимон, если Израиль — это Моисей, то он станет нас водить сорок лет и приведет в

страну, где нет нефти. Поверьте, у России была и есть стратегия на Ближнем Востоке. Сейчас среди руин прежнего Ближнего Востока на глазах исчезают целые государства и формируется новый облик региона. И Россия хочет участвовать в формировании этого нового облика. Нет Ближнего Востока без Израиля, но нет его и без России.

— Ближний Восток, Леонид, — это родина пророков. Отсюда истекли три великие мировые религии. Здесь началась мировая история, здесь она и закончится. Кто контролирует Ближний Восток, тот контролирует историю. Христиане и евреи не должны допустить, чтобы Ближний Восток контролировался исламом. Израиль этому препятствует и несет великие жертвы. Израиль действует на Ближнем Востоке, в том числе и в интересах России.

— Мы знаем этот довод, Шимон. Но поверьте, Россия сама способна защищать свои интересы. — Торобов вел этот поверхностный кафедральный диалог, где отсутствовала реальность, добываемая по крупицам разведками. Из этих крупиц складывалась мерцающая неустойчивая картина, где каждая пуля, каждый танкер нефти, каждое лукавое вероломное слово меняли всю картину.

Мимо стеклянной стены двигался дирижер изысканного струнного оркестра, мировая знаменитость, чьи виртуозы выступали во всех концертных залах мира. Он был высок, тонок, гибок в талии, с маленькой седой головой. Шел, опустив глаза и улыбаясь, позволяя собой любоваться. Чем-то напоминал скрипку — своим изяществом, хрупкостью, играющими в нем переливами красоты и печали. Его оркестр, играя европейскую классику, вносил в нее неуловимую печаль и сладостную меланхолию. Громоподобные, прилетающие из небес звуки покрывались едва заметной пылью, которая укрощала эти музыкальные бури, делала их безопасными, переносила из Космоса в салоны. Даже Вагнер, с его великолепной разрушительной мощью, смирялся, становился ручным, что позволяло играть его в концертных залах Иерусалима и Тель-Авива.

Дирижер шагал — синеватая седина, полузакрытые глаза, хрупкое движение плеч. Казался лунатиком, ступающим по канату под нежную певучую музыку.

— Вы знаете мои воззрения, Леонид. Евреи и русские — два мессианских народа. Оба верят в чудо преображения. Оба верят в духовную силу, преображающую падший мир. И падший мир мстит евреям и русским за эту веру, за ту укоризну, которая исходит от евреев и русских этому греховному миру. И вас и нас гонят, убивают, подвергают преследованиям.

Среди евреев и русских больше всего мучеников за правду. Это нас роднит. Нам нужно объединиться и вместе спасти человечество.

— Как вы это видите, Шимон?

— У нас, евреев, — «Обетованная земля». У вас — «Святая Русь». Но ведь это одно и то же! Это рай, в котором мы встретимся! И к этой встрече мы должны стремиться уже теперь. Мы должны забыть все разногласия, все исторические недоразумения и ошибки. И объявить духовный, метафизический союз евреев и русских. И мы будем непобедимы. Наша духовная встреча состоится в Иерусалиме, на Святой земле. Или в Новом Иерусалиме, под Москвой. И это не важно. Ведь «Обетованная земля» — это «Святая Русь». А «Святая Русь» — это «Обетованная земля».

Торобов видел, как мимо проходит известный банкир, чей банк обслуживал атомную энергетику и космическую индустрию. Банкир был тучный, круглился большой живот, на лысой голове слабо курчавились остатки белокурых волос, водянистые голубые глаза смотрели прямо перед собой, не замечая встречаемых людей, которые подобострастно расступались у него на пути. Он шагал грузно, переставляя тяжелые ноги. Был среднего роста, но казался огромным каменным исполином, ожившим и шагающим среди слабых и робких людей.

— Вы сказали, Шимон, о нашем духовном братстве, о встрече евреев и русских в райских чертогах. И еще — что к этой встрече нам следует готовиться уже сейчас. Не могли бы вы, в этой связи, оказать мне услугу?

— Какую, Леонид?

— В Брюсселе, в аппарате НАТО, работает ваш друг Джереми Апфельбаум. Он специалист по «исламскому терроризму». Я отправляюсь в Брюссель. Порекомендуйте меня ему. Мне нужна его консультация.

Бриллиант на пальце Шимона Брауде метнул в зрачок Торобова острый луч. Словно профессор проницательным лучом в мозг Торобова, желая разгадать его замысел.

— Это связано с взрывом вашего самолета над Синаем? У вас задание, Леонид?

— Вы же знаете, Шимон, я давно не у дел. Меня интересуют беженцы с Ближнего Востока. Как это подтверждает или опровергает теорию о «войне цивилизаций».

— У Джереми Апфельбаума картотека террористических организаций от Индонезии до Нового Орлеана. Одна из лучших.

В вестибюле Культурного центра появлялись все новые посетители. По одному или праздничными возбужденными группами.

Прошел знаменитый архитектор с длинными, до плеч, волосами. Он построил на берегу Москва-реки великолепный ансамбль с отелями, концертными залами, библиотеками и супермаркетами. Этот центр, напротив старинного монастыря, сверкал в ночи как огромный бриллиант. Говорили, что за основу ансамбля взят Храм Соломона, и он является объектом поклонения мирового еврейства.

Появился вице-премьер, моложавый, узкоплечий, с тонкими длинными руками, которые то и дело протягивал для рукопожатий. Шел, раздаривая улыбки, никому и всем сразу. Он был противником чрезмерных военных расходов, настаивал на сближении с Западом и имел под Лондоном средневековый замок.

Прошествовали четыре хасиды, одинаковые, одного роста, в черных сюртуках, черных шляпах, с черными бородами. Шли целеустремленно, как небольшой боевой отряд, не смешиваясь с пестрой толпой.

Торобов сквозь стекло чувствовал давление бесплотных энергий, которые копились в вестибюле, словно туда вносили уран. С каждым новым гостем масса урана приближалась к критической. И когда она будет достигнута, случится взрыв. Сместит земную ось, породит падение царств, поднимет вихри революций и войн. От взрыва иссохнут моря, воспламятся города и страны. Из недр сокрушенного мира прозвучит громогласное слово о конце времен.

— Я позвоню Джереми Апфельбауму. Вы встретитесь с ним в Брюсселе.

В вестибюле поднялся радостный ропот. Все устремились ко входу, выстраиваясь двумя шпалерами, оставляя в середине пустое пространство. И в этой пустоте, как по невидимому ковру, шагал маленький круглый человек со смешливым лицом, короткими руками, озорными глазами. Позволял себя обожать, славить, принимал религиозные почести. Словно в этом маленьком толстом тельце спрятался могучий властелин, грозный повелитель, полководец несметного войска.

— Я вам сердечно признателен, Шимон. Надеюсь снова увидаться.

В тот же вечер Торобов отбывал в Брюссель. По старой традиции, напоминавшей религиозный обряд, он, на пути в аэропорт, проехал по Кремлевской набережной, восхитившись на мгновение озаренным «Василием Блаженным». Храм возник, как волшебное соцветие, из которого во все стороны брызнули радуги, лучи, многоцветные искры. Словно семена, засевая удаленные пространства Вселенной. И там, где семена прорастут, среди лун и светил вста-

нут дивные храмы. И в них станут молиться о Торобове, чтобы тот вернулся домой.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Торобов остановился в Брюсселе, в отеле «Рояль Виндзор», на Рю Дукес. В холле в мягких креслах они сидели с Джереми Апфельбаумом, и служитель, араб в малиновом сюртуке с золотыми галунами, разливал чай по маленьким фарфоровым чашечкам. Другой служитель с фиолетовым африканским лицом, в таком же малиновом сюртуке с золотыми оторочками, катил тележку, полную чемоданов. За стойкой ресепшн, под дюжиной одинаковых циферблатов, администратор, выходец из Малайзии, поглядывал на крутящуюся стеклянную дверь, в которой толклись маленькие дружные японцы. Перед входом краснел туристический автобус.

Джереми Апфельбаум был немолод, рыж, с седыми висками, отчего волосы казались небрежно покрашенными. Лицо сплошь покрывали веснушки и желтоватые пигментные пятна, словно сквозь кожу сочилась ржавчина. Под желтыми бровями голубели прозрачные детские глаза, окруженные белыми ресницами. Из расстегнутого ворота выглядывал розовый зоб, который колыхался, как студень.

— Я читал вашу работу с критикой Хантингтона, — произнес Апфельбаум, колыхнув зыбким зобом. — Согласен, что «война цивилизаций» — это условность, которая удобна для классификации явлений, но на нее не может опираться практическая политика государств.

— Как и парадоксальное утверждение Фукуямы о «конце истории». История замерла на одно мгновение, а потом ринулась дальше. Фукуяма уловил эту моментальную остановку, — произнес Торобов. — Но эти волны африканских беженцев — они вторгаются в Европу и производят в ней необратимые изменения. Разве это не повод развернуть борьбу за «европейские ценности»?

— До того, как поступить на службу в НАТО, я работал в отделении «Рэнд Корпорэйшн» в Катаре, а потом преподавал в университете в Беркли. Читал курс под экстравагантным названием: «Принципы управления историческими процессами». Иногда это называют: «Теорией управляемого хаоса». Я предложил мои модели Госдепартаменту, Совету по национальной безопасности и Объединенному комитету штабов. Мои модели применили на практике, и они себя оправдали.

— Вы хотите сказать, что наплыв арабских беженцев в Европу — это сконструированное явление?

— Я хочу сказать другое. Я называю это «эффектом квашни». Исламский мир переживает грандиозный подъем. Он взбухает, как тесто в мировой квашне. Он должен достичь невиданного могущества. И это могущество будет опрокинуто нам на головы. Будет возмездием за долгие века оскорблений и попраний. Запад готовится к этой схватке, и я дал Западу рецепты победы. Я знаю, как удержать тесто в пределах квашни.

Джереми Апфельбаум колыхал зобом, и Торобову казалось, что розовая медуза прилипла к его подбородку.

— Прежде чем исламский мир накопит в себе энергию для решающего наступления, для последней битвы Халифата с гибнущим Западом, мы должны ослабить этот удар. Должны проткнуть тесто в квашне, чтобы оно осело. В этих дырах, в проколах исламский мир израсходует свою энергию впустую. Тесто осядет, и мы окажемся в безопасности.

Апфельбаум надувал зоб, как это делают лягушки в брачный период, издавая с помощью пузыря квакающий звук. Торобов чувствовал силу его интеллекта, способного противодействовать мировым стихиям.

— Как вы будете протыкать тесто?

— Наша цель — создавать в недрах исламского мира неугасающие конфликты, чтобы в этих конфликтах сгорела энергия возрождения, израсходовалась неукротимая мощь. Именно этим, господин Торобов, занимается НАТО, а не мнимым противодействием России. Мы рассматриваем русских как стратегических партнеров, протыкающих вместе с нами тесто в квашне.

Фиолетовый африканец с золотыми галунами катил нагруженную тележку. Малайзиец на ресепшн разговаривал по телефону, и циферблаты распределяли время по часовым поясам. В стеклянных дверях запуталось несколько пожилых американок с седыми буклями и одинаковыми лошадиными лицами.

Торобов видел, как на зобу Джереми Апфельбаума гуляют вздутия, словно там пульсировал неведомый эмбрион, который носил в себе рыжеволосый ученый.

— Мы уничтожили государства Ливии и Ирака, сконцентрированная в них энергия ушла в пустоту и продолжает догорать в топке гражданских войн. Мы нанесли удар по Сирии, и, чем бы ни кончилась борьба с Башаром Асадом, Сирии уже никогда не собраться в сильное государство, доминирующее на Ближнем Востоке. Мы покончили с «братьями мусульманами», самой мощной и перспективной силой исламского возрождения. Сначала заманили их во власть, а потом позволили египетской армии их уничтожить. Мы развязали войну между шиитами и

суннитами, и они будут весь век воевать, истощая друг друга. Им будет не до Запада, не до нас с вами, и эта война внутри исламского мира опровергает теорию Хантингтона о «войне цивилизаций».

Зоб на горле Апфельбаума пульсировал, трепетал от вздутий. Там содрогалось неведомое существо, которое носил в себе Апфельбаум. Это существо, сокрытое во тьме чужой плоти, управляло «историческими процессами», создавало комбинации мировой политики, оплодотворяло идеями научные школы и военные центры, поднимало в воздух эскадрильи бомбардировщиков, чертило на карте мира контуры новых государств, стирая контуры старых.

Торобов чувствовал эту таинственную планетарную волю. Думал, если скальпелем взрезать зоб, из него прольется желтоватая студенистая слизь и появится маленькое подвижное тельце с лягушачьими лапками, в рыжей шерстке, с немигающими голубыми глазами.

— Но ведь вы взорвали в Северной Африке сразу несколько «демографических бомб». Взрывная волна из миллионов беженцев хлынула в Европу. Старая Европа ответит на это созданием фашистских государств, а в хаосе ближневосточных конфликтов будут возникать одно за другим террористические движения.

— Это побочные эффекты. Сейчас мы убираем мусор произведенных разрушений. Наши и ваши бомбардировщики, добывающие «исламское государство» — это мусорщики, подбирающие сор.

Торобов почувствовал, что разговор достиг той заветной точки, когда можно отринуть все сложные предварительные построения и коснуться главного, ради чего он явился в Брюссель.

— Кстати, о мусоре, который мы подбираем. Шимон Брауде сказал, что вы располагаете уникальной картотекой, в которой, как в таблице Менделеева, сведены воедино террористические организации от Пакистана до Франции. Что вы знаете о Фаруке Низаре, бывшем майоре иракской военной разведки, который причастен к взрыву русского лайнера над Синаем? Его видели недавно в Брюсселе. Вам что-нибудь известно об этом?

Торобов извлек из кармана фотографию офицера с молодцеватыми усиками, в мундире, с кокардой на цветастой фуражке. Протянул Апфельбауму. Тот взял, минуту рассматривал. Вернул Торобову.

— Шимон говорил мне о ваших специфических интересах. Рад был познакомиться. Мне пора. Меня ждет работа. — Джереми Апфельбаум поднялся, колыхнув зобом, и пошел к выходу, переваливаясь, как пингвин. Торобов разочарованно смотрел ему вслед.

Апфельбаум дошел до стеклянных дверей, уловивших в свои прозрачные лопасти господина в длинном пальто и шляпе. Вернулся обратно.

— Возможно, я ошибаюсь. Но этот Фарук возглавляет организацию «Сейф-эль-Расул», «Меч Пророка». Действует по всему Ближнему Востоку под видом торговца древностями. Он появлялся в Брюсселе в их торговом представительстве и скоро пропал. Это в квартале Моленбек, кажется, там.

Апфельбаум повернулся и пошел, исчезая в стеклянной карусели дверей, за которыми в дожде переливался Брюссель.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Брюссель, зимний, дождливый, отливал черным металлическим блеском, каким отливает железный метеорит.

Квартал Моленбек был полон запахов восточных сладостей, жаровен, туалетной воды, пряностей. Так пахнут улицы в старом Багдаде или Дамаске. По тротуарам двигалась смуглая толпа, женщины в хиджабах напоминали круглоголовых птиц, мужчины то и дело перебежали улицу перед радиаторами автомобилей, и водители раздраженно сигналили. Отовсюду звучала восточная музыка, женский голос, витиеватый, как арабская вязь, пел о безответной любви, о безутешной невесте, потерявшей своего жениха. Мальчишки запускали в небо сверкающих пластмассовых птиц, и те падали на крыши автомобилей, а мальчишки с криками бежали вдогонку.

Торобов шел в толпе, иногда его задевала развевающаяся накидка, обжигал из-под хиджаба черный огненный взгляд.

Витрины маленьких магазинчиков были украшены мигающими гирляндами. В одних витринах, окруженные огоньками, лежали сладости, халва, пирожные с марципанами. В других витринах, похожие на лебедей, стояли кальяны. В третьих были вывешены образцы арабской одежды, мужской и женской. Тут же к прохожим цеплялись назойливые зазывалы, тащили в харчевни, где кормили свежей морской рыбой. В глиняных, врытых в землю печках пекли лепешки, здесь же продавали. Покупатели, обжигаясь, хватали лепешки и, не отходя от пекарен, поедали.

Район Моленбек казался куском восточного торта, который на перламутровой лопатке перенесли с одного фарфорового блюда на другое. Из ближневосточной Азии в центр Европы.

Торобов читал вывески, большинство на арабском. Начальная школа — зеленый щит с красной вязью.

Аптека — зеленый полумесяц. Благотворительное общество — зеленый флаг с цитатой из священного текста.

Он искал магазин, торгующий предметами древности, и наконец нашел его среди других затейливых вывесок. В витрине красовался верблюд из папьемаше, окруженный мерцающими светлячками. Были разложены какие-то бусы, черепки, обломок амфоры, осколок мраморной капители. Торобов вошел, услышав над головой звон бубенца.

— Салам Алейкум! — громко произнес он. На его приветствие появился смуглолицый араб с седыми волнистыми волосами, в изысканном костюме, белых манжетах, с осанкой, какая бывает у аристократических профессоров Гарварда или у метрдотелей элитных ресторанов.

— Ва-алейкум ас-салам. — Араб сдержанно улыбнулся, внимательный к гостю, не обнаруживая радости. И эта едва заметная отчужденность заставила Торобова подумать, что коммерция, быть может, не главное для хозяина дело. — Что вам угодно, месье?

— Меня интересуют артефакты, которые, в силу известных обстоятельств, покидают свои традиционные места в арабских музеях. Переносятся в Европу, где их могут приобрести европейские музеи и коллекционеры.

— У нас не слишком великий выбор, месье. В основном это этнография бедуинских племен, египетская керамика, мрамор, привезенный из античных поселений Ливии.

— Мы знаем, что в результате военных действий из Пальмиры, Вавилона, Сабраты в Европу попадают статуи, капители, фрагменты римских надгробий и их можно приобрести в вашей торговой фирме.

— Сильное преувеличение, месье. Это весьма небезопасное дело. Таможня, полиция, законы о сохранности музейных ценностей — все это ограничивает торговлю. — Араб внимательно смотрел на Торобова, ожидая, как тот откликнется на этот вежливый отказ. Повернется и уйдет или продолжит настаивать.

— Я профессор Майкл Фарб, сотрудник Британского музея. В мою задачу входит приобретение для музея подобных артефактов. — Торобов подал арабу визитную карточку, подтверждающую его научный статус.

— Прошу вас. — Араб протянул Торобову свою визитку, в которой, на арабском и английском, указывалось, что ее владелец — коммерсант Нур Азиз. — Иногда к нам попадают ценности, в основном из Ливии. Но очень редко и третьего сорта. Нужен гарантированный и достойный клиент. Тогда мы можем сделать заказ нашим партнерам в Ливии, и они подберут интересующую клиента вещь. И тогда нач-

нется сложная процедура доставки и оформления покупки.

Нур Азиз умолк, отстраненно улыбаясь. Но Торобов чувствовал, что дистанция между ними уменьшилась, и продолжал ее уменьшать.

— Я вам не все сказал, уважаемый доктор Нур. Я представляю не только государственный Британский музей, но и частную компанию, которая продает дорогую недвижимость, в основном русским. Очень богатые русские строят себе виллы и замки где-нибудь в Альпах или на Лазурном Берегу. Им хочется иметь у себя артефакты, связывающие их современные дворцы с древними культурами. Они готовы платить за это огромные деньги.

— Прошу вас, садитесь, месье Фарб, — пригласил Нур Азиз. Торобов почувствовал, что преодолен еще один отрезок, их разделяющий.

— Мне говорили, что у вас можно приобрести артефакты из Сирии. Там идут бои, и страдают античные постройки. Вы, своей коммерческой деятельностью, спасаете от исчезновения драгоценные свидетельства древности. За это вас не преследовать надо, а кланяться до земли.

— К сожалению, не все так считают, — скромно потупился Нур Азиз. — Однако я должен вас огорчить. С Сирией мы не работаем. Главным образом с Ливией. Там есть наш представитель.

— А что вы можете предложить?

— Сейчас, увы, ничего. Но если сделать заказ, можно, например, получить рисунки из пещер в Сахаре.

— Как, знаменитые наскальные рисунки в Таджарт-Акакус? Но ведь они нанесены на каменный монолит!

Торобов вспомнил свое посещение пещер на границе раскаленной пустыни, когда, ослепленный жгучим солнцем, тыходишь в прохладные гроты, и на скальной породе неяркими красками из растертых разноцветных камней нарисованы сцены охоты, бегущие стада жирафов, картины первобытной жизни, в которой уже существовали все сюжеты более поздних времен. Женщина держит на поводке собачку, словно иллюстрация к Чехову. Два старика, мужчина и женщина, любовно поддерживают друг друга, — «Старосветские помещики» Гоголя. Все это вспомнил Торобов, слушая арабского коммерсанта.

— Но как эти рисунки можно привезти из Сахары? Должно быть, копии, а не подлинники?

— Есть особая технология снятия рисунков с камня. Ткань, пропитанную особым раствором, прикладывают к рисунку. Обработывают раскаленным паром. Рисунок переходит на ткань. Ткань сворачивают в рулон и везут в Европу. И на стене какого-

нибудь русского миллиардера появляется рисунок неолита, изображающий охоту на гиппопотамов.

— Поразительно, доктор Нур!

Торобов вдруг остро почувствовал связь между этим чинным арабом и Фаруком Низаром, чей след незрим, как след змеи на камне. Особым чувствительным, таинственным органом, расположенным где-то в глубине гортани, он ощутил близость Фарука. Словно тот сейчас выйдет из-за перегородки и предстанет перед Торобовым.

— Но как я могу сделать заказ на такой рисунок? — Торобов одолел волнение, боясь, что Нур Азиз угадает его смятение.

— Боюсь, что сейчас это невозможно, месье Фарб. Мне нужно согласовывать этот вопрос с руководителем фирмы.

— Разрешите мне выйти на него непосредственно, и я предложу ему цену, от которой он не откажется.

Зрочки араба чуть заметно дрогнули, словно бесшумно щелкнул замок, и между ними возникла стена, непроницаемая, как стальная дверь. Но кое-что не успело скрыться за этой непробиваемой сталью. Как лоскут защемленного платка. Это была Ливия. Там, в разорванной революцией стране, где грохотали пулеметы и носились отряды повстанцев, среди разграбленных римских поселений, на берегу лазурного моря, находился Фарук Низар. Его черная голова и черные сутулые плечи, пробитые попаданиями.

— Благодарю вас, доктор Нур. Вы позволите мне навестить вас еще раз?

— Буду рад, месье Фарб. — Араб, изысканно кланяясь, провожал его до дверей, звякнувших бубенцом. Выпустил на улицу, где звенела арабская музыка, пахло жареной рыбой, и проходящая женщина в хиджабе бросила на него огненный взгляд.

Он шел, обдумывая результаты визита. Таинственное, размещенное в гортани чувствительное указывало на Ливию. Туда вел след Фарука Низама, след змеи, скользнувшей по камню.

Торобов заметил, что за ним следят. Араб в кожаной куртке и красном шарфе следовал за ним на небольшом расстоянии. Замирал, если Торобов останавливался. Отворачивался и рассматривал витрины, если Торобов поворачивал голову. Второй наблюдатель, тоже араб, в пальто и синей вязаной шапочке, держался в стороне от первого, не отставал от Торобова. Это была слежка, наружное наблюдение.

Торобов, не слишком взволнованный, решил оторваться. Перешел на противоположную сторону, нырнул за угол и ждал, когда оба, в красном шарфе и синей шапочке, торопливо пройдут мимо. Вышел

из-за угла и зашагал в противоположную сторону. Но скоро заметил за спиной красный шарф и синюю шапочку.

Проходил мимо рыбного ресторана, у которого назойливый зазывала схватил его за рукав:

— Месье, самая вкусная рыба! Поймана утром!

Вошел в ресторан. Двинулся мимо столиков, за которыми ели рыбу, хрустели креветками, лакомились мидиями. В дальнем углу дверь вела на кухню, из которой выскакивали официанты с подносами. Нырнул на кухню, на сковородках жарилась рыба, бурлили в кипятке мидии, на доске повар мокрым ножом вскрывал брюхо серебряному сибасу. Увидел «черный ход» и выскользнул на дождливую улицу.

Преследователей не было. Он некоторое время шагал, окруженный многолюдьем. Но скоро за спиной обнаружился красный шарф, а на противоположной стороне — синяя шапочка.

Его преследовали опытные наблюдатели. Ему помешались в их руках рации. Слежку могли организовать люди доктора Нура. Или бельгийская полиция. Или сотрудники Джереми Апфельбаума, на всякий случай. Было впечатление, что преследователи не слишком маскировались, иначе на них не были бы одеты столь приметные красный шарф и синяя шапочка. Эта была «тревожащая слежка». Ему давали понять, что его визит в Брюссель не остался незамеченным.

Он взмахнул рукой, останавливая такси:

— Куда желает месье?

— В центр. На Гран Плятц. — Торобов оглянулся на ускользящую улицу, где в морсящем тумане исчезли преследователи.

На центральной площади брусчатка маслянисто блестела, словно ее помазали черной икрой. Здание ратуши своей хрупкой готикой, ломкими очертаниями напоминала вафлю. Столь же хрупкой выглядит окаменелая раковина, из которой исчез моллюск. Площадь была отпечатком неповторимой, канувшей жизни и своей беззащитной красотой вызвала страдание. На площади стайками стояли туристы, и экскурсоводы заученными голосами пересказывали содержание хрестоматий.

— Теперь посмотрим налево, на дома, что напротив ратуши. Каждый из этих домов неповторимо красив и носит свое имя. Дом «Пекарь». Дом «Лебедь». Дом «Оловянный горшок». И далее — «Ветряная мельница», «Золотая шляпка», «Павлин», «Медведь». И вон те розовые и зеленые — «Осел», «Дуб», «Лисенок». Как вы думаете, почему дома получили такие названия?

Торобов, не дожидаясь ответа прилежно внимавших туристов из Восточной Европы, покинул площадь.

Поколесил по окрестным улочкам, битком набитым лотками и лавками с бесчисленными сувенирами. Вышел к «Писающему мальчику», перед которым толпились гогочущие туристы, норовя почерпнуть извергаемую мальчиком струю и омыть ею лицо. И вновь заметил красный шарф и арабское лицо под синей шапочкой.

Его охватило острое чувство опасности. Город был пронизан незримыми волокнами, уловлен в невидимые сети. По телефонам, по рациям весть о Торобове передавалась из улицы в улицу, из квартала в квартал. Брюссель со своей ратушей, супермаркетами, с Европарламентом и штаб-квартирой НАТО был захвачен, был оккупирован. На него был надет «пояс шахида», который превратит его в зловонный взрыв.

Им овладела паника. Он должен был вырваться из этого плена, исчезнуть из города, пронизанного проводками взрывателей, спастись от взрыва.

Он снова поймал такси.

— Куда угодно?

— К вокзалу!

— К Северному?

— Ну конечно!

Быстро смеркалось. Размыто горели рекламы. Встречные фары выплескивали кувшины водяного света. Торобов торопился к вокзалу, чтобы попасть в электричку и покинуть город, до того, как тот превратится в грохот и пламя.

Очнулся, одолел приступ паники, который с ним случался и прежде. В Бейруте, когда израильские бомбардировщики громили район Хесбаллы. В окрестностях Каира, когда вдруг подул из пустыни колючий ветерок смерти. В Багдаде, когда на город легла сусальная позолота предательства. Он был подвержен этим предчувствиям, которые, быть может, сберегали ему жизнь.

— Остановите, — приказал он шоферу. Расплатился и вышел.

Улица, на которой он оказался, была узкой, без машин. По обе стороны стояли невысокие дома, тесно, стена к стене. На некоторых горели красные, как рубины, фонари. Нижние окна домов являли собой витрины, и в них, озаренные таинственным светом, фиолетовым, розовым, изумрудным, сидели женщины, как разноцветные рыбы в аквариуме. Полуобнаженные, с пленительными улыбками, — голые плечи, чуть прикрытые груди, брошенные одна на другую ноги. Одни вязали, перебирали спицы, разматывали клубочек, поглядывая на проходящих мужчин ласковыми зовущими глазами. Другие делали вид, что читают книгу, иные в очках, как классные дамы, чуть кивали, если видели, что кто-нибудь загляделся на них. Третьи просто сидели, выставив напоказ от-

крытые колени, поправляли на пышной груди прозрачные лифы. Они казались русалками, живущими в перламутровых водах. Мимо окон шли мужчины — высокие чернолицые африканцы, гибкие молодые арабы, низкорослые азиаты, мелькало европейское лицо. То один, то другой поднимался по ступенькам, исчезал в дверях, и тогда женщина вставала, опускала на окно штору, и аквариум угасал, в нем меркли фиолетовые и алые отсветы. Некоторое время окно оставалось темным. Но потом дверь распахивалась, выпускала мужчину, тот торопился уйти, в окне вновь возникала женщина в переливах волшебного света.

Торобов шел вдоль окон, вдыхая запах дешевых духов, табака и едва различимого, сладковатого тления. И вдруг снова увидел красный шарф. Араб издали ему улыбался, словно радовался встрече. Торобов, скрываясь от этой ухмылки, шархнул в сторону, где сияла химической синевой витрина с целлулоидной красавицей. Толкнул дверь.

Женщина поднялась навстречу. Звякнула замком, уронила штору. Стояла перед ним, большая, в голубых лучах, пахнувшая туалетной водой. Улыбалась сиреневыми губами, поправляла бирюзовые волосы.

Он положил на край широкого топчана сто евро, и она легко смахнула их, протянула руку, расстегивая на нем пальто.

— Подожди, — сказал он. — Садись.

Она сбросила легкий халатик, из-под которого колыхнулись большие груди и выпуклый живот. Села на топчан.

Торобов подошел к дверям и прислушался. Снаружи ровно шумела улица, слышался смех.

Женщина сидела на топчане, немолодая, с тяжелыми висящими грудями, складкой на полном животе, раздвинула ноги. Ее стопы были повернуты носками внутрь. На пальцах педикюр был похож на фиолетовую гроздь винограда.

Торобов вдруг испытал прилив похоти, слепую страсть, от которой воздух остекленел и ноздрям стало горячо и душно. Захотелось толкнуть женщину, опрокинуть, чтобы она упала на топчан, груди ее развалились, колени раздвинулись, и он слепо сдвигал бы с себя рубаху.

Похоть колыхнула его и ударила, словно о столб. Он очнулся, успев подумать, — недавно пережитая паника, звериное ожидание беды и эта мужская похоть разбудили в нем, казалось, навсегда забытые инстинкты, связанные с профессией, которая вновь захватила его в свое капризное русло и повлекла.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Астор.

— Здесь есть другой выход?

— Там, — она махнула рукой на занавеску.

— Проводи.

Шлепая босыми ногами, она пустила его в коридор, куда выходили двери из других комнаток, и стояли какие-то ведра и щетки. Он взял ее грудь, сжал. Грудь была теплой, маслянистой, с коричневым соском.

Вышел на улицу и поймал такси.

В гостиничном номере встал под горячий душ и ждал, когда шелестящая вода смоет запах дешевых духов, табачной горечи и сладковатого тления.

Включил телевизор.

На экране выла сирена, мигали санитарные машины, санитары несли окровавленные носилки, беспомощно металась полицейские с автоматами. В Триполи, у полицейского участка, произошел террористический акт.

Торобов еще раз, по фразам, вспомнил свой разговор с коммерсантом.

След Фарука Низара вел в Ливию. Так бабочка оставляет за собой незримую трассу, состоящую из мельчайших капель. И там, куда опускается бабочка, гремит взрыв и лежат растерзанные фугасом тела.

Торобов спустился в холл и у желтолицего малазийца под циферблатами спросил:

— Не могли бы узнать, когда прямые рейсы из Брюсселя в Триполи? — и пошел собирать чемодан.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

В Триполи Торобов поселился в отеле «Аль Махари», когда-то роскошном и фешенебельном. Там оставались нефтяные магнаты, торговцы оборудованием, европейские дипломаты и арабские шейхи. В те годы над входом, украшенный зеленой мозаикой, красовался портрет Каддафи в полковничьей форме, с пышной кокардой. Теперь же отель потускнел, утратил лоск, обезлюдел. Там, где раньше висел портрет, оставалось грязное пятно от сбитой мозаики. Прислуга щеголяла все в тех же зеленых сюртуках, отороченных серебром, но опытный глаз мог заметить едва различимую штопку.

Триполи оставался звонким, людным, пестрым городом, в котором были почти незаметны следы войны. Лишь несколько правительственных зданий были повреждены крылатыми ракетами и чернели пустыми окнами. По улице, распугивая автомобили, прошла колонна гусеничных броневиков, и пулеметчики, стоя по пояс в люках, водили по сторонам усталыми глазами. У здания полицейского участка, где накануне произошел взрыв, стояло оцепление автоматчиков, пестрела лента ограждения.

Торобов вспоминал, как когда-то, гуляя по весеннему Триполи, забрел на рынок и у веселого белозубого торговца купил серебряный браслет с голубым камнем. Привез жене, и та радовалась подарку, любясь драгоценным обручем на своем легком запястье. После кончины жены браслет перешел к дочери, та иногда надевала восточное украшение, и вид голубого камня и белого серебра рождал у Торобова сладостную боль.

Тогда он приехал в Триполи с группой военных экспертов, предлагая Каддафи купить у России комплексы радиоэлектронной борьбы. Такие комплексы, установленные в окрестностях Триполи, «ослепляли» самолеты и корабли противника, создавали непроницаемую оборону.

Каддафи отказался от сделки. Сказал, что новые отношения с Западом исключают возможность нападения. Подобная покупка может насторожить и раздосадовать новых друзей, для которых Ливия из врага превратилась в дружеское государство.

Каддафи был весел, самодоволен, по его лицу пробегала легкая судорога. Он чистил банан, снимая лепестки кожуры, резал плод серебряным ножичком, протягивал белую мякоть гостям. На его длинных пальцах с ухоженными розовыми ногтями красовался затейливый перстень из золотых сплетенных стеблей. Когда через несколько месяцев Торобов видел на телеэкране окровавленное тело Каддафи, он разглядел его мертвую руку, растопыренные длинные пальцы с золотым перстнем, который еще не успели снять убийцы.

Торобов, не без труда, отыскал на улице Авгис скромное заведение, торгующее антиквариатом. Познакомился с его управляющим, Али Хамидом, полным отечным ливийцем в очках, сквозь которые смотрели большие печальные глаза, какие бывают у робких ланей и антилоп. Для укрепления знакомства Торобов передал управляющему задаток в тысячу евро и пригласил поужинать в ресторанчик вблизи площади Ат-Таль.

Они угощались «мясом по-левантийски», остро наперченным, с испеченными овощами, и рыбой бури, пойманной утром в беспокойных морских водах. Запивали острые блюда сладким морсом, сложенным травами. Курили кальяны, вдыхая сладкие пьянящие дымы.

— В Брюсселе доктор Нур говорил мне о возможности здесь, в Триполи, заключить крупную сделку на покупку петроглифов из пещер в пустыне Сахаре, в Тадарт-Акакус, и фрагментов античной архитектуры из Сабраты. Мы можем начать переговоры, доктор Али?

— Уважаемый господин Фарб, я не уполномочен заключать крупные сделки. Я скромный управляю-

щий. Крупные сделки заключает хозяин нашей компании, действующей в Ливии, Ливане, Ираке, Сирии, Египте, Палестине. Все средства от подобных сделок собираются в одном месте и идут на поддержку несчастных беженцев из районов военных действий. Вы же знаете о неисчислимых несчастиях, упавших на их головы. — Али Хамид смотрел на Торобова влажными печальными глазами, исполненными сострадания.

— Я это знаю, доктор Али. Я готов встретиться с доктором Фаруком Низаром и провести переговоры. Устройте мне эту встречу.

— Доктор Фарук был недавно в Триполи, всего несколько дней, и уехал в Ливан. Там у компании появились клиенты в окрестностях Баальбека.

— Я буду ждать, когда он вернется из Ливана.

— Он может вернуться очень нескоро. Он не извещает нас о своем приезде. Признаться, когда он был в Триполи, я даже его не видел. Между нами слишком большая дистанция.

— Но вы можете его известить, что Британский музей заинтересован провести неформальные переговоры? Повторяю, речь идет об очень больших деньгах.

— Не обещаю, господин Фарб. Но вы можете посетить Сабрату и указать фрагменты архитектуры, на которые пал ваш выбор. Мы возьмем их на учет и при первой возможности осуществим сделку.

Торобов благодарно улыбался. След змеи скользнул по камню и исчез в Ливане, чтобы обнаружить себя взрывом фугаса. Отряды ливанской Хесбаллах воевали в Сирии против ИГИЛ, и ответом Фарука Низара мог стать взрыв шиитской мечети Бейрута или у штаб-квартиры Хесбаллах.

— Вы очень любезны, доктор Али.

Торобов оглядывал ресторанный зал. Былолюдно, много молодежи. Всего несколько девушек пришли в хиджабе. Видимо, шариат медленно пускал свои корни в Триполи. Другое дело Бенгази, где исламисты строили свое «исламское государство». Туда причаливали корабли с боевиками, сгружалось оружие, оттуда велось наступление на Триполи. Молодежь в ресторане говорила, смеялась, но не громко, вполголоса, словно недавний взрыв оглушил их, и они присмирели, осторожно оглядывались.

Торобов тянул из кальяна сладкий дым, чувствуя, как прозрачнее становится воздух и ярче разгораются под потолком лампы. Али Хамид, казалось, покачивается в воздухе, и сейчас поднимется ветер и его унесет. Это было забавно, и Торобов рассмехался.

— У меня хорошее настроение, доктор Али. Я рад нашему знакомству.

— В прежнее время я мог бы пригласить вас в музей, господин Фарб. Вы бы увидели бесценные экспонаты, рассказывающие о древней культуре Ливии. Но теперь, увы, музей разграблен, и я, кто раньше сберегал национальные сокровища, теперь участвую в их разграблении. — Печальные глаза Али наполнились слезами. Его тоже тронуло сладкое зелье кальяна, и Торобов казался ему невесомым, как воздушный шар, колеблемый ветром.

— Все-таки при Каддафи народ жил лучше, спокойней, не правда ли? Когда я ехал на встречу с вами, я видел полицейский участок, где день назад произошел взрыв. Район все еще оцеплен, и мне пришлось петлять по соседним улицам.

— Народ боготворил Каддафи, когда тот сверг короля и объявил нефть собственностью государства. Он посадил в пустыне райские сады, построил белые города, университеты и научные центры. Дети берберов уже учили высшую математику, когда их отцы все еще кочевали по Сахаре на голодных верблюдах. Так продолжалось до тех пор, пока Каддафи не сошел с ума. Говорят, колдуны заразили его страшной болезнью, когда в человека вселяется зло. Он чувствовал приближение припадков, уезжал в пустыню, подальше от глаз. Жил в шатре, ревел как зверь. Грыз верблюжью шерсть, она забивала ему желудок, и его рвало кровью. Из него извергались черные жуки. Он стал свирепый и беспощадный. Студенты требовали больше свободы, он арестовывал их и бросал в кислоту. Наши герои заминировали, простите, господин Фарб, они заминировали английский самолет, и тот взорвался над Локерби. Мы считали их лучшими из нас. Но Каддафи, когда стал заискивать перед Западом, отдал их в руки англичан. Он поступил как предатель. Он думал, что стал другом французов, итальянцев и англичан. Его стали принимать в Риме, Париже и Лондоне. Он стал сорить деньгами, одаривал нефтедолларами Берлускони и Саркози. Но они сначала целовали его щедрую руку, а потом убили его. Французы выследили его с вертолета и разбомбили его машину. Когда его вытащили из машины, он визжал, как собака. У него были открытые раны, и те, кто взял его в плен, мочились на эти раны. Его положили на дорогу, и ему на живот наехал тяжелый грузовик. Из него вылез огромный черный жук и убежал в пустыню. И вот теперь я тот, кто я есть. Занимаюсь расхищением драгоценностей, которые охранял всю жизнь. В меня тоже вселился черный жук.

Али Хамид плакал, отирал очки несвежим носовым платком. Торобов вдохнул сладкую наркотическую струю из кальяна. Выпустил мимо головы доктора Али голубую струю дыма.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

«Где будет труп, там соберутся орлы. Где гремят взрывы, там пролегает путь Фарука Низара». Так думал Торобов, собираясь лететь в Бейрут. Там назревал террористический акт, туда вел след скользнувшей по камню змеи.

«Меч Пророка» свистел по всему Ближнему Востоку. Рассек над Синаем русский лайнер. Пронзил парижское кафе. Сверкнул в Багдаде среди взорванной шиитской мечети. Теперь его острие приближалось к Бейруту, откуда отряды Хесбаллах уходили в Сирию, на войну с ИГИЛ.

Торобову казалось, что за ним следят. То исподволь брошенный осторожный взгляд портье. То юноша в белой накидке, следовавший за ним по пятам. Но он не покидал отель. Был готов лететь в Ливан. Но прежде, чтобы не вызвать подозрений у Али Хамида, решил посетить Сабрату, осмотреть античные руины и сделать мнимый заказ на какой-нибудь мраморный камень.

В стороне от шоссе, у лазурного моря, среди пепельной пустыни высились хрупкие золотистые колонны, пролегали мощенные плитами улицы, круглился амфитеатр, виднелись постаменты исчезнувших статуй, зарастали мхами надгробья с римскими надписями. Торобов, оказавшись в этих дивных развалинах, вдруг ощутил такой покой, такую душевную сладость, такую нежданную благодать, словно не было жестокой погони, неусыпной бдительности, недремлющих страхов. Этот золотистый город своими колоннами, резными капителями, пустынными улицами был тенью. Был видением. Был наполнен духами исчезнувших времен и покинувших землю душ. Словно кто-то божественный очертил эту землю у моря волшебным кругом, за который не проникали чудовищные бури и беспощадные схватки. За пределами этого круга шла бойня, бушевала нескончаемая революция, русские бомбардировщики пикировали на сирийские цели, шли на казнь мученики, захлебывались ненавидящие проповедники, тонули в волнах баркасы с беженцами. А здесь, в тихом солнце, светлело надгробие с полустертыми письменами, парила в небе каменным цветком резная капитель, море лизало берег стеклянными языками и тихо пела на мшистом камне малая птица.

Торобов не старался воскресить излетевшую жизнь. Не звал обратно плывущие по волнам галеоны, шумные торжища и громогласные шествия, театральные действия и курения фимиамов. Он был счастлив оказаться среди теней, самому стать тенью. Отрешиться от своей изнуренной плоти, от горьких воспоминаний, от жестоких предчувствий.

Оттолкнуться от золотистого камня и полететь, вздев руки, туда, где в голубых садах гуляют блаженные мудрецы.

Он обходил развалины, фотографировал фрагменты статуй, надписи на плитах, резные листья коринфской капители. Все это он покажет Али Хамиду, чтобы больше никогда не вспомнить.

Он увидел тесаный камень, одиноко лежащий среди иссохшей травы. Это был куб со стертыми гранями, изъеденный ветром, в шелухе лишайников. На нем едва проступал знак, то ли буква, то ли безвестный иероглиф. Это был алтарь, поставленный на окраине города, недалеко от моря. «Алтарь неизвестному Богу» — восхитился Торобов, ощупывая камень. Камень был шершавый, чуть прогрет солнцем, от него в ладони текли едва ощутимые силы, таинственные волны, словно он признал Торобова, ожидал его здесь столетиями, и наконец они встретились.

Торобова волновала мысль, что это тот самый алтарь, о котором говорилось в Писании. Тот камень, на котором, среди мраморных изваяний богов, не было статуи, а только трепетало сияние, предвещающее великое чудо. И теперь это чудо случилось, чудо их предсказанной встречи.

Торобов опустился на колени, обнял камень, прижался к нему щекой. Кругом колыхались сухие былинки, сквозь них синело море. И Торобов стал молиться.

Молился о том, чтобы ему уцелеть в опасном походе. Чтоб его подхватили силы небесные и перенесли через моря и горы в любимый сад. Там бело от снега, сосна, посаженная женой, сжимает в зеленых объятиях шар снега. Там березы, которые так любила мама, там лазурная сойка, и ему дано насладиться ее волшебной лазурью, услышать стук ее крохотного пугливого сердца. Торобов молился, чувствуя, как из камня поднимаются волны тепла.

Услышал слабый звук, словно скрипнул щебень. Поднял голову и заметил человека, который нырнул за колонну. За ним наблюдали, следили за его молитвой. Торобов поднялся и пошел прочь от алтаря, туда, где круглился амфитеатр. Заметил другого человека, перебежавшего в развалинах. За Торобовым следили, его окружали. Он быстро зашагал туда, где на двух уцелевших колоннах держался остаток фронтон. Но и там возник человек.

Торобов был в западне. Античный город заманил его в свое дивное лоно, но оказался ловушкой. Торобов побежал к берегу моря, которое выплескивало на мокрый песок стеклянные волны.

Увидел, как вдоль берега, с обеих сторон подбегают люди. Шагнул в воду, чувствуя, как холодный стеклянный язык лизнул ноги. Остановился.

К нему подбегали, тыкали в бок пистолетами, хватали за руки, заламывали за спину, защелкивали наручники. Кругом были дышащие азартные лица, захватившие добычу.

— Что вам надо? Кто вы такие? Я профессор! Позвоните в консульство!

Его толкали, выводили из развалин туда, где в низине стояли две машины и расхаживал человек с автоматом.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Его вырвали с корнем. Из молитвы, из лазури, из благодати. Вернули туда, где он должен был оставаться. В страх, в боль, в ежеминутное ожидание смерти, в изнурительное стремление ее избежать. Его везли не в Триполи, а в противоположную сторону, среди черной равнины, по пустому шоссе. Водитель был с темной бородкой и в портупее. Сидящий под боком охранник был в кожаной курточке с кобурой под мышкой.

Машина затормозила у грязного придорожного строения, рядом с которым стоял танк, направив пушку вдоль трассы. Дорогу перегораживали бетонные бруски. За колючей проволокой расхаживали солдаты. Торобов, скованный наручниками, горько усмехнулся своему перемещению. Из нежного античного поселения с божественными алтарями и капителями его перебросили на армейский блокпост, созданный для ведения гражданской войны.

Его грубо вытащили из машины, втокнули в грязный коридор, пихнули в спину, и за ним захлопнулась дверь. Он оказался в тесной, с бетонным полом и лысыми стенами, камере. Из узкой щели под потолком лился свет. На полу валялся полосатый матрас с рыжими пятнами. На стене гвоздем было начертано имя «Ахмат», как вопль осужденного. Он был в тюрьме, откуда не было выхода.

Но эта безысходность длилась мгновение. Выход был. Торобов не знал, какой. Не предвидел, какая случайность его освободит и спасет. Но выход найдется. Цель, к которой он стремился, спасет его. Сила, которая направила его в опасное странствие, выведет его из каземата. Достижение цели предполагало множество нападений и злоключений, но она же гарантировала спасение. Пока она не достигнута, он находился под необоримым притяжением этой цели. Цель была той спасительной силой, которая вела его через все злоключения и напасти, приближала к себе, обещала спасение.

Он сидел на матрасе, со скованными руками, чувствуя кислый, исходящий от матраса запах. Остановившись в себе все мысли и чувства, берег их до той

поры, когда они остро понадобятся. Словно впал в спячку. Спал наяву, с открытыми глазами, не видя начертанное на стене безобразное слово.

Дверь растворилась, и солдат в камуфляже приказал:

— Вставай!

Его привели в другую комнату, где стояли стол, длинная скамья, над столом красовалось знамя, черно-красно-зеленое, с белым полумесяцем и звездой. Стяг государства, которого вчера еще не было и которое сегодня имело рваные окровавленные границы.

За столом сидел офицер в чине капитана, в несвежем мундире, с лысеющей головой и усталым небритым лицом. В глазах его была болезненная желтизна, нос переломлен, а на лбу розовели пятна, оставленные ожогом. На столе лежал отобранный у Торобова айфон, английский паспорт и кипа визитных карточек.

— Садись! — приказал офицер, и солдат толкнул Торобова на скамью.

— Имя?

— Майкл Фарб.

— Я спрашиваю, настоящее имя?

— Майкл Фарб, профессор, научный сотрудник Британского музея в Лондоне.

— Что делал в Сабрате?

— Осматривал античные постройки. Я изучаю античные древности. В моем айфоне снимки, которые я сделал перед тем, как ваши люди меня схватили.

— Говори правду, что делал в Сабрате?

— Мне нечего больше сказать. Я профессор, специалист по античной истории. Спросите доктора Али Хамида, мы с ним вели переговоры.

— Мои люди видели, как ты подавал сигналы катеру. Это был катер с оружием и взрывчаткой. Бандиты из Бенгази хотели высадиться в Сабрате, чтобы осуществить террористический акт в Триполи.

— Какой катер? Никакого катера не было!

— Говори правду. Я передам тебя в контрразведку, и там из тебя по жилкам вытянут правду.

— Я говорю правду. Я Майкл Фарб, сотрудник Британского музея. Спросите у доктора Али Хамида.

Офицер кивнул солдату, и тот с размаху ударил Торобова по лицу. Торобов отпрянул, и страшный удар в живот заставил его согнуться, и он свалился на пол.

— Имя? — кричал офицер, а солдат бил Торобова ногами, в голову, по ребрам, в живот. Торобову казалось, все его нутро сотрясается, лопается, взрывается кровью и кровь готова хлынуть горлом.

— Имя? Зачем подавал сигналы?

— Никаких сигналов! Спросите доктора Али!

Он слабел от ударов. Ребра хрустели. Глаза слепли. Живот страшно булькал.

Теряя рассудок, ненавидя мучителей, он стал материться, по-русски, свирепо, истошно, желая укрыться в харкающем крике, оттолкнуть смерть, пробиться сквозь истязания к заветной цели, которую его бережет.

— Сука б...ядская! Х... недорезанный! Пи...дота рваная! — Он дергал за спиной скованными руками, старался прижать к животу колени. — Е...ало ссаное!

Удары прекратились. Он лежал, хлюпая кровью. Слышал, как тяжело дышит над ним солдат. Ждал новых ударов.

Офицер молчал. Потом по-русски сказал:

— Ты русский.

Торобов видел сквозь слезы близко от глаз солдатские бутсы. Молчание продолжалось. Бутсы исчезли.

— Ты русский, — повторил офицер. — Я был в Советском Союзе. Учился в Ростов. Агроном. Люблю русских. У меня была девушка Лена. Очень любил. Русский мне делал только хорошо. Спасибо, — все это офицер произнес по-русски, а потом по-арабски, солдату: — Уведи.

С него сняли наручники. Он лежал на ржавом матраце в сумрачной камере. Ощупывал ребра, живот, кости ног. Все болело. Но он не был убит. Его жизнь продолжалась. Цель, которую он должен достичь, продлевала его жизнь. Фарук Низар, которого он должен отыскать и убить, не давал ему умереть. Был его хранитель. Вел через все напасти к себе. Сберегал, чтобы быть убитым.

В камеру вошел солдат и велел встать. Его посадили в машину, ту, что доставила его на блокпост. В ней находились все те же двое — водитель с бородкой и охранник в кожаной курточке с кобурой. Машина вильнула между бетонных брусьев и помчалась по трассе. Смеркалось, в стекло дула пыль. Они свернули с шоссе на грунт. Колыхались на выбоинах, а потом по днищу заскребли, зашуршали стебли сухой травы. Машина встала.

— Выходи!

Торобов вышел, переставляя больные ноги.

— Вперед!

Он медленно шел, цепляясь за колючки. Отрепленно думал, что сейчас грохнет выстрел, ударит в затылок, и исчезнет черная степь, низкие серые тучи, из которых дул ветер, колол песчинками щеки. И он останется лежать в мертвой пустыне, на съеденные шакалам.

Он старался в последние секунды жизни вспомнить что-нибудь драгоценное, последнее, неповторимое, с чем перенесется в иное бытие. И не мог.

Услышал, как заурчал мотор. Оглянулся. Машина развернулась и, краснея габаритами, укатила. И он остался в степи, не испытывая ликования, не славя Творца, который избавил его от пули. От пули его избавил Фарук Низар, который следил за ним из низких вечерних туч.

Торобов, с трудом переступая, пошел в степь, в ее сумрак и ветер, подальше от шоссе, где его снова могли схватить.

Ветер дул, и степь начинала свистеть. Мимо пронесло сцепленные травы, похожие на терновый венец. Прокатился, подскакивая, колючий шар, и его умчало в бесконечность. Пролетело что-то белое, летучее. Следом за ним другое. Это были пустые пластиковые мешки. Их становилось все больше. Сонмы мешков летели, ударили ему в грудь, прилипали, цеплялись за колючки. Их срывало и несло дальше. Было что-то призрачное, безумное и тоскливое в этих летящих мешках. Тшета и опустошенность, бессмысленность израсходованного бытия. Мешки пронесли, и теперь летели где-нибудь в поднебесье, как стая целлофановых ангелов.

Начиналась пыльная буря. Бессчетные песчинки ударили ему в лицо, жалили, жгли, хотели засыпать.

Ветер, который дул в пустыне, был вечный, вселенский. Крутил громадное колесо, перемалывал царства, храмы, могильные склепы. В этом ветре мчались частицы разрушенных городов, остатки великих армий, прах манускриптов, пыль разоренных святынь.

Этот ветер дул над землей, сметая с насиженных мест народы, обращал их в бегство, бросал один народ на другой. Он раздувал огонь революций, топил корабли, обрушивал на землю самолеты. Торобов был подхвачен этим вселенским ветром, и его несло вместе с комьями черной травы, целлофановыми мешками, облаками ядовитой пыли.

Сквозь свист степи он услышал металлический вой. В коричневом облаке зажглись два огня, как размытые солнца. Огни приближались, окруженные мутными радугами. Возник грузовик. Кузов был полон людей. Над кабиной торчал пулемет. Развевалось черное знамя с белым начертанием «Аллах Акбар». Грузовик, как призрак, прогремел мимо Торобова и исчез, словно его оторвало от земли и унесло в небо.

Торобов испытал помрачение, будто в его побитом теле запоздало разорвался сосуд и залил глаза кровью. Он упал на дорогу.

Очнулся ночью от холода. Его бил колотун. По дороге приближалась машина. Остановилась, едва на него не наехав. Из кабины вышли двое:

— Гляди-ка, человек. Ты живой?

Торобов что-то промычал бессвязно.

— Откуда?

— Заблудился.

— Куда тебе надо?

— В Триполи.

— Подвезем. В кабине нет места. Полезай в кузов.

Они помогли ему перелезть через борт. Кузов был полон овец, которые потеснились и дали место Торобову. Он лег на доски, слыша, как подскакивает грузовик и шарахаются овцы. Некоторые легли, прижимаясь к Торобову курчавыми теплыми боками. Согревали его. Он благодарно, блаженно замер, окруженный кроткими бессловесными жизнями.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Торобов был уверен, что Фарук Низар готовит в Ливане взрывы. Хесбаллах, воюя с ИГИЛ, становилась объектом ударов. Как и русский самолет над Синаем. Как полицейский участок в Триполи. Как шиитская мечеть в Дамаске. Как кошерный магазин в Париже. Удары возмездия в Ливане нанесет «Меч Пророка». И надо спешить в Бейрут, предупредить друзей Хесбаллах и обезвредить Фарука.

Невидимка Фарук бежал перед ним как призрак. Торобов, не видя его, видел пыль от его убегающих ног.

Торобов посещал Бейрут в те дни, когда израильские танки «Меркава» продвигались по югу Ливана, тесня Хесбаллах, превращая в руины города и селения. Он участвовал в доставке русских противотанковых ракет «Корнет» в боевые отряды Хесбаллах. Из Дамаска в Бейрут сопровождал легковые машины, в чьих багажниках, под грудами тряпья, таились «Корнеты». Посещал тренировочные лагеря, где стрелки Хесбаллах учились управлять ракетами. Видал, как на горных дорогах загораются «Меркавы» от прямых попаданий «Корнетов». Спасался от ударов израильских штурмовиков, чудом избежал плена. В структурах Хесбаллах у него оставались друзья, и к ним теперь он стремился, желая предупредить о теракте.

В аэропорту Триполи, готовясь к долгому, с пересадками, перелету в Бейрут, он вдруг остро ощутил приближение опасности. У стойки, где регистрировали билеты и вытянулась очередь, он оглядывал пассажиров, и ему чудился среди них тот, кто под плащом, или курткой, или модным пальто опоясал себя взрывчаткой. Быть может, тот господин с курчавыми бакенбардами на горбоносом лице. Или та паломница в черном, с прорезью для испуганных

глаз. Или тот молодой, с напряженным взглядом араб, чья куртка на животе подозрительно раздувалась.

На борту, когда самолет взлетел и очаровательная, с тонкими чертами лица, стюардесса, улыбаясь малиновыми губами, предлагала напитки, он со страхом ожидал, что в салоне раздастся взрыв. Все они полетят в черноту, и рядом будет лететь с обморочными глазами стюардесса, а вокруг нее станет плескаться гранатовый сок.

Этот страх был устойчивый. Взрыв был неминуем, был направлен против него. Фарук Низар разгадал его замыслы, вычислил его маршруты и решил уничтожить. Майор был рядом, может, летел по ту сторону фюзеляжа, заглядывая в салон сквозь иллюминатор. Радостно отпрянет от самолета, когда грохнет взрыв и посыплется в ночь мертвые пассажиры.

Это ощущение смерти, которая увивалась рядом, не исчезло в аэропорту Бейрута, когда он выходил из стеклянного терминала и брал такси, ожидая грохочущей вспышки.

Он остановился в отеле «Эль Манара», в центре Бейрута, на улицах которого не утихала ночная жизнь. Катили дорогие машины, работали рестораны, сияла набережная, волновалось море, отражая золотые огни. Вставляя электронный ключ в щель замка, Торобов помедлил, ожидая, что, разнося в щепы дверь, полыхнет взрыв. А ночью в тревожном сне смотрело на него из-под кокарды лицо майора Фарука.

Утром он стал искать контакт с друзьями из Хесбаллах. Гассан Абдулла был руководитель военной разведки, именно с ним они осваивали «Корнеты», спали рядом в блиндажах, отправляли в рейд боевые группы. Сидя в номере, через множество посредников, изыскивая полунамеками, чтобы не вызвать подозрение своими звонками, Торобов наконец сообщил Гассану о своем приезде в Бейрут, и тот, через посредника, обещал прислать машину.

Когда он мчался по белоснежному Бейруту, мимо банков, особняков, ресторанов, вдоль зеленого, как малахит, моря, он втискивался в сиденье машины, ожидая, что по стеклам хлестнет автоматная очередь.

Его привезли в военный центр Хесбаллах. Высокий бетонный забор, железные раздвижные ворота, камеры слежения. Перед воротами пост, бетонный дот, бруски, затрудняющие движение машин. Ворота неохотно раздвинулись, пропуская автомобиль, и Торобов оказался перед одноэтажным строением штаба. Над входом развевался флаг Хесбаллах, — желтое полотнище с зеленым автома-

том Калашникова, вплетенным в арабскую вязь: «Партия Аллаха».

Перед входом его ждал Гассан, сердечный друг, боевой товарищ, при виде которого в душу Торобова пролился свет и стало светло и чисто.

— Леонид, брат мой!

— Брат мой Гассан!

Они обнялись, прижимаясь, щека к щеке. Торобов сквозь военную ткань чувствовал, какое крепкое у Гассана тело, с играющими мускулами. Неутомимое в ходьбе по горам. В перебежках, когда за спиной неподъемный тюк с боеприпасами, провизией и оружием. Когда лопата прорубает мелкий окоп и звенит и искрит о камни. Когда у товарища кровью пропитан бинт, и надо его нести, укрываясь от израильских снайперов.

— Слава Аллаху, я снова вижу тебя, Леонид!

— Слава Аллаху, Гассан!

Он был все тот же, неутомимый и бесстрашный воитель. Только круглое, с кошачьими усиками, лицо усохло, глаза ушли глубже в подлобье, на лбу стал заметнее шрам, начертавший маленький вензель.

— Чуть позже мы пообедаем с тобой, Леонид. Сейчас начинается торжество. Мы провожаем бойцов Хесбаллах в Сирию, на войну. Прими участие в торжестве. А потом будем разговаривать с тобой без конца, брат мой.

На плацу, на открытом солнце, в длинном ряду, без оружия, стояли бойцы. В пятнистых, зелено-коричневых мундирах, в одинаковых кепочках с козырьками. Поодаль толпились женщины, дети, родня, провожающая солдат на войну. На дощатом помосте, у микрофона, стояли командиры, мулла в пышной черной чалме, желтело знамя с зеленым «калашниковым», в открытых ящиках тускло сияли автоматы. В отдалении виднелись грузовики с зачехленными кузовами.

Солнце светило в зените, и каждый солдат отбрасывал маленькую круглую тень. Стоял в ней, как на крохотном острове, вокруг которого волновался раскаленный воздух, жестоко блестел истоптанный плац, в слезном ожидании застыла родня, зеленел брезент грузовиков. За пределами этих крохотных островков их ожидала война, смерть, страдание, и солдаты боялись покинуть эти спасительные островки, шагнуть в жестокое пекло.

Мулла читал напутственную молитву. Старый, грузный, замотанный в белую материю, с седой бородой, в которой открывался темный рот и излетал гортанный, певучий, с множеством переливов, стонающий голос:

— Во имя Аллаха, Всемилостивого и Милосердного!

Молитва казалась бессловесной, лишенной слов. Была песнопением, в котором трепетали волшебные звуки, излетали не из седой бороды, не из темного рта, а из синего огненного неба. Молитва истекала оттуда, из лазури, которая проливалась на землю по извилистому прихотливому руслу. Орошала солдат.

Солдаты заворуженно слушали. Их омывала лазурь. В этом лазурном бесплотном свете они отправятся в смертельный поход, и эта лазурь сделает их бесстрашными и бессмертными. Ибо смерти нет, а есть мгновенный перелет сквозь темную, оставленную пульей точку, за которой раскрывается бесконечное пространство любви, красоты и блаженства. Солдаты, одетые в боевую пятнистую форму, сядут в грузовики, зачехленные пыльным брезентом, и отправятся в лазурную даль, где вечная благодать.

Мулла завершил молитву возгласом: «Аллах Акбар!» Солдаты единым дыханьем, воздев кулаки, вторили: «Аллах Акбар!». И этот возглас пророкотал и умчался.

Говорил Гассан. Страстно, истово, с множеством певучих вибраций, как дрожащая струна, по которой водят смычком.

— Во имя Всевышнего, Всемилоостивого и Милосердного. Мы — Партия Аллаха, и нашими путями водит Всевышний. Он освящает наше оружие, наши пули, наши подвиги и наши смерти на поле брани, которые вознесут нас к праведникам. К тем нашим братьям, которые взрывали себя под гусеницами израильских танков, умирали под пытками в израильских тюрьмах, чьи имена высечены на граните в Пантеоне Славы и усыпаны белыми лилиями. Мы идем в Сирию, на помощь нашим братьям, которые помогали нам все эти годы, снабжали оружием, лечили в своих лазаретах. На них напал шайтан, возвращенный Америкой и Израилем, шайтан, который кощунственно взял себе имя Первого Халифа, великого Пророка. В этом лживом обличье шайтан сжигает сирийские города, насилует сирийских женщин, оскверняет святыни. Там, под Алеппо и Хомсом, мы будем сражаться плечом к плечу с нашими иранскими братьями, и наши знамена будут развеваться рядом, наши автоматы будут стрелять в одну и ту же сторону. Мы отбили израильские «Меркава» под Бенд Джубайлем, мы отобьем слуг шайтана под Алеппо. Над нами Всевышний, с нами наши павшие герои, с нами наши братья из Ирана и Сирии. С нами Россия, бесстрашные самолеты которой громят ИГИЛ. С нами наш русский брат Леонид, который доставлял нам «Корнеты», и мы жгли ими танки врага. Теперь он привез нам привет от великого русского народа. Аллах Акбар!

Его голос тонко взмыл, словно струна готова была оборваться. И мощный рокот солдатских голосов вторил: «Аллах Акбар!»

Торобов был взволнован. Его приняли в боевое братство эти молодые отважные люди, которые шли умирать за божественную лазурь. Ту, что сверкнула на крыле улетающей сойки. Он был с ними в одном строю, стоял на крохотном островке полуденной тени и был готов ступить, как и они, в раскаленное пекло войны. Он был им благодарен, был для них брат, был готов разделить их долю вдали от родных снегов, среди пустынь, оливковых рощ, изумрудных мечетей.

Гассан, все еще не остыв после своего воззвания, дергал кошачьими усиками, горел круглыми яростными глазами. Приказал:

— Оружие разобрать!

Солдаты, маршируя на месте, по одному приближались к помосту. Каждому вручал автомат. Солдат припадал губами к вороненому металлу, а потом целовал желтое знамя и начертанный на нем зеленый «калашников».

Торобов смотрел на молодые смуглые лица, на восхищенные глаза, шепчущие губы. Старался запомнить, словно им предстояла встреча, здесь ли, среди дымных окопов и окровавленных лазаретов, или там, где цветут неувядаемые цветы, сияет негасимая лазурь.

Когда последний солдат поцеловал знамя, отступил и полотнище продолжало колыхаться, Торобов почувствовал, как жарко стало в груди, наклонился к знамени и поцеловал туда, где к полотнищу прикоснулось множество молитвенных губ.

Грянула музыка, победный марш Хесбаллах. К солдатам через плац побежали дети, вручая каждому белую лилию. Солдаты под военную музыку, блестя автоматами, белея лилиями, шли к машинам, грузились. Полы брезента падали, скрывая солдат. Машины, рыча, покидали базу. Торобов не знал, почему подступили слезы. Смотрел, как исчезают зачехленные грузовики и лежит на плацу оброненный белый цветок.

— Теперь, брат Леонид, мы пообедаем, и у нас будет время для братской беседы.

Гассан вел Торобова к машине, а у того, после минут самозабвения и молитвенной печали, вдруг снова потемнело в глазах. Он испытал страх, приближение опасности. База была окружена бетонным забором. На посту стояли автоматчики. Каменные бруски преграждали путь к воротам, и шальная машина с взрывчаткой не могла бы сквозь них прорваться. Но взрыв целил в него из неба, из солнца, сгущал небесную синеву в черное жерло, превращал в трубу гранатомета.

Это чувство не покидало его, когда ехали с Гассаном по Бейруту, по тем районам, что контролировались Хесбаллах. Несколько раз машину останавливали патрули, тихие, в штатском, с тревожными чуткими глазами.

— Остановись на минуту, — попросил Торобов, желая преодолеть страх, подняться в рост на виду у незримого снайпера или взрывника. Убедиться, что страхи напрасны.

Машина остановилась недалеко от мечети. Голубая яйцевидная кровля, белые стены, островерхий минарет, с которого изливался металлический рокот.

Голос муэдзина, усиленный мембраной, гудел, трепетал, страстно рыдал, порождая вокруг огненный трепет. Пространство дрожало, плавилось, текло, как стеклянный мираж. Казалось, мечеть силилась оторваться от земли и, подобно ракете, уйти в небеса. За домами рокотала другая мечеть, дальше третья...

Город был космодромом, где работали стартовые двигатели могучих ракет. Сила и страсть одолевали земное притяжение. Еще минуту, и мечети на огненных вихрях уйдут в небеса, оставляя среди домов жаркие отпечатки.

Эта сила и мощь успокоили Торобова. Его покинули страхи. Наполненный звоном, потеряв часть брэнной плоти, он вернулся в машину.

Они выбрали ресторанчик на набережной. За окнами синело море, медленно плыл белый многопалубный корабль, оставляя белесый след. Им принесли блюда ливанской кухни, много печеных овощей, изделия из острых сыров и кислого молока, суп из бараньей головы. Суп был жирный, густой, из блюда смотрела баранья голова, у которой отсекали губы и язык. Голова смотрела мутными вареными глазами, скалила зубы, словно смеялась. Торобов, черпая ложкой вязкий отвар, сдабривая его чесночной подливкой, испытывал оторопь от этого беззвучного смеха.

— А помнишь, брат Леонид, как мы ели в горах черствые лепешки, запивая водой из ручья? — Гассан подкладывал ему на тарелку печеные помидоры и ворохи пряной зелени. — А над нами кружили израильские вертолеты, и я все думал: ударят, не ударят.

— А помнишь, брат Гассан, как над нами кружила ворона, и я сказал, что это израильский беспилотник, и ты захохотал, и мы смеялись полчас подряд, не могли остановиться? — Торобов с любовью смотрел на близкое, круглое лицо Гассана, вспоминая, как выглядело это лицо среди зеленых гор и рыжих откосов, по которым пролегали тайные тропы.

— А помнишь, брат Леонид, как мы разгружали первую партию «Корнетов», и наши наводчики поначалу боялись к ним прикоснуться? — Гассан с наслаждением предавался воспоминаниям, в которых все опасности и напасти были уже позади.

— А как сложилась судьба того наводчика, его все называли Воробьем? Когда он увидел «Корнет», поцеловал его, как невесту.

— Он стал лучшим наводчиком Хесбаллах. Когда «Меркава» пошли на Бенд Джубайль, он выбрал в горах позицию. Первый танк показался на дороге, и он его поджег. Второй танк показался, и он его подорвал. Третий — опять! Четвертый — опять! Он поджег одиннадцать «Меркава», бил, пока оставались «Корнеты». Он погиб месяц спустя от пули израильского снайпера.

— А как поживает тот партийный активист, который принимал нас в своем доме и угощал апельсинами из своего сада? Никогда не ел таких ароматных солнечных апельсинов.

— Его звали Абдель Джафар. К его дому ночью прилетели два израильских вертолета. Его подняли прямо с постели, посадили в вертолет и увезли в Израиль. Мы собирали о нем сведения по всем израильским тюрьмам и не нашли следа.

— Я помню, в лагере недалеко от границы, молодые бойцы, прежде чем идти на задание, рыли себе могилы. Заранее готовились к смерти. И там был один, его называли Орел, я подарил ему медальон с видом Кремля. Как он?

— Они ушли на задание, попали в засаду и все погибли, кроме Орла. Ему пробило голову, поломало руки, но он выжил. После госпиталя вернулся на базу, пошел поклониться могилам, где лежали его убитые товарищи. У своей пустой могилы, которая зарастала травой, заплакал: «Могила, могила, что я тебе сделал плохого? Зачем ты меня не взяла? Я сейчас в тебя лягу». Его с трудом увели.

Они молчали.

Корабль за окном скрылся, но на море оставался белесый след. Баранья голова на блюде беззвучно хохотала. И Торобову казалось, что она хохочет над ним. Над его неведением. Над его неспособностью разгадать простую, лежащую в основании мира истину, которой владели те, о ком он спрашивал.

— Ты так и не приехал, Гассан, в Москву. Приезжай, подарю тебе зимнюю шапку.

— Приеду, брат Леонид. Хочу побывать в Сталинграде.

— Почему в Сталинграде?

— Там русские люди бесстрашно умирали за Родину. Они были шахиды. Весь русский народ — это народ-шахид. Мы здесь тоже умираем за Родину.

За окнами струилась синева Средиземного моря. Белоснежно и хрупко сиял Бейрут, волшебный город, как драгоценная чаша, составленная из чудесных мозаик, населенная народами, верованиями, хранителями древних поверий.

Эту чашу раскалывали яростные силы, расшвыривали осколки. Пушки били прямой наводкой по дворцам и мечетям. Самолеты пикировали на усадьбы и парки. С десантных кораблей высаживалась морская пехота.

Бейрут горел, стрелял, покрывался копотью. И снова, радениями мастеров и художников, собирались осколки чаши, смывалась копоть, на месте зловонных котлованов поднимались стеклянные башни. По синей воде плыли белые корабли, оставшая на море тихий серебряный след.

Баранья голова хохотала, словно знала обреченность беззащитного города, готового повторить судьбу Багдада и Триполи.

— Я не сказал тебе, брат Гассан, зачем я приехал в Бейрут.

— Чтобы вдохнуть воздух революции?

— Чтобы не вдохнуть гарь разорванного человеческого тела.

— Расскажи, зачем приехал в Бейрут.

Медленно, аккуратно, чтобы не обременять рассказ множеством подробностей, агентурных версий, собственных непроверенных домыслов, Торобов поведал Гассану о террористической группе «Меч Пророка».

О Фаруке Низаре, майоре иракской разведки.

О взрыве русского самолета над Синаем.

О взрыве полицейского управления в Триполи.

— Сейчас, по некоторым данным, Фарук находится в Ливане. Выдает себя за любителя древностей, интересуется Баальбеком. Ты отправляешь бойцов в Сирию воевать с ИГИЛ, а ИГИЛ уже здесь, в Бейруте, у тебя дома. Будет взрыв. Я его жду каждую минуту. В отеле, на улице, в этом ресторане. Фарук Низар — мастер террористических операций. Его нужно обезвредить.

Гассан молчал, думал, повода вокруг круглыми кошачьими глазами, словно хотел разглядеть террориста в сидящих за соседними столиками посетителях, в официантах, разносящих подносы с блюдами, в старике, закатившем глаза, вдыхающем пьяный дым кальяна.

— Я сообщу нашему подразделению в Баальбек. Завтра утром выезжаем.

Лицо Гассана стало литым, непроницаемым. На лбу отчетливо проявился крохотный иероглиф, оставленный минным осколком.

Баранья башка на блюде скалила зубы. Хохотала над их дружбой, над их борьбой, которая не имела

конца, над лазурным морем и белоснежным Бейрутом, в котором, среди драгоценных дворцов и вилл, таился взрыв.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

В отеле Торобов не мог заснуть. Отраженный в стекле огонек далекой рекламы казался мигающим индикатором бомбы. Торобов лежал на широкой, с помпезным балдахинном кровати и думал о странной линии, проведенной между ним и Фаруком Низаром.

Их мимолетное знакомство, их расставание в Багдаде, когда на берегу Тигра они вкушали продывленную рыбную мякоть, и серебряная рыба, словно раскрытая книга, стояла на жаровне перед грудой пламенивших углей, — их расставание не предполагало будущей встречи.

Но она состоялась. После крушенья Ирака, когда над ночным Багдадом, оставляя хвосты огня, летели сонмы крылатых ракет. Когда железный трос обмотали вокруг статуи Саддама Хусейна и валили под ликование толпы. Когда грубую веревку накинута на шею пленного Хусейна и его сиплый последний крик прозвучал из петли. Когда чудовищный вихрь замотал Ирак в кровавую простыню, из которой раздавались истошные вопли пытаемых. Фарук Низар исчез в этом вихре, сгинул под этим кровавым саваном. И вдруг возник.

Между ними все эти годы сохранялась тайная связь, существовала незримая линия, которую резко прочертил президент. Соединил их жестокой связью, которой уже не распастся. Они будут сближаться, пока не сольются. Пока линия не превратится в точку и оба они исчезнут.

Торобов думал, как странно в их отношения с Фаруком Низаром вонзился президент. И двести взорванных в небесах пассажиров. И та падающая люлька, в которой летел младенец. И те мать и дочь, обе с развеянными волосами, что, схватившись за руки, мчались к земле. И рыдающие над гробами. И летчики дальней авиации, летящие вокруг Европы, через Гибралтар к Сирии, выпускающие дюжины крылатых ракет. И те, кого убили ракеты. И журналисты международных агентств, освещающие ход операции. И турок Эрдоган, отдавший приказ сбить русский бомбардировщик. И крымские татары, взбаламученные турецкими агентами. И демонстранты в Москве перед турецким посольством. И его, Торобова, родовое преданье, когда его прадед на русско-турецком фронте открыл из горных орудий огонь по турецкой пехоте и получил от Великого князя «Золотое оружие». И при этом вручении присутствовал маленький цесаревич. И тот екатеринбургский под-

вал, где был убит цесаревич. И всё бесконечное множество живущих на земле и живших когда-то. Все они были помещены на линию, соединяющую Торобова с Фаруком Низаром. Все ждали, когда линия превратится в точку и две их судьбы сольются.

Торобов лежал под балдахином в отеле и ожидал взрыва. Он был погружен в гигантский водоворот мира, тайну которого ему не дано разгадать.

Тайну, которая сверкнула лазурью на крыле улетающей сойки.

Утром в холле его поджидал Гассан. На двух машинах, в сопровождении агентов безопасности Хесбаллах, они отправились в Баальбек. Машина летела в перламутровом солнце по голубому шоссе. Чудесные белые виллы поднимались по склонам гор. Казались стеклянными сады. Долина Бекаа с ее нивами, рощами, белыми селеньями драгоценно сияла сквозь голубую линзу. Вдруг блеснет вдалеке море. Возникнет и канет, как тень, средневековый рыцарский замок.

Торобов чувствовал незримые волны времен, потоки племен и народов, наполнявшие волшебную чашу Ливана. Иудеи мешались с огнепоклонниками. Христианские рыцари с сарацинами. Шиитские мечети соседствовали с античными храмами. И все времена и народы не исчезли, а продолжали струиться в солнечной синеве, рождая прозрачные миражи, среди которых трепетала и волновалась его, Торобова, жизнь.

Баальбек возник как туманная мгlistая гора, выступавшая из зелени рощ. В горе громоздились уступы, зияли пещеры, возносились черные башни, похожие на хоботы громадных слонов.

— Я оповестил наших людей в Баальбеке, — сказал Гассан. — Мы встретимся с директором музея, и ты сможешь задать ему свои вопросы.

Мертвый город своими столпами, стенами, остатками башен источал тусклый металлический свет, словно был сложен из железных метеоритов. Торобов вдыхал горячий воздух, желая, среди ароматов цветущих роз уловить запах окарины, кислый дух оплавленного в космосе металла.

Служащий музея, сердечно обнимаясь с Гассаном и Торобовым, осматривая их ласковыми глазами, сообщил, что директора нет на месте, но он извещен об их прибытии и через час прибудет.

— Вы хотите чая или кофе? — приглашал он гостей в уютные кресла.

— У вас мало туристов. Обычно здесь столько автобусов, что негде поставить машину, — сказал Гассан.

— К сожалению, туристы напуганы взрывами. Все боятся новой войны, — печально развел руками служитель.

— Тогда, если вы позволите, мы погуляем по территории и через час вернемся, — сказал Гассан.

Сопровождающие их охранники остались у ворот, в тени деревьев. Гассан и Торобов миновали турникет и по мощеной дороге, по солнечным булыжникам, вошли на территорию заповедника.

Было пустынно, солнечно, тихо. Над громадными плитами стекленел воздух. Огромные столпы уходили в синеву и сужались там — так высоки они были. Все кругом было мощно, едино, высечено из одной непомерной глыбы ударами исполинских камнетесов.

Этот город был жилищем великанов. Они ступали по каменным площадям, прислонялись спинами к колоннам, от чего содрогалась земля и качались столпы. Здесь обитала раса исполинов. Они молились своему великаньему богу, ставили свои великаньи святилища, отбрасывали к горизонту свои великаньи тени. И сгнули, исчезли, оставив черные развалины. После них явились другие расы, поставили свои алтари. Среди черных теснин сверкали мрамором изысканные римские храмы. Торобову казалось, что он перелистывает огромную каменную книгу, где на каждой странице, пред тем как исчезнуть, народы оставляли свои каменные письма. Глядя в небо, они вопрошали Всевышнего: «Кто ты?» Не находили ответа, исчезали. И новые глаза смотрели в безбрежную синь и спрашивали: «Кто ты?»

— Говорят, здесь, в Баальбеке, а не в Иерусалиме, евреи построили Храм Соломона. Поэтому Израиль хочет завоевать Ливан и восстановить свой Храм, — произнес Гассан. Поднял черный камушек и бросил его вниз по ступеням. Камушек звенел, подсказывал и, казалось, высекал искры.

— Едва ли, — сказал Торобов, — это миф, легенда. — Он прижал ладонь к черному столпу и держал, чувствуя тепло нагретого камня. — Кругом одни мифы, Гассан.

— «Меркава» — не миф. И «Корнеты» — не миф. И наша с тобой дружба — не миф. — Гассан прижал ладонь к черному камню, и две их ладони почти касались одна другой. — Когда Аллах призовет нас на суд и спросит: «Кем вы были при жизни?» — мы ответим: «Были друзьями. Вот отпечатки наших пальцев». — Гассан засмеялся, убрал ладонь и вглядывался, будто и впрямь хотел разглядеть на древней глыбе отпечаток ладони.

Торобов вдруг почувствовал усталость, нарастающую немощь. В нем убывали силы, улетающими были живые энергии. Пустели вены, теряя кровь, увядали мышцы и блекли мысли. Мир вокруг становился бесцветным. Словно к груди у сердца прилипли невидимые присоски. Высасывали жизнь. Он мелел, ссыхался. Его память опустошалась, из нее испаря-

лись воспоминания, любимые лица, восхитительные переживания. Кто-то незримый проникал в глубины его сознания, вторгался в родовые предания, поглощал жизни его предков, его безвестных пращуров. В этом залятом месте пряталась незримая воронка, сквозь которую уходила земная жизнь, улетучивался воздух, темнел свет. Неведомое существо, злой бог питался соками земли, выцеживал силы народов, иссушал волю вождей, превращал цветущие сады и волшебные города в пепел. Усыпал землю мертвым шлаком исчезнувших царств.

Эта немощ валила Торобова, лишала чувств.

— Леонид, ты что? Тебе плохо? — Гассан поддерживал Торобова за локоть.

— Должно быть, старая контузия, — слабо ответил Торобов, — отголосок «Бури в пустыне».

Они вернулись в дирекцию заповедника, где их ждал директор. Он был худ, изящен, с шелковым шарфом на шее, в очках с золоченой оправой.

— Здравствуйте, доктор Рабах. — Гассан с сердечной улыбкой обнял директора, и они осторожно, бережно дважды соприкоснулись щеками. — Хочу вам представить моего русского брата. Леонид не первый раз в Ливане, но впервые посетил Баальбек.

— Добро пожаловать в Баальбек. — Директор протянул Торобову смуглую руку.

— Как здоровье вашей младшей дочери? — с душевным участием спросил Гассан. — Я слышал, ей уже лучше.

— Я возил ее в Германию. Ей сделали операцию, и она поправляется.

— Слава Аллаху!

— Какое величественное место! — произнес Торобов. — Какое величие и тишина!

— Ночью, если вы окажетесь среди развалин, вы услышите звуки. Это поют камни. Ученые записали их пенье, расшифровали и обнаружили, что звуки напоминают фугу Баха. Быть может, колонны Баальбека — это струны, на которых играли люди древности.

— Вы живете и работаете в удивительном месте, доктор Рабах. Столько людей мечтает побывать в Баальбеке.

— К сожалению, поток туристов иссяк, и вместе с ними иссякли денежные поступления. А нам нужно реставрировать памятники, вести раскопки, благоустраивать территорию. Мы ждем, когда вернутся благополучные времена. Перестанут страдать люди, перестанут страдать памятники. — Директор посмотрел в окно, в котором светила метеоритным блеском колонна, и вздохнул.

— Доктор Рабах, не возражаете, если мой брат Леонид задаст вам несколько вопросов?

— Слушаю вас.

— Уважаемый доктор Рабах, — Торобов достал из кармана фотографию Фарука Низара и протянул директору, — Вам не приходилось видеть этого человека?

Директор взял фотографию и пристально рассматривал.

— Мне кажется, я видел его недавно. Но он был не в офицерской форме, а в обычной одежде. Выглядел старше. На подбородке шрам, должно быть, ранение. — Директор вернул фотографию. — Он представлялся владельцем фирмы, которая печатает альбомы с памятниками архитектуры. Он сказал, что его фирма в Каире, и он хотел бы выпустить альбом шедевров Баальбека. Деньги от продажи альбома он хотел бы направить на помощь семьям патриотов, репрессированных военным режимом. Просил позволения начать фотосъемки.

Директор достал визитку, на которой значилось: «Фарук Низар, издатель. Каир», и номера телефонов. Передал визитку Торобову.

— Уже начались съемки? — Торобов спрятал визитку.

— Нет, для этого необходимо разрешение Министерства культуры. Я направил письмо министру. Пусть делает альбом, а вырученные деньги пойдут на реставрацию.

— Он сейчас в Баальбеке?

— Он сказал, что летит в Каир, встретиться с семьями репрессированных. Вернется через несколько дней. Снял виллу в городе и поселил в ней фотографов. Они готовят аппаратуру. Как только придет разрешение, фотографы начнут работу. И доктор Фарук приедет.

— Вы знаете, где остановились фотографы?

— Да. — Директор открыл ящик стола, достал вторую визитную карточку. Прочитал: — Район Саддула, вилла номер 12.

— Спасибо, доктор Рабах. Быть может, мне удастся повидаться с доктором Фаруком.

Они простились с директором и вышли к машинам, где их дожидались молчаливые агенты безопасности.

Машины петляли по гористым извилистым улицам, среди небольших одноэтажных домов, нарядных изгородей, увитых плющом, крохотных сади-ков, где начинали зацветать деревья. Въехали в квартал Саддула, оставили машины и пошли разыскивать дом под номером 12.

Мимо с грохотом, мигая воспаленными габаритами, сияя выхлопными трубами, промчался мотоциклист, его застекленный шлем казался головой огромной стрекозы.

Две девочки, маленькая и постарше, скакали по тротуару, младшая капризно тянула старшую за подол, а та сердилась и вырывала цветастое платье.

Дом номер 12 не имел ограды, был окружен глянцевитыми деревьями, которые расступались, открывая проход к дверям. Над ними висел старомодный бубенец.

— Возьми, это может пригодиться.

Гассан протянул Торобову пистолет, и тот, приняв оружие, почувствовал в ладони его литую тяжесть.

— Я пойду, постучусь. Если Фарук на месте, он узнает меня и впустит, — сказал Торобов, пряча оружие.

— Это неправильно, брат Леонид. Он тебя узнает и попытается скрыться. Я пойду первым. Представлюсь чиновником Министерства культуры.

— Нет, я пойду первым.

Они некоторое время спорили. Торобов уступил. Шагнул под крону глянцевитого дерева, на котором набухло множество красных бутонов. Бойцы безопасности обогнули дом, и их не было видно.

Гассан подошел к дверям и позвонил. Торобов видел его руку, нажимавшую кнопку звонка, висящий над дверью бубенец. Земля под деревьями была влажной, темной. По ней ползла жужелица, и ее хитин отливал зеленоватой медью.

Дверь долго не открывали, Гассан продолжал звонить. Торобов собирался выйти из-под деревьев и подойти. Наконец дверь приоткрылась. Появилось женское лицо, окруженное розовой тканью хиджаба, черные брови, яркие черные глаза. Гассан раскланялся, прижал руку к сердцу, что-то пояснял. Дверь отворилась шире, и Гассан исчез в доме, мелькнула розовая ткань хиджаба и темно-зеленое долгополое платье.

Торобов нервничал. Бутоны, как плотные бусины, были полны красного сока, стискивали в глубине соцветья. Жужелица замерла, вцепилась хрупкими лапками в комочек земли. Торобов сжимал у пояса спрятанный пистолет, порываясь идти к дверям.

Ему показалось, что дрогнул и покачнулся воздух. Оглушительный грохот и треск вышиб дверь, брызнул из окна щепками, осколками, валом дыма. Взрывная волна толкнула Торобова. Из разбитого окна валил дым, из дверей сочилась серая муть.

Он выхватил пистолет, устремился к дому. Сквозь прихожую, где люстра продолжала качаться, по тлеющему ковру ворвался в комнату. Здесь было месиво тряпья, расколотой мебели, блестя под ногами осколки стекла. Две женщины, изуродованные взрывом, в обгорелых одеждах, лежали у стены. У одной на лице был открыт рот, полный розовой

пены, и черные брови воздеты в мучительном изумлении. У другой стены лежал Гассан. У него еще дергалась и трепетала рука, но в животе была красная яма с пеной пузырящихся легких. В дом, выставив пистолеты вбегали бойцы Хесбаллах. Торобов, задыхаясь от едкого дыма и запаха парного мяса, думал, что взрыв, убивший Гассана, был направлен в него, и Гассан перехватил этот взрыв, перехватил летящую в Торобова смерть, принял ее удар на себя.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Фарук Низар ускользал от него. Был где-то рядом. Знал о его приближении. Готовил ему ловушки. Наблюдал за ним. Угадывал его действия. Предвосхищал его планы. Смеялся над ним. Его ускользающая тень мелькала под ночным фонарем. Комнаты, куда он входил, носили следы его пребывания — сдвинутый стул, оброненный носовой платок, затихающий звонок телефона. Фарук Низар перемещался вместе с ним, маскировался, прикидывался то портье в отеле, то официантом ресторана, то стюардом в «боинге».

Иногда Торобову приходила безумная мысль, что Фарук Низар, этот офицер иракской разведки, обладает даром перевоплощения, принимает облик различных существ и предметов. Мишень, по которой он стрелял в тире, черный продырявленный пулями контур был Фаруком Низаром. И тот уже знал о его задании, ускользнул, оставив дырявую бумагу. Перстень на пальце Шимона Брауде, агента Натив, был Фаруком Низаром, который прослушал разговор, состоявшийся в Еврейском центре. Зоб на горле Джереми Апфельбаума дрожал и пульсировал, оттого, что в нем спрятался Фарук Низар. Проститутка в Брюсселе на «улице красных фонарей», чья тяжелая мясистая грудь лежала у него на ладони, была Фаруком Низаром, который, как оборотень, преобразился в стареющую куртизанку. И ветер в вечерней ливийской пустыне, что гнал сухие колючки и пустые мешки, — и это было воплощением Фарука Низара. И в Бейруте круглые тени, на которых стояли бойцы Хесбаллах перед отправкой на фронт, — эти тени были Фаруком Низаром, который смотрел на Торобова, целующего зеленое знамя. И бронзовая жужелица под глянцевитым деревом у дома номер 12 была Фаруком Низаром, который ждал, что Торобов первым войдет в дом и его растерзает взрыв.

Торобов летел в Египет. Пил виски из тяжелого стакана, сидя на борту «боинга», пьянел, и ему казалось, что из ночного иллюминатора смотрит на него лицо Фарука Низара. Того, кого надлежало убить.

Последний раз он был в Каире, когда «Братья мусульмане» вышли из многолетнего подполья и приближались к власти. Собирали на площади Тахрир сотысячные и миллионные толпы, готовились к свержению Мубарака, метили в президентский дворец. Он встречался с видными руководителями «Братьев», и они спрашивали его мнение о развитии ситуации в Египте. Он осторожно предостерегал их от половинчатых решений, указывал на опасность, исходящую от армии, предсказывал военный переворот. Его прогнозы оправдались, и он издали наблюдал, как свергали Мурси, расстреливали толпы его сторонников, охотились за «Братями», убивая их на месте, истребляли в пыточных камерах. Многие из его знакомцев сгинули бесследно, другие спаслись в изгнании, третьи томились в тюрьмах. Теперь он летел в Каир, надеясь на тайную встречу с теми, кто уцелел, кто снова находился в подполье, поддерживал связи с ИГИЛ и мог указать на след Фарука Низара.

Каир был все тот же, каменный, громадный, с желобами улиц, в которых ревели машины и стояла металлическая мгла.

Торобов остановился в «Фридом-отеле». Каирские телефоны, обозначенные на визитке Фарука Низара, не откликнулись. Не покидая номер, он весь день потратил на поиски прежних знакомых из числа «Братьев-мусульман». Откликнулись двое «Братьев», тех, кто не занимал руководящих постов. И ему стоило большого труда договориться о встрече.

Они встретились ночью в ресторане на берегу Нила. Ресторан был построен в виде старинного корабля, корма которого омывалась рекой. На противоположном берегу, как огромный золотой слиток, сиял небоскреб. Его отражение струилось в реке. Когда по Нилу проплывала баржа или катер, их черный контур врезался в золотое отражение, дробил его, река превращалась в жидкое золото, корма ресторана покачивалась, начинала сладко плыть голова.

Их обслуживали официанты в одежде матросов. Несколько раз подходил любезный метрдотель, облаченный в мундир морского офицера.

Тех, кого Торобов пригласил на ужин, было двое. Доктор Ибадат, тихий, шуплый, в очках с золотой оправой, сквозь которые смотрели печальные осторожные глаза с красными ободками. Казалось, эти глаза долго и много плакали и не высохли до сих пор. И доктор Табарак, маленький, нервный, с оттопыренными ушами, которые от волнения бурно краснели и тут же гасли, словно их хозяин давил в себе бурлящие, избыточные его чувства. С обоими Торобов виделся в свой прежний приезд, но не слыш-

ком хорошо их помнил, уделяя все внимание руководителям «Братьев», предвкушавших близкую победу.

Их стол был уставлен фаршированными баклажанами с мятой, салатами с острыми сырами, мясными ломтями с рисом, бараньими кебабами, от которых исходил горячий дух. Высились горы трав, зеленой, розовой, фиолетовой. Торобов чувствовал на губах сладкое жжение мяты, смотрел, как колышется в реке золотой слиток небоскреба.

— Я предпочитаю во время встреч отключать мобильную связь, — Торобов разрядил телефон, извлек аккумулятор и положил телефон на стол. Его компаньоны молча сделали то же самое.

— Я чрезвычайно благодарен вам за эту встречу, — произнес Торобов. — Я прекрасно понимаю, что нынешняя обстановка в Египте не располагает к общению. Но мне хотелось услышать голос «Братьев», который умолк после известных событий.

— Мы видим в вас друга, доктор Леонид. — Ибадат печально посмотрел на него, повел глаза в сторону, где вдалеке маячил метрдотель в фуражке морского офицера.

— Мы помним нашу встречу три года тому назад. — Табарак закивал круглой, с запекшимся ртом головой, уши его запылали от прилива чувств и тут же померкли.

— За это время столько всего случилось. Египет стал другой страной. Мы вспоминаем ваши прогнозы, которые, к сожалению, оправдались. — Глаза Ибадаты в красных ободках наполнились невыплаканными слезами.

— Я днем звонил по многим телефонам, но отозвались только ваши два, — сказал Торобов. — Где доктор Забир? Он человек глубокого интеллекта.

— К сожалению, доктор Забир убит. Солдаты ворвались в его дом и застрелили на глазах жены и детей.

— А доктор Абас? Его размышления об исламском ренессансе, о будущем вкладе ислама в мировую культуру произвели на меня большое впечатление.

— Доктора Абаса похитили прямо на улице. Затолкали в машину и увезли в неизвестном направлении. Через неделю его тело, ужасно изуродованное, нашли на свалке. — Ибадат покачивал головой, как усталая лошадь, и глаза его тихо слезились.

— А доктор Язид? Кажется, он стал министром просвещения?

— Он в тюрьме. Подвергается пыткам. Его просят подписать какую-то бумагу, он отказывается, и ему перебили колени.

— Это ужасно, — сказал Торобов.

— За «Братями» идет охота и днем и ночью. Двадцать тысяч «Братьев» убиты, многие уехали в

Иорданию и Катар. Другие продолжают борьбу. Мы не сдаемся! — Табарак сжал кулак, поднял его над краем стола, но так, чтобы его не было видно официантам. — Вы, доктор Леонид, — продолжал Табарак, — говорили тогда, что наш приход к власти должен сопровождаться арестом ста генералов. Как вы были правы! Мы поставили своего президента, но армейский крокодил находился у него за спиной и скалил зубы. Мы не вырвали зубы у крокодила, и он растерзал нас. Тысячи наших «братьев» погибли мученической смертью из-за нашего легкомыслия и неопытности!

— Но ведь мы боролись против диктатуры и поэтому не могли установить собственную диктатуру! Мы хотели строить демократический Египет, в котором ислам получил бы свое высшее развитие, способствовал человеческому творчеству! Хотели, чтобы Египет превзошел Европу в своем развитии! — Голос Ибадата умоляюще дрогнул, словно в нем зародились рыдания.

— Революцию надо защищать! Теперь же все десятилетия нашей борьбы пошли насмарку. Мы отброшены в прошлый век. Народ перестал нам верить. Мы подставили народ под удар военных. Наши лидеры оказались наивными, как дети. Им не следовало идти в политику. Американцы заманили нас во власть, захлопнули ловушку и уничтожили. Наши лидеры оказались нашими злейшими врагами! — Уши Табарака пламенели, как огненные лепестки.

— Жестокость не может быть нашим правилом. Месть не может быть нашим идеалом. Пророк учит нас добру и справедливости. Доброта, правда, милость и милосердие угодны Аллаху, Всемилоостивому и Милосердному.

Торобов слушал их запоздалый спор, который они вели после разгрома и попрания их идеалов. Скелеты их друзей, обглоданные лисами и шакалами, лежали в пустыне. Других жгли железом в застенках. А третьи томились в изгнании. Это был спор проигравших, запоздалый спор под дулом врагов. Торобов испытывал к ним сострадание, чувствовал хрупкость их бытия, которое было готово в любой момент оборваться.

По Нилу проплывала баржа. Острый нос вонзился в золотое отражение, рассек его. Черный контур с плоской палубой и рубкой медленно проплыл, расплескивая жидкое золото. Ресторан колыхнуло. Колыхнулся ананасовый сок в бокалах. Баржа исчезла. Отражение на реке медленно собиралось в дрожащий слиток.

— Революцию нельзя заколоть штыками, нельзя расстрелять из пулеметов, нельзя разбомбить ракетами. Американцы подавили революцию «братьев», но она вспыхнула в Сирии, Ираке, Ливии. ИГИЛ со-

бирает тысячные армии бойцов. Наши «Братья» сражаются под Алеппо и в Латакии. Революция ИГИЛ — это мировая исламская революция, которая неодолима!

Табарак произнес это громко, и к столику стал приближаться метрдотель. Табарак, делая вид, что не замечает его, произнес:

— И поэтому я люблю смотреть фильмы Голливуда, но не те, что отмечены «Оскаром».

— Что-нибудь угодно? — спросил подошедший метрдотель.

— Принесите Балах Эль-Шам, — попросил Табарак, — настало время сладкого.

Метрдотель удалился.

— Русские объявили войну ИГИЛ. Ваши самолеты бомбят исламских бойцов. Это ошибка. Таким образом русские вступили в войну с исламским миром. Мы ждали от вас помощи, а вы послали к нам бомбардировщики! — Уши Табарака пламенели, как красные лампы, и он не желал их тушить. — Вы, доктор Леонид, должны чувствовать эту ошибку. Повторяю: революцию нельзя заколоть штыками и разбомбить ракетами!

Торобов поймал момент в беседе, когда можно было осторожно начать выведывать сведения о Фабрике Низаре.

— Россия — не враг исламской революции. — Торобов старался говорить проникновенно, словно сказанное являлось плодом выстраданных размышлений. — Мы сожалеем, что американцам удалось поссорить шиитов и суннитов. Мы дорожим целостностью исламского мира и ожидаем в будущем его грандиозного развития.

Оба «брата» слушали его внимательно и настороженно, чуткие к неискренним и фальшивым интонациям. Они привыкли к тому, что их обманывают, вводят в заблуждение, пользуются их неосведомленностью и наивностью.

— Россия готова исправить ошибку и отозвать самолеты из Сирии. Мы готовы установить контакты с ИГИЛ и договориться о сотрудничестве. Пусть удары возмездия исламистов будут направлены против Парижа, Берлина и Лондона, а не против Москвы. Россия так же страдает от Америки, как и исламский мир. Мы готовы объединить усилия. Это целый геополитический план, и я здесь, среди вас, чтобы способствовать его реализации.

Метрдотель в морской фуражке кружил в стороне, то приближаясь, то удаляясь. Мобильные телефоны омертвело лежали на столе, делая бесполезными системы прослушивания. Торобов, доверительно посвящая «Братьев» в стратегический план, обезоруживая их своей искренностью, произнес:

— Я здесь, чтобы установить контакты с представителями ИГИЛ, теми, кто базируются в Египте. Мне известно, что в Каире появляется бывший майор иракской военной разведки. Он выполняет деликатные поручения, проводит агитацию, способствуя пополнению рядов ИГИЛ. Я знаю, он должен находиться в Каире и, по всей вероятности, встречается с «Братьями». Знакомо ли вам это имя?

Торобов достал визитку, полученную от директора музея в Баальбеке. Протянул ее Ибадату. Тот осторожно принял ее, поднес к очкам и долго рассматривал слезящимися глазами. Передал Табараку. Тот шевелил губами, читая имя, и его уши утратили пунцовый цвет, превратились в бледные голубоватые хрящи. Вернул визитку Ибадату.

Все трое молчали. Черный, маслянистый, как нефть, струился Нил. Пламенело золотое отражение небоскреба.

Наконец Ибадат произнес:

— Вы наш друг, доктор Леонид. Мы знаем, как вы переживаете по поводу государственного переворота в Египте, сочувствуете нашим «братьям», павшим в борьбе. Верим в искренность ваших слов. Этот человек был недавно в Каире, представился знатоком египетских древностей. Он искал возможность направить «Братьев» в Сирию. Чтобы мы, потерпев поражение в Египте, взяли реванш в Сирии. Мы сказали ему, что это вряд ли возможно. Наши люди травмированы, ушли в подполье. Должно пройти время, чтобы шок прошел. Теперь же мы рекомендуем ему отправиться в сектор Газа, где существует целая армия отобилизованных палестинцев, ведущих ежедневные бои с Израилем. Там он найдет пополнение своих рядов.

— И он отправился в Газу? — спросил Торобов.

— Да, это было пять дней назад.

— И по сей день он в Газе?

— Этого мы не можем сказать. Он больше не давал о себе знать.

Им принесли сладости — пахлаву, хрустящий снаружи и сочный внутри Балах Эль-Шам. Торобов вкушал арабские лакомства, от которых отвык за годы жизни в России. Думал, что Фарук Низар вновь ускользнул, играет с ним, заманивает в ловушки, изматывает, готовясь нанести разящий удар.

— Я слышал, что после прихода к власти ваших военных блокада сектора Газа снова усилилась. Как попадают в Газу?

— Со стороны Израиля это исключено. Там стена, войска, пулеметы. Попадают из Египта, нелегально, через туннели.

— Я могу попасть?

— Поезжайте на машине к границе, к пропускному пункту. Там есть проводники-бедуины. Запла-

тите, и они приведут вас к туннелям. Еще заплатите, и через туннель попадете в Газу.

Его кружение в водовороте войн, революций продолжалось. С Фаруком Низаром их сочетала тайная связь, создающая из людей неразрывные пары. Художник и модель. Врач и пациент. Жертва и палач. С Фаруком Низаром они сложились в такую пару, меняясь в ней местами.

— Я вам благодарен за встречу. Вы оказали мне неоценимую услугу, — сказал Торобов.

— Завтра на площади Тахрир состоится митинг студентов. Они требуют стипендий, протестуют против дороговизны. В их требованиях нет политики, но за ними стоят «Братья» Мы не сломлены, продолжаем борьбу. Революция победит. Приходите на площадь, вам будет интересно.

— Непременно приду.

Он не заметил, как черный нос баржи разрезал отражение. Только увидел, как за кормой винты взбивают кипящее золото. Ресторан качнуло, и голова сладко поплыла. Вернулся в отель поздно ночью. Лег на огромную двуспальную кровать, которая утопила его в своей глубине. На тумбочке лежал Коран в кожаном переплете с лазурной арабской. Торобов взял книгу. Не раскрывая, положил на грудь, чувствуя ее тяжесть. Не страниц, не плотной бумаги, украшенной изысканными орнаментами и волшебной арабской вязью, похожей на электронную волну с молниеносными всплесками. Тяжесть была не материальной — была тяжестью имен, которыми наречены все сущие во Вселенной явления.

В этой книге, как в чудесном ларце, таились зори, звезды и луны. Весенние цветы и бури пустыни. Львы, и орлы, и крохотные твари с прозрачными тельцами и крыльями. В этой книге сберегались царства, дворцы и храмы, земные дороги и морские пути. В ней жили правители и богословы, хулители и святотатцы. В ней было начало мира, восхитительного, как молодая заря, и его конец, ужасный, как черный труп. И если открыть ларец, из него бесконечным потоком польется божественная речь, перетекая из невидимого в видимый мир.

Торобов держал на груди Коран, и ему казалось, что сердце сквозь кожаный переплет читает восхитительные вероучения и грозные предостережения. И это чтение сердцем наполняло его благоговением.

Он прочел наизусть несколько аятов и услышал благоухание, словно в номер внесли и поставили в вазу букет цветов. Он продолжал читать и слышал музыку, которая была прекрасней всех симфоний и опер. В ней был звук упавшего с дерева яблока, песнопение пролетевшей по небу звезды и ночной женский шепот.

Он лежал, закрыв глаза, и видел лазурь. Из лазури раздался голос, громогласный, как камнепад, и нежный, как шелест лепестков. Этот голос вопрошал: «Кто ты»? И тут же отвечал: «Это ты!»

Торобов чувствовал к Тому, Кто вопрошал, обожание и любовь. Сон, который внезапно его одолел, был сном о милой бабушке, что держала его детскую руку и вела по Тихвинскому переулку среди сверкающих весенних ручьев.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Утром Торобов собирался вызвать такси и отправиться из Каира по долгой дороге через Синай к сектору Газа. Этот ломтик Палестины, находящийся под контролем ХАМАС, истерзанный израильскими бомбами, влек его к себе. Он знал, что все пропускные пункты были закрыты. В Газу попадали нелегально, через туннели, соединяющие палестинский анклав с Египтом. Граница с Израилем была непроницаема, укреплена бетонной стеной с видеокамерами и пулеметами. И он был готов, нарушая египетский закон о границе, воспользоваться туннелем.

Торобов был знаком с лидерами ХАМАС, оказывал им услуги, осуществлял контакты ХАМАС с российским МИДом и внешней разведкой. В Газе оставались его знакомцы, в их числе Хабаб Забур, один из командиров боевого крыла ХАМАС. Автор громких нападений на израильские блокпосты и диверсий на Западном берегу реки Иордан. К нему собирался пробраться Торобов и разведать местонахождение Фарука Низара.

Он уже вызвал такси, но вдруг вспомнил сообщение «Братьев» о митинге студентов. Ему захотелось очутиться среди бурлящей толпы, увидеть множество коричневых, как смола, лиц, ощутить жар «арабской весны», которая все еще тлела в глубинах народа. Он поддался странному искушению и отправился на площадь Тахрир.

Было солнечно. Площадь казалась огромной, с размытыми краями. Синяя дымка окутала правительственные здания, Национальный музей, отель «Нил», помпезную громаду «Могамма». Памятник Омару Макриму плыл в голубом тумане. Стоял гул и рокот, какой бывает на море. Площадь заполнялась толпой, но оставалось еще много свободного места. Подходили колонны. Одна изливалась из улицы Каср аль-Айн, бренча, скандируя, взмахивая кулаками, развевая черно-бело-алые флаги. Другая — из улицы Талаат Харб, распевая, танцуя, неся над головами смешные чучела президента Сиси и его мини-

стров. Люди шли группами и поодиночке, от моста Каср аль-Нил, из метро. Толпа вязко наполняла площадь, колонны смешивались, образуя медленные водовороты.

Торопова затягивали эти медленные течения. Он радовался тому, что становился частью этого месива, оно не отторгало его, вовлекало в огромный плаvilный котел, который медленно разогревался. Было множество молодых, очаровательных лиц, сияющих глаз, белоснежных зубов. Иногда попадались девушки в розовых и зеленых хиджабах. Но большинство длинноволосые, с модными прическами, чернобровые, с малиновыми губами, пленяющие своей смуглой арабской красотой. Юноши не стеснялись их обнимать, некоторые целовались, и все вместе, впадая в раж, скандировали веселую чепуху:

— Господин президент, поживи, как студент! У студента в животе как воды в решете!

Кругом сновали торговцы. Предлагали апельсины, орехи, выпечку. Другие раздавали листовки, брошюры, полосатые, черно-бело-алые флажки. Вдалеке, у памятника Омару Макриму, стояла хрупкая цепь полицейских. Высилась трибуна, на которой расхаживали устроители митинга.

Торобов чувствовал молодую энергию толпы, которая питала его силой и свежестью. Он был среди тех, чей язык понимал, чьи лица любил, чье стремление к свободе и благополучию разделял. Знал, среди какой тьмы рождалось это стремление. В толпе был замечен тучный старик в чалме, с посохом и всклокоченной бородой, которого течение принесло из тусклых и грязных предместий. Он что-то проповедовал, открывал беззубый рот, топтал изношенными сандалиями.

Становилось тесно. Площадь нагревалась, как тигель. Торобов, стиснутый, чувствовал, как по площади из конца в конец перекачивались упругие сгустки. Достигали места, где он стоял, сдавливали, так что становилось трудно дышать, катились дальше.

Над головами летало прозрачное электричество, жгло, сыпало искры. Люди касались друг друга, и их било током. Кукла президента Сиси, воздетая на шест, дергала руками и ногами. Качался плакат с надписью: «Студенты хотят есть». Пожилой человек в вязаной шапочке, с седеющей бородкой поднял вверх Коран.

Вдалеке на трибуне заговорил микрофон, гулко, с металлическими перезвонами, бессловесно отражаясь от зданий, улета в синюю дымку, где знойно туманился Нил, и дальше, к мечети Омара Макрима. Площадь казалась огромной квашней, в которой взбухало черное тесто. Торобов чувствовал магму, которая изливалась из бездонных глубин Востока.

Из таинственных недр, откуда исходили народы, пламенные пророки, мистические вероучения. Этому извержению не было конца. В глубине земли зарождались новые народы, зрели новые вероучения, обитали неродившиеся пророки. И он, Торобов, востоковед и разведчик, был не в силах заглянуть в эту живородящую бездну.

Он увидел, как далеко, за трибуной, со стороны моста Каср аль-Нил показались броневики и стали выстраиваться за цепью полицейских, уродливые, грязно-зеленые, похожие на толстых жаб. Ораторы сменялись у микрофона, насылали на площадь волны звенящего звука, и казалось, в небе гремит огромный лист кровельного железа.

«Студентам нужен хлеб!», «Студентам нужен хлеб!» — Молодые люди зло скандировали, вздымали кулаки, подпрыгивали. Кругом были возбужденные лица, горящие глаза, гибкие тела.

Торобов был един с толпой. Ему хотелось кричать и подпрыгивать. В него ударило электричество, когда соседний парень с кудрявыми волосами и золотой серьгой в ухе случайно задел его рукой. На него накатила металлический звук мегафона, оросив железной влагой. И стоящий рядом человек в вязаной шапочке стал потрясать над головой Кораном, выкрикивая «Аллах Акбар!»

Торобов видел, как на трибуну взобрались полицейские. Отпихивали ораторов, сбрасывали с помоста. Полицейский овладел микрофоном, и лязгающие звуки приказа полетели в толпу. Каждый большой удар отзывался ревом.

Толпа литой стеной двинулась к трибуне. Заглушая лязг мегафона, раздалось: «Аллах Акбар». Нестроинно, разрозненно, затем все слаженней, единым дыханьем, клекотом. Казалось, великан бьет молотом по наковальне. Огненно летели грозные слова, от которых шатались здания, качался мост через Нил, разбегались полицейские.

Кукла президента Сиси задымилась. Ее подожгли, она роняла липкий огонь. Упала с шеста, и ее топтали, оплевывали.

Толпа повалила к трибуне. Торобов слепо, вместе со всеми колыхнулся, сжатый толпой. Услышал, как тупо застучали пулеметы. Броневики, как ромбовидные жабы, палили в толпу. Трассы били по головам, рикошетили вверх, и казалось, что толпа, как бронированная плита, отшвыривает пули. Но там, куда били очереди, возникали пустоты. Часть толпы все еще кричала «Аллах Акбар» и подскакивала, но другая, попавшая под пули, стенала, визжала. И среди этой разноголосицы стучали пулеметы.

Торобов почувствовал, как слепо качнулась толпа, темный сгусток сдавил его и понес в сторону Каср аль-Айн.

Он бежал в толпе, молча, задыхаясь, стремясь не упасть, чувствуя под ногами живые тела, которые затаптывала толпа.

Девушка, бежавшая рядом, споткнулась о чье-то тело, упала, на нее наваливались, падали, и толпа огибала живой стенающий холм.

Он добежал до зданий и прижался к стене, боясь, что рухнет от разрыва сердца. Видел, как мимо несутся люди. Пробежал безумный старик в чалме, отталкиваясь клюкой. Скачками пронесся кудрявый парень, в ухе его сверкнула серьга. Торобову показалось, что мимо пробежал доктор Ибадат в разорванном пиджаке.

Торобов стоял, прижавшись к гранитной облицовке дома, слыша рев и топот толпы, стук пулеметов. Ему казалось, что из мутной синевы смотрит на него грозный лик, указывает отточенным перстом.

«Это ты!» — неслось из неба. — «Это ты!»

Площадь пустела, с нее убегали остатки толпы, лежали тела, валялись транспаранты. Медленно катили уродливые, как зеленые гробы, броневики, били вслед убежавшим редкими очередями. Рядом с Торобовым прижался к стене пожилой человек с сухим кадыком, седой копной волос. Задыхался, хватался за грудь, умоляюще водил глазами. Очередь ударила в стену дома. Крупнокалиберная пуля снесла человеку полголовы. И пока тот падал, Торобов видел его развороченный череп, язык, оскал зубов, и в этом оскале узнал хохочущую баранью башку, которую в Бейруте послал ему на тарелке Фарук Низар.

Он вернулся в отель и принял горячий душ, лил на себя шампунь, стараясь смыть гарь, ужас, парные запахи ревушей площади. Не понимал, как мог поддаться искушению и отправиться на митинг, рискуя погибнуть и сорвать задание.

Это был непростительный промах, еще одна смертельная ловушка, поставленная на путях погони.

Собрал саквояж, вызвал такси, и среди полицейских сирен и фиолетовых мигалок устремился прочь из Каира по северной трассе, в сторону Сектора Газа.

Чем дальше он уносился от Каира, тем спокойней билось его сердце, ужас слабел, темный ком безумья, страдания и ненависти постепенно отставал, таял вдали вместе с туманным городом.

Он сидел на заднем сиденье, отделенный от шофера прозрачной перегородкой, видел его сутулую спину, бритый затылок и кепку, брелок в виде скарабея, который болтался на лобовом стекле. Хотел завязать с ним разговор. Спросил:

— Скажи, когда было легче жить? При Мубараке, Мурси или теперь, при Сиси?

Шофер подумал и, не оборачиваясь, ответил:

— Сегодня в Египте хорошо живут только мумии.

Они катили по пустынному шоссе, среди солнечной сизой равнины. Иногда попадались армейские блокпосты. Блестели гусеницы транспортеров. Стрелки стояли по пояс в люках, сонно смотрели на трассу, не останавливая машин.

По стальному мосту пересекли Суэцкий канал. Сразу за мостом Торобов попросил таксиста остановиться. Вышел из машины.

Среди серых холмов текла огромная голубая протока, исчезая в туманной дали. По каналу в обе стороны двигались суда двумя непрерывными вереницами. Торобов следил за движением сухогрузов, танкеров, самоходных барж, пассажирских теплоходов. Среди них серыми стальными уступами выделялись военные корабли. Плыли гигантские газовозы, многоэтажные перевозчики автомобилей. В их молчаливом движении было упорство и сила земных цивилизаций, которые обменивались изделиями, товарами, идеями, сокровенными знаниями. И бог весть, какое тайное знание перетекало теперь из одной половины мира в другую. Какой невидимый замысел, благой или ужасный, двигался по этой бирюзовой воде. В Торобове, созерцавшем канал, дрогнула и налилась невидимая вена.

У дороги продавец торговал апельсинами. Оранжевые плоды сияли на солнце. У продавца было смуглое, почти черное лицо, фиолетовые губы и прямой неарабский нос. Он был наследником народа, строившего пирамиды и поклонявшегося древним богам. Торобов купил два апельсина и один протянул шоферу. Тот принял апельсин, достал маленький ножичек с перламутровой ручкой и надрезал кожуру. Разделил ее на лепестки, обнажив сочную, в белых волокнах сердцевину. Подал плод Торобову. Они стояли, ели апельсины, глядя, как по синему каналу беззвучно плывут корабли.

За каналом начинался Синай. Тянулись лысые холмы. У обочин росли кактусы, колючие лепешки, прилепившиеся одна к другой. Торобов смотрел на волнистую пустыню и думал, что сюда, на эту пепельную землю, упал из неба ворох тел и горящих обломков. И безвестная женщина с распущенными волосами, и ее дочь, сжимавшая руку матери своей мертвой рукой, и ребенок в люльке, и стюардесса с фирменным красным платком, и валяжный старик, читавший газету, которая в паденье облепила его лысую голову. Все это сыпалось, повисало на колючках, расплющивалось кляксами, рождая невидимый вихрь, который подхватил Торобова, ввергнул в погоню, в кружение по странам среди стреляющих мечетей и рынков.

У машины лопнула шина. Шофер, охая и ворча, стал менять колесо. Торобов спустился с шоссе и пошел на ближайший холм, шурша бурьяном.

Зимняя пустыня уже прогревалась солнцем. Сухой бурьян металлически блестел. Волнистая даль полнилась таинственным свечением, будто там скользили прозрачные тени, туманились миражи. То были исчезнувшие племена и народы, от которых не сохранилось имен. Они заблудились в холмах, где пространство сворачивалось в спираль, небо менялось с землей местами, открывались ходы в иные миры. Туда уходили народы, пропадая бесследно. И только один предводитель вывел свое племя из лабиринта, проблуждав сорок лет по пустыне, путаясь среди земных перекрестков, проваливаясь в бездну времен.

Торобов смотрел на прозрачные миражи, чувствуя таинственные прогалы, загадочные спирали, от которых голова начинала кружиться. Здесь не было покоя душе, и эта тощая земля плодоносила пророками, а душа неутолимо ловила из неба невнятные гулы, превращая их в священные тексты.

Торобов увидел, как вдали двинулся с места кусок пустыни, заструился, заблестел, превращаясь в живой поток. Этот поток приближался, трепетал. Множество лисиц, серых, пепельно-бурых, выгнув худые спины, вытянув хвосты, мчались по пустыне, гонимые то ли страхом, то ли заветной звериной мечтой. Пронесли мимо Торобова, не замечая его, высунув страстные языки, и пропали, быть может, в одном из лабиринтов земли.

Машина достигла границы Египта и Сектора Газа. Таможня, погранзастава, контрольно-пропускной пункт перегораживали трассу. Множество автомобилей скопилось на границе, изнуренное множество людей ожидало, когда ему позволят пересечь границу.

Торобов расплатился с шофером. Тот пошел разыскивать пассажиров, уезжавших в Каир, а Торобов, не смешиваясь с толпой, встал в стороне, стараясь привлечь внимание проводников-бедуинов, помогавших нелегально пересечь границу.

Вскоре к нему подошел человек в матерчатой куртке с кожаными заплатами на локтях. Такие же заплатки были у него на коленях. Его лицо было черным от солнца пустыни, вялым, сморщенным, как сухофрукт. Но из морщин смотрели зоркие цепкие глаза, как у хищной птицы.

— Куда? — спросил человек, держа руки в карманах.

— Туда. — Торобов кивнул в сторону границы.

— Чего не идешь?

— Тебя жду.

— Заплатишь?

— Тебе заплачу.

— Пойдем.

Бедуин отвел Торобова в сторону, где у обочины стояла замызганная «тойота», с красным цветком на дверце.

Они съехали с шоссе и долго тряслись по ухабам, пока не достигли поселка с серыми домами и высокими заборами. «Тайота» въехала во двор, где расхаживали овцы и куры, и навстречу им вышел хозяин, такой же вялый, сморщенный, как и шофер, с тем же осторожным и цепким взглядом.

Обменялись сердечными приветствиями. Когда входили в дом, низко, с треском, прошел вертолет, и хозяин кулаком погрозил ему вслед.

— Стреляет. Вчера у соседа овцу убил.

Вошли в дом, но вместо жилой комнаты Торобов увидел помещение с колодцем и тусклой лампочкой, освещавшей ступени вниз.

— Плати, — сказал шофер, — и ему плати.

Торобов расплатился и, прихватив саквояж, полез вниз, чувствуя сырой земляной запах, не зная, увидит ли он снова белый свет или будет погребен здесь, вместе с другими, неизвестными.

Дно колодца было утрамбовано, от него уводил туннель. Лежал пластмассовый короб, похожий на открытый гроб. Стальной трос, привязанный к корбу, тянулся в туннель.

— Ложись, — приказал хозяин, — голову не поднимай, а то снесет.

Достал из кармана рацию и что-то пробубльнул в нее.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Трос натянулся, дернулся. Узкая щель всосала Торобова. Гроб шелестел, дрожал. Лицо чувствовало холод близкой проплывавшей земли. Спина ощущала вмятины и бугры туннеля. В полном мраке, стиснутый со всех сторон, он испытал ужас. Ему показалось, что трос оборвется и он застрянет здесь, сдавленный могильной тьмой.

Не знал, как долго продолжалось движение, как долго длился страх. Чуть забрезжило, посветлело. Его подземная ладья выплыла в тусклое свечение. Он оказался на дне колодца, где продолжал рокотать мотор и горела мутная лампочка. Двое с неразборчивыми лицами помогли ему встать. Подвели к лестнице, неся его саквояж. Над колодцем, из которого выбрался, был натянут брезентовый тент. Грязная, наполненная жижей колея вела из-под тента.

Его встретили двое, в камуфляже, с недобрыми глазами.

— Иди за нами, — приказал один, другой подхватил саквояж.

Он следовал за ними под вечеряющим небом, и вокруг было множество рыхлых земляных куч, будто их нарыл огромный крот. Серые, черные, розовые, с примесью разноцветных глин, груды были извлечены из туннелей. Этих подземных коридоров, ведущих в Египет, было множество. Величина каждой груды была соразмерна длине и широте туннеля.

Его подвели к будке, почти втокнули в замызанное помещение, где находился человек, утомленный, небритый, в жилете с множеством карманов, из которых торчали рация, фонарь, блокноты.

— Ты кто? — спросил Торобова человек.

— Писатель. Из России.

— Документы.

У него отобрали паспорт, обыскали, раскрыли саквояж и вытряхнули содержимое.

— Зачем ты здесь? — Глаза человека смотрели с неприязнью, почти с ненавистью. Казалось, появление Торобова причиняет ему страдание. — Что тебе нужно?

— Хочу повидать моего друга.

— Кто он?

— Хабаб Забур.

Взгляд человека дрогнул, сошелся на переносице Торобова, словно там зажглась красная точка прицела. Молчал, рассматривал пришельца, одного из многих, стремящихся в палестинскую Газу сквозь заборы Израиля, — беженцев, торговцев, журналистов, разведчиков. Пытался понять, кто перед ним.

— Свяжись с Хабабом. Сообщи обо мне. И у тебя больше не будет забот.

Человек не ответил. Поднялся и вышел. Щелкнул дверной замок. Торобов присел на освободившийся стул и закрыл глаза.

Под веками стало взбухать, наливаться, словно поднимались грунтовые воды. Клубилась площадь Тахрир с перекрестьями пулеметных трасс, в которых металась толпа. Сползала вдоль стены оскаленная, с высунутым языком голова. Струилось синее шоссе, мелькнули провисшие гусеницы броневика и сонное, в танковом шлеме лицо стрелка. Уходила вдаль бирюзовая лента канала, и по ней медленно, оставляя клиновидные следы, плыли суда. Лепешки кактуса, усеянные иглами, были готовы зацвести, и на них, словно капли крови, набухли бутоны. Стая лисиц, как волна, переливалась по пустыне, выгнув седые спины.

И внезапное озарение: этой же дорогой, из Вифлеема в Египет, спасался младенец Иисус. Дева Мария сидела на осяти, держа у груди младенца. Иосиф брел, с трудом переставляя сандалии.

И тот черный каменный выступ был местом их отдыха, где они скрывались в тени. И та синяя кром-

ка холмов была все той же, и по ней скользили усталые глаза Богородицы.

Эта мысль была столь остра, лицо младенца с растрепанными очами, крохотными ноздрями, бутончиком розовых губ, было столь живо, что Торобов испугался этого видения. Оно возникло не из глубин его памяти, а пришло извне, было ниспослано. Он, Торобов, отправился в дорогу, чтобы совершить убийство, и встретил на этой дороге Иисуса, который шел прекратить убийства, укротить бушующую в человечестве ненависть.

Но чудо этой встречи не остановило Торобова, он лег в черный гроб, и железный трос утянул его в преисподнюю.

Вспоминая чудесную встречу, любя Иисуса, виня себя перед ним, он все равно совершит убийство.

Хлопнула дверь. Тот, кто недавно его грубо допрашивал, ворошил саквояж, теперь внес подносик с прозрачной чашечкой чая, блюдо с коричневым сахаром.

— Вам надо согреться, — сказал он, стараясь быть любезным, — Хабаб Забур пришлет за вами машину.

Машина пришла через час. Молодой, сияющий свежестью палестинец в щеголеватой кожаной куртке, с лучистыми смеющимися глазами приветствовал Торобова:

— Доктор Леонид, Хабаб Забур рад вашему приезду. Он приказал привезти вас в Газу, поселить в отеле. Вечером он придет увидеться с вами.

Машина, покружив среди земляных холмов, покинула территорию туннелей. Ехала по улицам Рафаха, шумным, суетным, неопрятным. Облупленные стены домов, изношенные дымящие автомобили, обилие людей с мешками — всё указывало на обветшалость, скудность, изнуренность, которые душили сдавленный блокадой народ. Так выглядит измученный, с синеватым лицом человек, которому сдавили артерию, и он, задыхаясь, ловит воздух, продолжая двигаться, жить.

Торобов всматривался в торговцев, мешочников, в мелькание машин и повозок, ожидая увидеть знакомое лицо Фарука Низара. Готовился к долгожданному окончанию погони.

Выехали из Рафаха, по пыльной разбитой дороге двинулись берегом моря. Темнело, море казалось черно-фиолетовым, с бегущими сердитыми волнами. Пахло йодом. Были едва различимы серые корабли у горизонта. На некоторых едва заметно мерцали огни.

— Что за корабли? — спросил Торобов.

— Израильские военные катера, — ответил палестинец. — Блокируют с моря. Рыбакам разрешается удаляться от берега не более чем на километр. Иначе

открывают огонь. А какая рыба у берега? Для Газы рыба важный продукт. Рыбаки нарушают запрет, выходят за километровую зону, и их расстреливают катера. Вчера убили рыбака, его лодку с мертвым телом прибило к берегу. — Молодой палестинец посмотрел на фиолетовое море, на далекие серые корабли, и его лучистые глаза стали жесткими.

В Газу прибыли в темноте. Город, почти лишенный огней, казался черным с редкой желтизной окон в высотных домах, с неразличимой толпой, текущей вдоль тусклых витрин, робко мерцающих реклам. И только главная улица переливалась бриллиантовыми фарами, слышались гудки, музыка, возгласы. Город экономил на каждой капле бензина, на каждом фонаре или лампочке. Израиль отключил мятежную Газу от электричества, обрекая город на холод и мрак.

Они вошли в полутемный отель «Музеум» с пустынным холлом, где стояли какие-то огромные глиняные сосуды, обломки капителей, маячил автоматчик. Торобов, всматриваясь в темноту, боялся столкнуться с Фаруком Низаром, желая и страшась этой встречи.

— Добро пожаловать в Газу, доктор Леонид. Ваш номер вас ждет, — произнес провожатый, — Хабаб Забур найдет вас.

Номер был на четвертом этаже. Лифт не работал. В номере загоралась единственная лампочка. Было холодно. За окном близко шумело море, тяжело ударило в берег. Во мгле туманились огни израильских боевых катеров.

Торобов устало прилег на кровать, накрывшись двумя шерстяными одеялами.

Он думал о сотнях, а быть может, о тысячах туннелей, прорытых в Газу. По этим туннелям в осажденный сектор доставляется еда, бензин, стройматериалы, лекарства, оружие. По этим туннелям люди под землей преодолевают границу, навещают родственников, едут на свадьбы и погребения.

Среди этих бесчисленных туннелей, затерянный в земляных холмах, существует потаенный ход, выходящий на ту дорогу, по которой бредет ослытя, Богородица восседает на матерчатом седле, прижимает к груди младенца, и усталый Иосиф шаркает по дороге сандалиями. И можно найти этот ход, догнать святое семейство и идти вместе с ним под голубой вечерней звездой туда, где сусальным золотом горят снега, стоит любимый дом с цветущими клумбами, и в доме поджидают его бабушка, мама, жена, три ненаглядные женщины, разлука с которыми сулит долгожданную встречу.

Он услышал в коридоре шаги. Поднялся с постели. Дверь распахнулась, и Хабаб Забур обнял его.

— Брат Леонид, наконец я вижу тебя!

В Москве, когда Торобов сопровождал делегацию ХАМАС, представлял ее в МИДе и внешней разведке, Хабаб был элегантен, в дорогом костюме и шелковом галстуке, напоминал манерами дипломата, осторожно подыскивая слова и сохраняя на лице бесстрастно любезное выражение. Теперь же он был в камуфляже, с «арафаткой» на шее. На толстом ремне висела кобура с пистолетом. Он источал пылкую радость. Его нос с горбинкой, пышные вразлет брови, жаркие черные глаза соответствовали образу революционера, полевого командира, организатора отважных атак на израильские блокпосты и военные патрули. За ним охотилась израильская разведка, он был внесен в список палестинцев, подлежащих уничтожению.

— Ты пришел к нам через туннели? Похоже на московское метро? Если бы я знал заранее, для тебя выбрали бы такой туннель, по которому ты въехал в Газу на автомобиле.

— Не на танке? Не на ракете «земля—земля»? Говорят, у вас уже есть на вооружении танки и ракеты.

— У нас есть туннели, по которым мы можем доставить в Газу авианосец! — Он белозубо хохотал, сжимая Торобова в объятьях, и от него пахло морем, бензином и еще чем-то, чем, быть может, пахнут зарядные ящики и орудийные лафеты.

Им принесли в номер ужин. Палестинские сыры, баклажаны, вареное, охваченное паром мясо, тонкий лаваш, горы благоухающей зелени.

— Расскажи, Хабаб, как вам удалось захватить израильского капрала? Столько было шума в мире, словно это был сам Натаньяху.

— Мы пробили туннель под стену. Три месяца рыли, длиной в километр. Евреи установили приборы, которые слышат подземные звуки и колебания. Но наши саперы работали босиком, рыли тихо, выносили землю в карманах, и евреи ничего не заметили. Мы прошли через туннель, оказались у них в тылу и напали на транспортер. Один солдат был убит, а капрал взят в плен.

— Но ведь после этого вы подверглись удару. Было столько разрушений, жертв. Стоило ли рисковать?

— Мы обменяли капрала на тысячу наших братьев, которые томились в израильских тюрьмах. Некоторые продолжают возвращаться. Завтра у меня встреча с бывшими узниками. Приглашаю тебя.

Торобов слушал Хабаба, чей голос сопровождался гулом моря, ударами волн о берег. Тусклая лампочка освещала его лицо, на котором глаза светились как два черных огня.

Торобов находился среди народа, истерзанного, измученного, несущего непомерные жертвы. Готового дальше нести, исповедуя божественную веру,

неистощимую страсть, святое обожание и священную ненависть.

Израиль, как чудовищный метеорит, упал на палестинскую землю, сжег города и селенья, рассеял по миру стенающие толпы. Палестинцы молили Аллаха о помощи. Потом взялись за камни, кидая их в еврейские танки. Потом обрели автоматы, устраивая на дорогах засады. Потом боевые отряды сложились в армию, и она, в окружении, в Газе, ведет непрерывный бой. Голодает, теряет бойцов, гибнет под бомбами, отвечает пусками самодельных ракет. Палестинцы, как зажатые в лесу партизаны, ждут долгожданной, бесконечно далекой победы.

— Не понимаю, Хабаб, как вы, воюя с Израилем, допустили раскол в своих рядах. Вам нужно единство на переговорах, единство в войне, единство перед лицом мирового сообщества. Вместо этого ХАМАС и ФАТХ враждуют на радость врагам.

— Израиль хитер, брат Леонид. Он раскалывает палестинцев. Лидеры ФАТХ куплены Израилем. Они не сражаются, они признают Государство Израиль, они предатели Палестины.

Торобов знал беду арабских движений, среди которых ему доводилось работать. Их неспособность к единству, склонность сориться, множиться, делиться, дробиться. Среди арабов шла химическая реакция деления, возникали и распадались молекулы, одно движение перетекало в другое, одно арабское племя сражалось с другим. И этой изнурительной химией пользовались европейцы и евреи. Расчленили государства, проводили произвольно границы. Арабы, изнывая в распрях, не умея объединиться, мечтали о халифате. О великом Исламском государстве, которое соединит арабский мир.

— Мы, ХАМАС, воюем и умираем. Умирает весь народ Палестины, возвращая себе Родину. Я могу тебя познакомить с женщиной, у которой было шесть сыновей. Сначала погиб в бою один. И она послала сражаться второго. И тот погиб. Она послала третьего. Четвертого. Пятого. И все они погибли в бою. Несколько дней назад она пришла ко мне и сказала: «Вот мой последний сын. Он уже вырос. Забирай его, Хабаб. Пусть он сражается за Палестину».

Хабаб сжал кулак, словно был готов прокричать «Аллах Акбар», и его горбоносое лицо полыхнуло тусклым серебром.

Торобов чувствовал, что в этих землях таится загадочная мощь. Исходит волшебное излучение, преобразующее людей, зажигающее в них дремлющие огни, пробуждающие спящие голоса. Люди, слыша эти голоса, не боятся смерти. Опоясывают себя смертоносными поясами, идут в рост на танки, видят над собой сверкающую лазурь, внимают громогласному зову, говорящему о бессмертье. А он, Торо-

бов, слышит ли над собой этот зов? Видит ли сверкающую лазурь? Готов умереть или только убить?

— Арабы слишком много испытали оскорблений, брат Леонид, — продолжал Хабаб. — Американцы и евреи мучали нас, и тогда были взорваны небоскребы в Нью-Йорке. Они слишком долго убивали ливийцев, иракцев, сирийцев, и арабы в ответ создали ИГИЛ. Американцы одевают наших героев в оранжевые балахоны и пытаются их в Гуантанамо. Теперь ИГИЛ одевает врагов в оранжевые балахоны и отсекает им головы. Быть может, тебе это неприятно слышать, но эта война не знает милосердия.

Хабаб зло засмеялся, голос его умолк, и стало слышно, как Средиземное море стучит о берег. Где-то в ночном тумане мерцали огни израильских катеров.

Торобов ждал минуты, когда сможет обратиться к Хабабу с расспросами о Фаруке Низаре. И этот момент настал.

— Дорогой Хабаб, я согласился на то, чтобы меня протащили под землей, как червяка. Пошел на это, чтобы повидать тебя, моего давнего друга. Но признаюсь, у меня есть еще одна цель. Я знаю, что в Газу прибыл Фарук Низар, представитель боевой группы ИГИЛ. У меня есть деликатное поручение российской разведки встретиться с Фаруком и наладить с ним взаимодействие. Не мог бы ты вывести меня на Фарука?

Хабаб молчал. Поднимал глаза на Торобова и остро, пронзительно взглядывал. Снова опускал глаза, словно рассматривал фиолетовый листик базилика, упавший на скатерть. Наконец произнес:

— Не могу, не имею права расспрашивать тебя, брат Леонид, какое поручение к Фаруку Низару ты хочешь выполнить. Знаю только, что он имеет отношение к специальным операциям, затрагивающим интересы России. Россия — друг ХАМАС. Ты друг ХАМАС. Мы никогда не позволим, чтобы нашим друзьям причинили вред. Фарук Низар прибыл в Газу, чтобы здесь найти опытных бойцов для своей организации. Он разговаривал об этом с нашим руководством, разговаривал со мной. И вот что я ему ответил. Пусть ИГИЛ не рассчитывает на боевые подразделения ХАМАС. Мы воюем против Израиля. Мы поставили цель изгнать Израиль из Палестины и вернуть исконные земли народу. Ради этого мы воюем и умираем. Все наши силы направлены на это. Нам важен каждый боец, каждая жизнь. Палестинское сопротивление не станет пополнять ряды ИГИЛ. Вот что я ему сказал.

— И где он теперь, Фарук?

— Сегодня утром он покинул Газу через туннель и сказал, что отправляется в Багдад. Там его ждут де-

ла. Мы сидели с ним за столом, где сидим с тобой. Он жил в том же номере, где теперь живешь ты.

— Он сказал, что отправляется в Ирак? Для него это большой риск.

— Сказал, что едет в Багдад.

Торобов почувствовал едва ощутимый ветерок, пробежавший у виска. Быть может, это была тень Фарука. Они разминутись на час или два. И в те минуты, когда Торобов лежал в пластмассовом ковчеге, и его всасывало черное жерло, и трос протягивал его сквозь толщу земли, рядом, в соседнем туннеле, двигался другой пластмассовый гроб, в котором лежал Фарук.

Господь развел две их жизни, чтобы они еще пожили порознь, не истребили друг друга.

— Что ж, наша встреча с Фаруком не состоялась в Газе. Буду искать его в Ираке. Завтра опять уползу от тебя червяком.

— Поживи день у нас, брат Леонид. Поговорим по душам.

— День поживу, — ответил Торобов, провожая Хабаба. Видел, как его машина с выключенными фарами нырнула во тьму.

Остался один в темном номере, где недавно находился тот, кого он должен убить. Тот словно знал об этом, играл, заманивал, каждый раз ускользал, оставляя легкий ветерок убегающей тени.

Торобов лег на кровать, где еще утром лежал Фарук Низар. Слушал, как за темными окнами ухает море. Удары следовали бесконечной чередой. Каждый оставлял в груди вмятину, словно мостили грудь булыжниками, погребая его под каменной толщей. Он испытывал тяжесть, одиночество, оторванность от родного мира, из которого его вырвали и перенесли в чужие земли, под чужое небо, окружили чужими народами, чужим языком. И, зная этот язык, зная историю и нравы народов, он был отделен от волшебных упоительных звуков: «Мороз и солнце, день чудесный», «В полдневный жар в долине Дагестана», «Утрет, с Богом! По домам! Позвякивают колокольцы», «Есть женщины, сырой земле родные, и каждый шаг их гулкое рыданье», «В пряже солнечных дней время выткало нить»...

Он беззвучно шептал стихи, и от этого становилось еще больней, одиночество казалось тягостней. Не было той, кому он мог прочесть стихи и увидеть, как от чудесных созвучий туманятся любимые глаза. Не с кем было поделиться воспоминаниями и рассказать о бабушкином ковре с рукодельными, шелком шитыми маками. Не с кем было восхититься маминами акварелями, которые она раскладывала на полу, и они всей семьей любовались золотыми деревьями, отраженными в темных прудах. Некому было поведать о той теплой душистой ночи, когда с

женой ночевали в стогах на берегу Оки и рядом ходило ночное стадо, раздавались вздохи, бульканье речной воды, похлопывание бича.

Воспоминания плавали, как туманы, он блуждал в них, и некого было окликнуть.

Одиночество было невыносимо. Его забросили в этот мир из неведомых, потусторонних пространств и затворили за ним дверь. Обратно не было хода. Он был закупорен, обречен маяться среди бесконечных войн, необъяснимых раздоров, неисчислимых злодеяний. Являлся их воплощением, увеличивая людские страдания.

За окнами было темно, море мерно рокотало, туманились у горизонта огни катеров.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Утром он проснулся от солнца. По стенам бежали бесчисленные огни, словно на зеркальный шар падал луч, наполняя комнату летучими отсветами. Море, голубое, солнечное, усыпанное вспышками, бессчетными звездами, вздыхало, шелестело, просилось к нему в номер, залетало летучими отраженьями.

Хабаб появился в дверях, бодрый, горбоносый, с черной гривой волос, в которых все еще играл ветер.

— Брат Леонид, внизу, в холле, меня ждут наши братья, которые недавно освободились из израильских тюрем. Я проведу с ними беседу, а потом буду только с тобой.

Они спустились в холл, где за длинным столом сидело несколько мужчин и одна женщина. Все они, в темных одеждах, с утомленными лицами и тревожными глазами, казались обугленными, обгорелыми. Их посыпал пепел жестокого пожара, в котором сгорели их дома, а они, чудом спасенные, все еще слышали треск падающих в огне перекрытий.

Хабаб уселся за стол, посадил рядом с собой Торова.

— Братья, вы хотели встретиться со мной. Хотите получить в Газе работу. Я выслушаю вас. Пусть каждый расскажет о себе и назовет работу, которую хотел бы выполнять.

Первым заговорил изможденный старик с голым черепом, на котором, как мох на камне, темнели болезненные коричневые пятна.

— Меня зовут Дабир Оби. Я историк, профессор. Преподавал в университете в Рамалле. У меня много научных работ. Мои работы по истории Палестины переведены на английский язык.

— За что попал в тюрьму, брат Дабир?

— Прочитал лекцию о ханаанских народах, которых истребили евреи, захватывая «обетованную

землю». Рассказал студентам, как пленных ханаан бросали в ямы с известью, клали под железные пилы и дробили кости молотками. Я выдвинул теорию, что народ Палестины образовался от смешения арабов и ханаан. И гонения Израиля продолжаютя со времен Ветхого завета. Меня арестовали прямо в университете, и я провел в тюрьме десять лет.

— Сочувствую тебе, брат Дабир. Какую работу ты хотел бы выполнять?

— В тюрьме я написал книгу по истории Палестины. Я писал ее карандашом на листках, которые мне выдавали охранники. Когда меня выпускали из тюрьмы, начальник у меня на глазах разорвал всю книгу и сжег обрывки. Я смотрел, как сгорает моя книга, и у меня случился инфаркт. Теперь я хотел бы по памяти восстановить мою книгу.

— Ты можешь преподавать в университете Газы. Читай лекции по истории Палестины и восстанавливай свою книгу.

— Спасибо, брат Хабаб. — Старик закрыл лицо костлявыми руками, а когда убрал руки, его глаза были полны слез.

Вторым говорил седовласый мужчина с беззубым ртом и запавшими щеками.

— Я Сабиг Магжун. Просидел в тюрьме восемь лет, из них три года в одиночной камере.

— За что тебя арестовали, брат Сабиг?

— У меня дома нашли автомат. Жена спрятала его в шкаф, где хранились простыни, но они все равно нашли. Когда я был ребенком, только начал ходить, я кинул в израильского солдата щепку, и он избил меня. Когда я подросток, я кидал камни в израильские танки. Танкисты поймали меня и сломали руку. Когда я вырос, я взял автомат, и за это попал в тюрьму, где мне выбили все зубы. Теперь я хочу получить гранатомет и сразаться с израильской армией. — Человек говорил, шамкая беззубым ртом, но глаза его полыхали фиолетовым огнем, как два ненавидящих факела.

— Хорошо, брат Сабиг. Ты отдохни, подлечись, а потом мы определим тебя в боевое подразделение.

Третьим говорил худой человек с измученным лицом, на котором топорщились брови, дергались губы, смотрели круглые, как у испуганной птицы, глаза.

— Я — Хаббан Ибатутла, журналист. Написал листовку, где предвещал день, когда отряды ХАМАС пройдут по улицам Иерусалима и помолятся в мечети Аль-Акса. Меня арестовали и мучили. Засунули пальцы правой руки в дверь и раздробили. Я не могу печатать на компьютере мои статьи. Но я могу работать на радио и воспевать тот день, когда отряды ХАМАС пройдут по Иерусалиму и помолятся в мечети Аль-Акса.

— Я читал твою листовку, брат Хаббан. Все будет так, как ты написал. У нас на телевидении есть свободное место. Нашего диктора расстрелял израильский беспилотник. Ты займешь в студии его место.

Хабаб повернулся к маленькой женщине в черном, которая все это время вздрагивала, порывалась сказать, умоляюще взглядывала на Хабаба:

— Ты опять пришла, Саада. Я тебе говорил, что у нас нет сведений о твоём муже. Мы не знаем, в какую тюрьму его посадили. Но, как только узнаем, я сам приеду к тебе и все расскажу.

— Спасите моего Али! Два его сына растут без него! Они не скоро вырастут, чтобы отомстить за отца! Почему вы не роете туннель под стену? Почему не нападаете на израильских солдат? Возьмите их в плен и обменяйте на моего Али!

Она зарыдала, и ее плечи задрожали под черным облачением, словно обрубленные крылья, и она, теряя силы, затихала в его объятиях.

Торобов испытывал к ним острое сострадание, причастность к их горючей судьбе, к их нескончаемой борьбе, в которой они приносили жертвы, добывая свободу, самую высшую ценность среди мглы и жестокости осатанелого мира. Его вчерашнее ночное уныние, опустошенность и чувство тщеты отступили.

Они сели в автомобиль и покатались из центра Газы к окраинам, где исчезали высотные здания и тянулись утлые одноэтажные домики.

— Куда мы, Хабаб?

— Я покажу тебе наши сады. Мы спрашиваем у Аллаха, как нам вытерпеть эти страдания? Как нам вынести эти военные тяготы? И Аллах велел нам сажать сады. Весной мы посадим на пустырях тысячу оливковых саженцев, и тысячу финиковых пальм, и тысячу апельсиновых деревьев. Евреи посыпают нас бомбами, желая сломить наш дух, а мы сажаем сады. Они окружили нас бетонной стеной, нацелили пулеметы, строят для нас тюрьмы, а мы сажаем сады. Они хотят превратить Газу в ад, а мы сажаем райские сады. Люди должны покрыть землю садами и жить среди садов. Тогда исчезнут злодеи, богохульники и детоубийцы. Люди станут заселять безжизненные планеты и сажать там сады. — Хабаб восторженно смотрел на Торобова, и его горбоносое лицо романтика и революционера сияло.

— Я это понимаю, Хабаб. После войны, когда мы потеряли двадцать пять миллионов убитыми, и еще не просели могилы, и не высохли вдовьи слезы, Сталин велел сажать сады. Вся обугленная земля покрылась садами, и мы полетели в Космос.

Они выехали на окраину, где, волна за волной, круглились белые теплицы. Вдали розовая земля ка-

залась полосатой от множества борозд. Там двигался трактор, катил грузовик, в бороздах виднелись люди.

Их встретил главный садовод в клеенчатом фартуке, в перепачканных землей башмаках, с большими руками, в которых присутствовала осторожность и нежность.

— Ияс, мой русский друг хочет посадить оливку в землю Палестины.

— Тогда он должен будет приезжать в Газу и ухаживать за деревом, — улыбнулся садовник.

— Он придет, чтобы собрать с дерева первый урожай, — произнес Хабаб, — а до этого я сам буду ухаживать за деревом, как будто это мой брат Леонид.

Они выехали в поле, где тянулись розоватые борозды. В бороздах зеленели хрупкие саженцы, тянулись пластмассовые трубочки, по которым сочилась вода и орошала деревья. В кузове грузовичка стояли ящики с саженцами. Садовод бережно отделил от пучка саженцев один, с нежными веточками, круглыми листиками, с бородкой корней. Протянул Торобову. Тот принял саженец, боясь стиснуть тонкий серебристый побег, в котором теплилась жизнь. Торобов рассматривал жилки на листьях, крохотные почки, метелку корней. И эта доверчивость и беззащитность умилила Торобова. Он поцеловал саженец и почувствовал, как его дыхание проникло в крохотный ствол, раздвоенные веточки, в сердцевидные листья. Его жизнь слилась с древесной жизнью, словно состоялось непорочное зачатие.

Хабаб руками разгреб в борозде лунку. Торобов опустил в нее корешок, и Хабаб присыпал его землей, примял землю пальцами. Садовник подтянул к саженцу гибкую трубку, из которой полилась серебряная струйка, стала впитываться в землю. Розовая земля темнела, становилась темно-малиновой. Торобов почувствовал, как слабо дрогнул саженец, укореняясь в земле, всасывая воду, поглощая свет. Он был маленькой колонной, соединяющей небо и землю, поддерживал огромный свод небес, не давал ему рухнуть. Торобов, поселившись в дереве, станет жить в нем среди этих голубых холмов, бирюзового моря, стеклянных далей. Ночью, под теплыми звездами, не тяготясь своим одиночеством, станет грезить об исчезнувших временах, позабытых народах, и какая-нибудь птица сойдет в его ветвях потаенное гнездо.

Он вдруг испытал такое обожание, такую светлую веру и лучистую любовь к этой земле, к Хабабу, к садовнику, к далекому на дороге велосипедисту, что душа его на мгновение взмыла в небо и оттуда, исполненная благоговения, оглядела все мироздание.

Они вернулись к теплицам и стали прощаться с садовником. У теплиц играли маленькие дети, их

матери рыхлили землю, переносили ящики с пернатыми ростками пальм. Торобов увидел, как в небе появился беспилотник. Длинный фюзеляж, прямые крылья, глянцеvitый отлив на хвостовом оперении. Дрон прилетел из-за стены. Осуществлял разведывательный полет, высматривая позиции ХАМАС, замаскированные установки самодельных ракет «Касам». Совершал круги над теплицами, и в его телекамеры попадали белые теплицы, розовое поле, ряды оливковых саженцев и крохотное дерево, которое посадил Торобов. И он сам, и стоящий рядом Хабаб, и садовник, и играющие дети — их всех видел израильский оператор, запустивший с базы беспилотник, выбирая цель для удара. Беззащитность, уязвимость, отвращение к незримому оператору, который из удобного кресла мог послать команду и дрон выпустит разрушительную ракету, — эти чувства, смешанные со страхом, заставили Торобова пригнуться, накрыть голову руками.

— Быстро, за мной! — приказал Хабаб, и они все трое скользнули в теплицу, под непроницаемый полог.

Дрон продолжал кружить, похожий на терпеливого ястреба. Дети перестали играть, подняли вверх маленькие смуглые лица. Один из них, совсем малыш, схватил с земли камень и запустил в беспилотник. Камень, едва взлетев, тут же упал на землю. Мальчик стал плевать в небо, норовя достать беспилотник. И такое разгневанное лицо было у мальчика, такой огненный ненавидящий взгляд, что дрон вильнул и ушел в сторону, туда, где туманилась Газа.

Уже смеркалось, когда они вернулись в Газу. Проезжали мимо тяжеловесного каменного храма с аляповатым крестом.

— Хабаб, я хочу заглянуть в храм и помолиться. Останови машину.

— Я оставлю тебя на час, а потом вернусь. Помолись о Палестине. Бог на небе один, и справедливость одна. Твоя молитва будет услышана.

Храм был сумрачный и холодный, с повисшими по углам тяжелыми тенями. Горело несколько свечей, создавая туманное золотистое облако. На стенах сохранились закопченные фрески. Древние краски из разноцветных глин были мрачные, написанные ими лики святых, ангелы и херувимы были строгими, сумрачными, напоминали о катакомбном христианстве. Торобов слышал свои гулкие шаги, безлюдье храма говорило об оскудении веры, о последних временах, о всемирном потопе, в котором погибли заблудшие народы, утонули неугодные Богу царства.

Спасаясь от холода и угрюмых напоминаний, Торобов жался к подсвечнику, на котором горели свечи и витало золотистое облако.

К нему подошел священник. Его арабское лицо густо заросло седой бородой. Грива волос казалась серебряным слитком. Он был из библейских ветхозаветных времен, когда о пришествии Христа проповедовали пророки, и он был одним из них. На нем была фиолетовая мантия, шитая серебром, и золотая потертая епитрахиль.

— Здравствуйте, — произнес священник, — я вас не знаю. Вы не из моих прихожан.

— Благословите, отче. — Торобов припал губами к холодной костлявой руке, слыша, как ткани священника пахнут сладким дымом. — Я из России.

— Из России? Я был в России, присутствовал на службе, когда служил Патриарх. В России очень много снега. Я люблю Россию.

— У вас такой величественный храм. Должно быть, когда-то на этом месте произошло чудо.

— Чудо в том, что мы все еще живы, — произнес священник. Ненадолго отошел и вернулся, держа в руках высокую свечу: — Поставьте свечу и помолитесь. В дороге хорошо помолиться.

Торобов оплавил торец свечи, зажег и укрепил в гнезде подсвечника. Свеча разгорелась, и золотистое облако стало ярче и выше.

Он стоял и смотрел на свечу. Не молился, а погрузился в мечтательное созерцание, какое бывает на грани яви и сна.

В этом золотистом пятне открылось иное пространство, в которое он вошел, как входят в туман. В этом чудесном тумане появилась беседка со стрельчатыми арками и резными колоннами. Там — стол с плодами и яствами, блюдо с яблоками, ваза с виноградом. За столом сидит Фарук Низар в белой рубашке, молодой, с пушистыми бровями. Радует его появлению. Они угощают друг друга виноградом, протягивают алые ломти арбуза и медовой благоухающей дыни. Любят друг друга, празднуют долгожданную встречу.

Торобов выпал из волшебного пространства, когда услышал голос Хабаба:

— Я вернулся. Мы можем идти.

Покидая храм, Торобов оглянулся, стараясь запомнить свечу, священника в сиреневой мантии, сумрачные фрески на стенах. Знал, что больше сюда не вернется.

Стемнело. Они ехали по центральной улице Газы, среди озаренных витрин, цветных реклам, слепящих автомобильных фар. Слышалась музыка, гудки, рокот большого города. Не верилось, что вся эта оживленная вечерняя жизнь проходит под прицелом орудий, окружена минными полями, пулеметами, бетонной стеной и в любую минуту может быть подавлена и растерзана.

По мере того, как они подвигались к окраине, огни гасли, улицы становились темнее и пустынее,

пока совсем не погасли и обезлюдели. Тянулись однопотажные, с черными окнами дома, кривые, немощенные улочки. Хабаб выключил фары.

— Мы куда? — спросил Торобов.

— Здесь граница, стена, полоса отчуждения, минное поле. Если живая душа приближается на триста метров к стене, пулеметы автоматически открывают огонь. Неделию назад к стене приблизилась корова, и ее расстреляли из пулеметов. Она лежит на солнце, разбухла, гниет, но мы ее не можем убрать.

— Ты хочешь показать мне убитую корову?

— Я просто проверяю посты. Сегодня ночью мы готовим операцию, и Израиль ответит ударом. Могу пойти танки. Мы укрепляем оборону.

Машина пронырнула по узкому проулку, остановилась перед черным домом. Они вышли. Домов больше не было. Из тьмы дул холодный ветер. Черная пустота казалась зияющей, таила угрозу, в ней скрывались пулеметы, лежащие в бурьяне мины, инфракрасные зрачки телекамер.

— Прижимайся к стене, — произнес Хабаб и стал красться вдоль каменного забора. Они обогнули дом, заглянули во двор, и в лучах вспыхнувшего фонаря возникла группа людей, стоящих плечо к плечу.

— Аллах Акбар! — произнес Хабаб.

— Аллах Акбар! — единым дыханьем, с радостной готовностью отозвались люди, воздев кулаки.

Их было шестеро. Лица по глаза были занавешены черными платками. На головах «арафатки» или тугие косынки. Куртки, джинсы, «калашниковы». Все были молоды, худые, подвижные, с нервной гибкостью и спортивной готовностью сорваться с места и бежать, скакать. На земле у их ног стоял миномет из обрезка трубы, какой-то куль, обмотанный изолентой, с чемоданной ручкой.

— Обстановка? — спросил Хабаб.

Тот, что был повыше и покрупнее, ответил:

— По ту сторону был выстрел. Прошел грузовик или бронетранспортер. В остальном тихо.

— Это наш брат, русский, доктор Леонид. Приехал из Москвы поддержать ваш дух.

Парни молчали, не были видны их закрытые платками губы, но глаза над кромками платков сияли любопытством и молодым блеском.

— Если израильская армия перейдет границу и вторгнется в Газу, они примут первый удар. Миномет ударит по пехоте, а мину кинут под танк. — Хабаб показал на куль, обмотанный лентой. — Здесь, под землей, много туннелей. Наши бойцы перед носом вражеской пехоты ныряют под землю и оказываются в тылу врага.

Торобов смотрел на худые тела, на жилеты с множеством карманов, из которых торчали автоматные рожки и ручные гранаты. Испытывал мучительную

к ним любовь, отцовское влечение и нежность. Боялся подумать, как двинутся ревушие громады, окутанные огнем и дымом, и навстречу им бросятся эти хрупкие юноши, кидая под гусеницы кули взрывчатки.

— Это мой сын Кааб. — Хабаб обнял того, что докладывал обстановку. Отодвинул черный треугольник платка, и Торобов увидел свежее чистое лицо, румяные губы, щеки и подбородок, тронутые легким юношеским пушком. Видел, с какой нежностью и гордостью Хабаб смотрит на сына. — Нам пора! — сказал Хабаб, натягивая на губы сына черный платок. — Аллах Акбар!

И в ответ слитно, в одно дыханье:

— Аллах Акбар! — полетело в черную пустоту.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

В темноте они подъехали к гостинице и были готовы расстаться. Завтра утром Торобова подхватит машина и повезет к туннелям, он покинет Газу и продолжит свой изнурительный поиск.

— Сейчас мы начнем боевую операцию, — произнес Хабаб. — Хочешь принять в ней участие?

— В чем суть операции?

— Рыбаки добывают для Газы рыбу. Без рыбы у нас начнется голод. Израильские катера отгоняют рыбаков к берегу, и уловы сократились, рыбный рынок опустел. Самые смелые рыбаки нарушают запрет евреям и выходят за пределы километровой зоны, ставят сети и возвращаются с большим уловом. Несколько дней назад рыбак, член ХАМАС, вышел в море, нарушил запрет, и его расстрелял израильский катер. Лодку с убитым выбросило на берег. Его брат через час выходит в море, чтобы отомстить. В лодку загрузили взрывчатку. Он должен незаметно добраться до катера и взорвать его. Это послание евреям, требование, чтобы они расширили для рыбаков зону лова.

— Рыбак взорвется вместе с лодкой?

— Это его выбор. Это не приказ.

— Я не могу в этом участвовать. Это не моя война. Это не моя земля.

— Ты посадил дерево, и теперь это твоя земля. Ты борешься за справедливость, значит, это твоя война. Мы идем провожать нашего брата. Пусть он тебя увидит. Пусть знает, что Россия вместе с нами в нашей борьбе.

— Ты настаиваешь, я пойду, — сказал Торобов, испытывая мучительное сомнение. Было несправедливо провожать героя на смерть, а самому оставаться на безопасном расстоянии от смерти. «Но неизвестно, — подумал он, — как велико это расстояние».

В стороне от города, на пустынном берегу, стояли машины. У воды, едва различимые, темнели люди. Хабаб и Торобов подошли. Несколько автоматчиков в масках дали им пройти. Мулла в мучнистых одеждах, в белой чалме, поклонился Хабабу и Торобову. Маленькая женщина, вся в черном, держала за руку высокого молодого мужчину. Его лицо в лучах фонаря отливало медью, жарко и огненно сверкали глаза, безмолвно шевелились узкие губы. Металлическая лодка уткнулась носом в песок. За кормой темнел мотор, а на носу горбился тюк, обмотанный клейкой лентой. Море светилось, среди фиолетовых волн пробегали длинные млечные зарницы. Катились вместе с волнами к берегу, словно прозрачные духи бежали по волнам, а потом отталкивались и взлетали, а их место занимали другие, светящиеся и бесплотные. Далеко во мгле то появлялись, то пропадали огни катеров, желтые, как капельки жира.

— Сабил, это наш брат Леонид из России. Он расскажет русским о нашей борьбе, о ХАМАС, о твоём подвиге, чтобы о нем узнала вся земля, друзья восхитились, а враги содрогнулись.

Огненные глаза Сабилы скользнули по Торобову и пробежали мимо, словно не заметили. А Торобов вновь испытал мучительную неуместность, желание повернуться и уйти. Заставил себя остаться, повторяя: «Это ты!»

Млечные духи вод окружали их голубоватым свечением, взмахивали прозрачными рукавами, словно прощались. Море шелестело, гудело, словно в его глубине играла таинственная музыка.

Женщина в черном, мать Сабилы, не выпускала руку сына, тянула его прочь от моря, от погребальной музыки, белых призраков, далеких желтых огней.

— Сабил, мой сыночек. Зачем я тебя родила? Зачем тебя у меня отнимают? Сначала Табиб, а теперь и ты. Возьми меня в лодку! Возьми меня с собой на небо! Не хочу я жить без тебя на земле!

— Мама, мама. — Сабил прижимал к себе хрупкое тело матери. — Зачем ты плачешь? Ты радуйся, смейся! Я скоро увижу Табиба, мы обнимемся с ним по-братски. Я расскажу ему, как мы жили без него, как часто его вспоминали, как ты любишь его. Мы станем ждать тебя и встретим и снова будем вместе. Там не будет войны, там не будет голода. Там будут цветы, чудесные птицы, о которых ты нам рассказывала в детстве. Мама, не плачь!

— Сабил, сыночек! — Она вздрагивала худыми плечами, сын обнимал ее хрупкое тело, которое когда-то его породило, вскормило, а теперь сотрясало от горя.

— Пора, — сказал Хабаб, посмотрев на часы, полыхнувшие фосфором на запястье. — Через полчаса

на катерах смена караула. Они перестают наблюдать за морем. К ним можно незаметно подобраться. — Он осторожно обнял за плечи плачущую женщину. — Отпусти его, Забиба. Ты мать героев. Тебя выбрал Аллах, и ты самая счастливая из матерей.

«Это ты!» — повторял беззвучно Торобов. Чувствовал, что Кто-то Всемогущий и Всеведующий привел его на берег моря, поставил среди измученного непокоренного народа, соединил его душу с рыданием матери, огненным предсмертным взором сына. Бойцы в черных масках безмолвно стояли, сквозь прорези смотрели немигающие глаза.

— Время молиться, — сказал Хабаб. Все сошлись, встали на молитву.

Мулла неразборчиво, стонающим голосом, запел, зарыдал, и его певучая горестная мольба была подобна гудящим волнам, которые выплескивали на молящихся бестелесные сполохи света.

Молча стояли, боясь шевельнуться. Бойцы по очереди подходили к Сабилу, обнимались, и в этих братских объятьях была нерасторжимая любовь, единая доля, знание, что разлука будет недолгой. Торобов, не приближаясь, низко поклонился Сабилу, и тот слабо кивнул.

— Пора, — сказал Хабаб, снова взглянув на часы. Прижал к себе хрупкую женщину, не пуская к сыну.

Сабил подошел к лодке, навалился грудью на нос. Столкнул в воду, замочив ноги. Перевалился через борт и встал. Лодка медленно отплывала, он стоял, высокий, худой, окруженный духами моря. Кажется, духи медленно отводят лодку от берега.

— Аллаху Акбар! — крикнул Сабил, воздев кулак.

— Аллаху Акбар! — откликнулись те, кто остался.

Взревел мотор, лодка, развернувшись, оставляя зеленоватую дугу, ушла в темноту. Звук мотора стих. Только шлепали и стучали о берег волны и слышались женские всхлипы.

Они стояли на мокром песке. К их ногам бежали волны, блестящие, как черная слюда. Блуждали над морем духи вод. Желтели у горизонта огни катеров.

Торобов чувствовал, как в темном сыром пространстве движется лодка и мученик ведет ее к смерти. Торобов видел лодку не глазами, а страдающим сердцем, в котором дышала мольба, росло ожидание чуда. Вера в то, что чудесным образом мир, попавший в жестокий завиток нескончаемых бед и несчастий, в непрерывную череду убийств и насилий, — мир вдруг очнется, двинется вспять, и благая сила не даст сомкнуться контактам взрывателя, не даст сомкнуться контактам жуткого взрывного устройства, которым заминирован мир.

Призраки света, летучие духи вод сложатся в лунную дорожку, и на ней появится темная лодка, и в

лодке два брата, любящие, смеющиеся, выйдут на берег и обнимут мать. И он, Торобов, вымолив их жизни, обнимет обоих.

У горизонта полыхнула тихая вспышка. Через минуту прилетел слабый звук, будто палкой ударили в таз. Замерцали колючие трассы, застучали пунтиры пулеметов. Огонь над морем стал разгораться, как уголь, на который дул ветер. Скользили лучи далеких прожекторов. Мать, воздев руки, рыдала.

Хабаб обнял ее и сказал:

— Радуйся, твой сын в раю.

Все двинулись от моря к машинам.

В отеле Торобов лежал без света, слыша, как шумит море. Тихо звенели окна, словно снаружи билась о стекло невидимая бабочка, силилась влететь. Он засыпал, просыпался, лежал в полусне. К нему подступали галлюцинации. Мерещилась громадная раковина, свернутая в спираль, в которой обитает моллюск, пульсирует, кровоточит, отекает слизью и кровью. Его выдавливает из раковины, вываливаются один за другим липкие сгустки, комья слизи, красная скользкая мякоть. Один сгусток давит другой, мнет третий, слипается с четвертым. Война выползает из раковины, как слепое жуткое месиво. Красный след пролег по Ливии, волдырями покрылся Ирак, в огненных язвах Сирия. Русские самолеты утюжат базы в Алеппо. Французские штурмовики пикируют на мечети Мосула. Американцы с воздуха взрывают дома в Латакии. Турецкие танки рвутся к курдским селениям. Саудиты готовят войска для вторжения. Иранские «стражи» воюют под Холмсом. Хесбаллах атакует в Дирайе. Йемен громит саудитов. Эмираты бросают в бой спецназ. Все против всех. Племя на племя. Страна на страну. Моллюск войны становится все огромней. Всплывают в океанах подводные лодки. Авианосцы выпаривают Средиземное море. Крылатые ракеты летят с других континентов. Моллюск войны разбухает, наливается кровью. А в храме, где он днем молился, тихо догорает свеча, крыло ангела голубое, как крыло улетевшей сойки.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Его разбудил страшный треск, словно на постель обрушивалась стена. Вскочил, кинулся на балкон. Яркое светило солнце, летел трескучий грохот. Увидел солнечный город, блеск моря, высотные дома. И один дом, похожий на пирамиду, падал, проседал, осыпался этажами, извергал дым. Еще не успел рухнуть, как другое здание, блестя стеклами, стало разваливаться на бетонные панели и балки. Оседало с грохотом, словно у него подрезали поджилки. Сквозь

каменный грохот и скрежет, пронзая его металлическим свистом, пронесся самолет, словно серая тень, и исчез на солнце.

Дома взрывались, проваливались, из них валил черный дым. Над городом в разных местах поднимались столбы, выбрасывая пышные пепельные клубы. Со свистом мчались самолеты, взмывая и исчеза на солнце.

Торобов стоял босиком на балконе, слыша содрогание взрывов. Над его головой проносились молнии самолетов, и он пригнулся, ожидая, что его срежет лезвие. В нем был не страх — было оцепенение от небывалого зрелища. Под солнцем, у лазурного моря, истреблялся город. Кто-то невидимый из неба указывал перстом на дом, в него вонзалась молния, оставляя курчавый след, и дом вырывался с корнем, превращался в черный столб дыма. В разных местах города качались колонны дыма. Поднимались великаны, колыхали гривами, выбрасывали в стороны руки, танцевали чудовищный танец.

В этом истреблении города было что-то библейское, беспощадное. Город был предан заклятию, его жителей кидали под железные пилы и тяжелые кувалды, которые дробили кости городу, дробили кости народу, дробили кости ему, Торобову.

Когда умолкали взрывы, слышался неразборчивые, по всему городу стенания, треск опадавших конструкций, вой сирен, голошенье. И еще что-то, как будто рыдали камни.

Торобов стоял босиком на балконе, глядя, как взрывы приближаются к гостинице, готовые ударить в него, превратить в дым, пар, груды падающих обломков. Но не убежал, не мог шевельнуться, слыша сквозь грохот чей-то громогласный голос: «Это ты!»

Жуткое зрелище было дано ему в назидание. Такой ценой кто-то хотел разбудить его сонную душу, чтобы она очнулась и перед концом узрела истинное устройство мира.

Перст указующий перемещался от здания к зданию, превращал дома в дымные взрывы. Приблизился к нему и остановился где-то близко, за чередой домов, обрушив высотное клетчатое здание. Оно стало складываться, уменьшаться, изрыгая огненный дым.

Взрывы стихли. Шелестело, звенело, булькало, стонало. Камни рыдали, и в этих камнях стенали люди. Город с переломанными костями мучился и стонал.

По улице с воем промчалась пожарная машина. С трепетом фиолетовых вспышек пролетели две «скорые помощи». Пробежали люди, слепо и бессмысленно, словно их гнал ветер, и одежда на них казалась растерзанной этим колючим ветром.

Торобов понимал, что бомбардировка города была ответом на ночное потопление катера. А ночное потопление было отмщением за зверский расстрел рыбака. А расстрел рыбака был ответом на взрывы в иерусалимском автобусе. А иерусалимский взрыв был мстью за строительство еврейских поселений. Эта нескончаемая череда кровавых причин и следствий уходила в бесконечное прошлое и выныривала в бесконечном будущем. И он, Торобов, был включен в это неостановимое колесо. Город взрывался на его глазах, чтобы его душа проснулась, вырвалась из кровавого круга, разомкнула беспощадный обруч.

Услышал оглушительный рев. Звук упал с неба, расплющил землю, и из этого грохота вырвался самолет, прошел над крышами, давя их пятнистым брюхом, разведя крылья с желтыми звездами. Взмыл, исчезая на солнце. Торобов успел увидеть голубой трепет плазмы в хвостовом сопле.

Второй самолет спикировал на город, грохоча, разрывая воздух, пронесся над крышами, оставляя твердую волну рева, и взмыл над морем, унося в хвосте синий огонь.

Самолеты падали на Газу, хлестали, истязали город, полосовали его железными бичами. Торобов приседал, в ужасе вжимая голову. Ему казалось, на городе взбухают рубцы, на его спине вздулась полоса от стального бича. И никто не поднимался в рост, не смел кинуть в самолет камнем, погрозить кулаком. Все лежали ниц, слыша, как на бреющем полете проносятся самолеты, прокалывают воздушный пузырь, вышибая из окон стекла.

Внезапно из городских кварталов, далеких, близких, из центра, где дымились руины, с окраин, где ютились утлые домики, прынули ввысь кудрявые трассы. Сотни стеблей вырастали один за другим, и у каждого была темная головка, и в головке горел красный уголь. Трассы выгибались в небе, пересекались, развешивали крутые и пологие дуги, издавали стоголосый свист, птичий шелест. Это сотни самодельных «Касамов» уходили через стену в Израиль и там взрывались на улицах, во дворах, на крышах, сея вопли и панику.

Стихло. Одна, две запоздалые ракеты ушли в небо. В тишине слышались сирены пожарных машин, вой «скорой помощи», и все тот же неразборчивый, из воплей и стука камней звук, тоскливый, пузырящийся.

Торобов во время чудовищного удара, оглушенный, подавленный, молил, чтобы великаны взрывов не дотянулись до балкона, где он стоял. Чтобы летящие самолеты не раздавили его своими пятнистыми животами. Он вымаливал себе жизнь не для продолжения рода, не для творчества и любви, а для того, чтобы выполнить жестокий приказ. Найти и

убить человека. Жизнь нужна ему для того, чтобы убить другого. Чтобы одна смерть отступила и дала дорогу другой. Он, как игла с металлической драгвой, прокалывает страны, взрывы, военные столкновения, чтобы игла нашла Фарука Низара и пронзила его.

Эта мысль была острой, но ему не хватило времени, чтобы ее развить.

Над городом появились вертолеты, сначала единицы, потом десятки. Кружили медленно, на разных высотах, узкие, как насекомые, с тонким проблеском винтов. Высматривали добычу. Наклоняли клювы, мчались к земле, выбрасывали черные пучки, острые, как гарпуны. Вонзали в город, и там полыхало, ухало, хлестало, серый дым сочился из окон. Карусель вертолетов приближалась к гостинице. Все небо было в черных букетах, сносимых ветром. Железные шлепки, скрежет и хруст приближались.

Вертолет навис над отелем. Торобову был виден фюзеляж, подвески с ракетами, стекла кабины, желтая звезда, слюдяной круг винта. Он запрокинул лицо и зажмурился, ожидая, что огонь накроет балкон и сметет его. Но вертолет отвернул, двинулся над улицей. Наклонил клюв и нырнул, разгоняясь. Изпод брюха сорвался пучок копоти, прынул на соседнее здание. Взрыв был как хлюпающий удар в живую плоть. Из дыма с воплями, визгом вырвалась толпа, пестрый растрепанный ворох. Мужчины, женщины, дети, какой-то белобородый старик, какая-то старуха в черном. В панике пробежали по улице, нырнули в подворотню соседнего дома и стихли. Затаились, ожидая удара. Слышался стрекот винтов, гулкие взрывы, напоминающие стук палки по кровельному железу.

Торобов с балкона увидел, как на улицу вышла крохотная девочка, отставшая от толпы. Красное платьице, хрупкие ножки, курчавая темная головка. Стояла посреди улицы, качаясь, словно ее валил сорный ветер, беспомощно озиралась. А над ней кружил вертолет, сыпал на нее стальной звук.

Торобов словно очнулся. Горячая боль, ужас, страх не успеть толкнули его с балкона. Как был босиком, выскочил из номера, сбежал с этажа, вынесся на улицу по осколкам разбитых стекол. Схватил девочку, прижимая к себе, чувствуя ее мелкую дрожь.

— Не бойся! Не бойся, милая! — повторял он. А она, сотрясаясь хрупким тельцем, причитала:

— Ай-яй-яй!

Вертолет стрекотал наверху. Казалось, пилот рассматривал Торобова, обнимавшего девочку. А его охватил слепой приступ ненависти, жаркой ярости к пятнистой машине, желтой звезде. Заслоняя собой девочку, он воздел кулак и заорал, хрипло, дико:

— Суки кровавые! Будьте прокляты!

Обнимая девочку, побежал. Влетел в холл гостиницы. К нему подскочили женщины, приняли девочку, которая смотрела черными, полными слез глазами, повторяя:

— Ай-яй-яй!

Торобов по лестнице, чувствуя резь в стопах, оставшая кровавый след, вернулся в номер. Вышел на балкон.

Внизу по улице пробежала группа автоматчиков. У одних на головах были повязки, у других шапочки, у третьих каски. Промчался шальной грузовичок с пулеметом. Пулеметчик, чтобы не упасть, вцепился в кабину. Город продолжал стрелять, взрываться. Из домов в небо летели бледные трассы.

Улица опустела, и стало вдруг душно, словно выкачали воздух, и в этом безвоздушном пространстве прибавился свет, возникло болезненное свечение. Торобов слышал, как приближается ровный рокот. Из-за угла с лязгом выкатил танк, похожий на носорога связками железных мускулов, короткой пушкой, неповоротливым тупым стремлением. Танк прочавкал мимо отеля, остановился и хлестнул вдоль улицы длинной очередью. У него в тылу показался гранатометчик, в распахнутой куртке, с седой головой, держа на плече трубу с луковницей гранаты. Торобову показалось, что это тот, что вернулся из тюрьмы и просил гранатомет. Седоголовый выстрелил, граната ударила танку в башню, отскочила и взорвалась в воздухе белой вспышкой. Гранатометчик исчез. Танк развернулся, стуча пулеметом, прошел мимо отеля и скрылся за углом.

Было тихо, безлюдно. Светился воздух, напоенный большим электричеством. Блестели на солнце осколки стекла.

Торобов сел на кровать и стал извлекать из подошв стеклянные колючки, испытывая нестерпимую резь. Воды в кране не было. Он разордал простыню и обмотал ноги, соорудив матерчатые кули, сквозь которые просачивалась кровь. Лег на кровать, положив ноги на спинку, чтобы отхлынула кровь.

Он вдруг подумал о сыновьях, которые в Москве в этот час погружены в свои хлопоты, служебные, семейные, живут своей отдельной от него жизнью, не ведая, что их престарелый отец лежит с окровавленными ногами в осажденном городе, не смея себя обнаружить, позвонить им, услышать их любимые голоса, их утешительные слова. Вспомнил, как когда-то в далеком небывалом времени, он плыл с сыновьями в лодке, они хохотали, черпали воду маленькими руками, брызгали на солнце. Над озером стояло белое облако, а на берегу, на мостках, стояла жена в розовом платье, приложив руку к бровям, смотрела, как они плывут.

От этого воспоминания у Торобова вдруг расширилась грудь, сладко опустилось сердце, а глаза наполнились слезами.

Переставляя обмотанные ноги, он вышел на балкон. На берегу у воды толпились люди. Словно, спасаясь, они собирались кинуться в море и уплыть подальше от адских взрывов. Торобов увидел, как в волнах, вдоль берега движется катер, серый, отточенный, с рубкой и бортовым орудием. Проходя мимо отеля, катер открыл пулеметный огонь, толпа побежала обратно в город, где перекатывался гул боя, грохали пушки, летели трассеры.

Торобов вернулся в номер и плюхнулся на кровать. Город, раненый, обожженный, оборонялся. Оборонялись бойцы ХАМАС с гранатометами и «Касамами». Оборонялись добровольцы с изношенными «калашниковыми». Оборонялись дети, кидая в вертолеты камни. Оборонялась посаженная им оливка. Раскрывала крохотную крону, испускала в пикирующий вертолет смертоносный луч.

Так он пролежал до вечера, слыша, как разгорается, стихает и вновь разгорается стрельба. Наконец к ночи все стихло. Город стоял черный, без огней. Лишь изредка над крышами взлетали красные пунктиры трассеров. Море шумело, но пахло не водорослями, а гарью.

Ночью пришел Хабаб. В номере едва светила лампочка. Голова Хабаба была забинтована. Пятнистая куртка в масляной жиже. Длинные волосы с одной стороны обгорели. Черные глаза обведены красными веками.

— Ну что? Ушли? — кинулся навстречу Торобов.

— Ушли, — ответил Хабаб, хватаясь за дверной косяк.

— Какие итоги? — спросил Торобов. Хабаб молчал. — Какие итоги боя?

— Убили сына, — сказал Хабаб. Его плечи ссутулились, задрожали. Торобов обнял его. Они стояли, обнявшись, у обоих содрогались в рыданиях плечи.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Он прилетел в Ирак и поселился в Багдаде, в отеле «Ар-Рашид», где жил в свои прежние посещения. Тогда у входа в отель, на полу, из цветного камня был выложен портрет Джорджа Буша-старшего, и каждый, входя в отель, попирает ногами ненавистного американца. Теперь изображение исчезло, пол был полированный, гладкий, но Торобову, перед тем как пройти сквозь стеклянную карусель дверей, показалось, что его подошва топчет лицо Президента США.

На ресепшн он оставил паспорт, заполнил бланк, где представился русским инженером, про-

ектирующим нефтеперегонные заводы. Поднялся в номер и смотрел с высоты на пышную зелень парков, из которых поднимались дворцы, — отели, административные здания, дворец Саддама Хусейна. Там когда-то Торобов вел переговоры о поставках в Ирак самоходок и танков. Он слышал, что при вторжении в Ирак крылатая ракета попала в резиденцию Хусейна. Но теперь, глядя на дворец, он не замечал разрушений, а только представлял ночное небо над Багдадом, в котором, как тысячи млечных лун, мчались ракеты, полыхая тусклыми вспышками.

Он разделся, осторожно разбинтовал изрезанные стеклами ноги. Пустил в ванной воду и лег, прижавшись затылком к холодной эмали ванной. Слушал, как ровно рокошет падающая из крана вода.

Чувствовал, как страшно устал. Устали его негибкие мышцы, изношенные сосуды, каждая клеточка и кровяная частица, которые тосковали, беззвучно стенали при мысли, что придется вставать и идти. Устала душа от нескончаемого круженья по изуродованным странам, среди измученных народов, в неистовой погоне, где цель каждый раз ускользала, таила, превращалась в мираж, заманивала в очередную изуродованную страну, к другому изможденному народу.

Окончив службу в разведке, спрятав в шкаф военный мундир, оставив пылиться погоны, звезды, ордена, он мечтал остаток жизни, краткую череду отпущенных ему лет посвятить молчаливому созерцанию, забытым воспоминаниям. Отыскивать среди них начинания, которым не дано было продлиться, которые были оборваны страстной гонкой, рискованными заданиями, хитроумными операциями.

Одно задание сменялось другим, одна операция порождала следующую. Поля сражений, аналитические центры, тайные встречи, посольские рауты, бессчетные лица. Одни из них не сходили с телеэкранов, другие безвестно пропадали, выглядывая из гробов бледными лбами, под треск прощальных салютов. Жизнь пролетала, как огненный сгусток снаряда, способного прожечь броню. Но вместо брони обнаружилась пустота, не требующая взрыва, гасящая ненужный полет.

Оказавшись в заснеженном подмосковном коттедже, он мечтал уединиться и приготовиться к завершающим дням своей жизни. Сойка с лазурным крылом была послана ему, как птица русского рая, вестница чудного бытия. Звала за собой, и он был готов полететь. Но его окликнули, оборвали полет, вернули в жгучее месиво изуродованных стран и изможденных народов.

Прилетев в Багдад, он почувствовал незримое присутствие Фарука Низара. Его дух витал в пыш-

ных зеленых парках, где они прогуливались, обсуждая проблемы, спасаясь от посторонних глаз и ушей. У Министерства обороны, где произошло их знакомство, теперь стояли посты новой иракской армии, в кабинетах сидели американские советники. У резиденции президента, где они клали на стол Саддаму Хусейну подписанные протоколы переговоров, застыл танк. На площади, где прежде стоял величественный памятник Саддаму и вокруг трепетал и блестел сверкающий завиток автомобилей, теперь была клумба цветов. У мечети Аль-Аскари в сгустках золота и лазури, куда привел его Фарук и где они оба с благоговением слушали проповедь муфтия, теперь расхаживал патруль. И только на берегу Тигра все было, как прежде. Стояли уютные рыбные ресторанчики, где они с Фаруком, прихватив флакон виски, дружески болтали, пьянели, глядя на рыбачьи лодки.

Фарук Низар был где-то здесь, в огромном кипучем городе. Следовало его отыскать, вызвать его дух, чтобы он воплотился в молодцеватого молодого майора с лихими усиками и влажными ласковыми глазами.

Багдад был таинственной колбой, в которой, усилиями разведок, с помощью магических технологий, был синтезирован наркотик, одурманивший мир. Сверхплотный эликсир, который пролился в исламский мир и вызвал реакцию огня и света, вскипевшую от Пакистана до Кавказа. Гениальные маги из разведки Саддама Хусейна, американские колдуны и исламские богословы создали вероучение, опьянившее человечество. Построили организацию под названием «исламское государство», в котором поселилась долгожданная мечта о справедливости и совершенстве. Оранжевые балахоны казнимых, руины античных алтарей, горящие города и селенья стали образами мировой революции, отрицающей «ветхий мир». Лазурь божественной правды, отрезанные головы пленных, «пояса шахидов» и проповеди о райском блаженстве были пьянящим дымом, который глотали люди и шли воевать в ИГИЛ. Русские самолеты пролетали сквозь дым, не в силах его развеять. Кальян с дурманом был создан в Багдаде, и Фарук Низар был одним из его создателей.

Торобов, двигаясь по Багдаду, дышал его синей дымкой, и Багдад переливался цветным стеклом, казался драгоценным кальяном, от которого плыла голова.

Не было плана, по которому Торобов мог отыскать Фарука Низара. Суннитский террорист и разведчик, Фарук Низар наведывался в Багдад нелегально. За ним охотилась разведка шиитов, агенты ЦРУ и Ми-6. Теперь же, в лице Торобова, его выслеживала военная разведка России.

Двигаясь по Багдаду, отыскивая «след змеи на камне», Торобов, без всякой надежды на успех, решил посетить дом, где когда-то жил майор Фарук и принимал у себя «дорогого друга Леонида».

Дом был пятиэтажный, типовой, похожий на московские «пятиэтажки», с незначительной восточной декорацией фасада. Двор был оборудован под детскую площадку, с облупленными лесенками, качелями, лавочками. Детей не было, на нежарком солнце дремал инвалид в коляске, в безлистом дереве ворковали горлинки. Торобов осматривал окна, стараясь вспомнить, в каком подъезде жил Фарук.

Мимо шла женщина, несла сумку, которая оттягивала ей руку, и она, перед тем как войти в подъезд, остановилась, чтобы передохнуть.

— Прошу меня извинить. — обратился к ней Торобов. — Когда-то в этом доме жил мой друг, Фарук Низар. Вы не знаете, в какой квартире?

— Нет, — ответила женщина. — Старых жильцов не осталось. Я с детьми приехала из Киркука. Спасибо, что дали квартиру. — Она подхватила сумку и ушла в подъезд.

Торобов дождался, когда появился еще один жилец, немолодой, с семенящей походкой, с торчащими из коротких рукавов стариковскими руками.

— Извините, — остановил его Торобов. — Здесь, в какой-то квартире, жил мой знакомый, майор Фарук Низар. Вам знакомо это имя?

Старик посмотрел на него мутными испуганными глазами:

— Всех военных отсюда выселили. Откуда здесь могут быть военные! — и скрылся в подъезде.

В самом деле, военных здесь не могло быть. После падения Саддама Хусейна близкие ему военные были арестованы, репрессированы. Или бежали и сражались теперь в рядах ИГИЛ.

Торобов покружил по двору и остановился рядом с коляской, в которой дремал инвалид. Не решался его тревожить, рассматривал небритое, искривленное хворью лицо, неопрятное пальто с неправильно застегнутыми пуговицами, вязаную шапку с дурацким помпоном, немощные, лежащие на коленях ладони. Но, видимо, Торобов загородил солнце, тень упала на лицо инвалида, и тот открыл глаза.

— Простите, я вам помешал, — произнес виновато Торобов.

— Сижу целый день один. Замерзаю. Дочь ушла, не знаю, когда вернется. Ни еды, ничего. А что она может купить? Моет полы и стирает, — запричитал инвалид жалобно, ноющим голосом беззащитного калеки..

— Я вам сочувствую, — сказал Торобов.

— А вы откуда?

— Из России. Приезжал в Багдад, когда здесь было благополучно, жили друзья. Теперь никого. Некому слово сказать.

— А кого вы ищете?

— Здесь жил мой друг Фарук Низар. Теперь его нет. Вы вряд ли о нем что-нибудь знаете.

— Вы сказали Фарук Низар? Фарук Низар, говорите? Нет, нет, конечно, не знаю!

Ответ был поспешным и нервным. Глаза инвалида забежали, словно он боялся, что его услышат. Торобову стало ясно, что имя Фарука Низара известно калеке.

И этот немощный «колясочник» может навести его на след.

— Так неудобно в пустом городе, — произнес Торобов с виноватой улыбкой. — У меня есть предложение. Мы не обедали оба. Приглашаю, отправимся в какой-нибудь ресторанчик на берег Тигра. И поедим масгуф. Я так скучал по этому рыбному блюду. Мне будет приятно ваше общество. Вы расскажете мне о жизни в Багдаде.

— Да как же я с этой коляской? — заволновался калека. Было видно, что ему хочется принять приглашение.

— Ничего страшного. Вызовем такси, я помогу вам сесть, а коляска будет вас здесь дожидаться.

Торобов вызвал такси. С трудом пересадил инвалида на переднее сиденье. Сам сел сзади. Через полчаса они сидели на открытом воздухе в закуской на берегу Тигра. Кругом струились дымы жаровен. По синей воде плыла красная рыба лодка.

Хозяин харчевни, любезный толстячок, подвел Торобова к эмалированной ванне, где в мутной воде шевелили хвостами живые рыбы. Их только что выловили в Тигре, и для них уже краснели угли жаровни.

— Какую желаете? — Хозяин окунул в ванну сачок, поддел тяжелую рыбину. Она закачалась в сетке, сверкая чешуей.

Торобов одобрил выбор.

Хозяин плюхнул сачок на стол, вывалил рыбину. Повар поймал скачущую рыбу, оглушил колотушкой. Ножом стал скоблить, шуршать, брызгать чешуей, сметая серебро, открывая шершавые зеленоватые бока. Вогнал нож в рыбу спину, рядом с плавником. С хрустом разрезал рыбину, растворил ее, как книгу. Вырвал пузырь, красный шмоток сердца, кишок и печени. Понес к раскаленной жаровне. Как растворенную книгу, поставил на жаровню. Стальной кочергой сгреб угли поближе к рыбе, и они задышали, переливались золотом, окутывались прозрачным жаром. Рыба млела, запекалась, становилась знаменитым багдадским блюдом — масгуф.

— Меня зовут Леонид Торобов. Я русский инженер, проектирую заводы. Приехал по контракту восстанавливать разрушенные войной предприятия.

— Меня зовут Набик Убайд. Как видите, я сам развалина и не подлежу восстановлению, — печально усмехнулся инвалид.

— Желаю вам выздороветь, доктор Набик.

— Спасибо, доктор Леонид.

На реке качались две рыбацьи лодки, рыбаки тянули сети, и было видно, как вспыхивает солнечная ячея.

То же тихое солнце вспыхивало в голове Торобова, и он, мечтательно глядя на реку, произнес:

— Не верится, доктор Набик, что я снова здесь, на берегу Тигра. Та же вода, те же лодки, тот же синий дым жаровен. Но пронеслась страшная война, пропало столько людей, столько надежд. Я не сказал вам, что моя сестра Вера вышла замуж за брата Фарука. Азиз учился в Москве, в Военной академии. Они познакомились, поженились. Я гостил у них в Багдаде, был гостем в доме Фарука Низара. Теперь я не знаю, где сестра, жива ли она? Жив ли Азиз? Жив ли Фарук Низар? Я хотел повидать Фарука и что-нибудь узнать о сестре. Но в доме новые жильцы, и я решился пригласить вас. Простите, что я занимаю ваше время.

Было видно, что сладостные воспоминания коснулись сидящего перед ним инвалида. Его измученное лицо посветлело, настороженные глаза осмелели, сутулые плечи расправились. Он с наслаждением смотрел на реку, на серебряный след ветра, на маленькую самоходную баржу, пересекавшую этот след.

— Извините, доктор Леонид, я сказал вам неправду. Я знаю Фарука Низара. Мы жили по соседству и вместе служили, только в разных подразделениях. Я несколько раз видел его брата Азиза и его русскую жену. Значит, это ваша сестра?

— Жива ли Вера? После всех бомбежек и арестов? Я слышал, что Азиз, как и многие офицеры Саддама, попал в тюрьму. Были расстрелы. Уцелел ли он?

Инвалид помрачнел, вжал голову, словно ждал удара, стиснул губы, будто боялся проговориться. Торобов наполнил стаканчики. Они чокнулись беззвучной пластмассой и выпили, закусил ломтиками сырых помидоров. Торобов ждал, когда хмель снова лизнет их обоих своим жарким языком.

— Мы все были очень самонадеянны. И офицеры гвардии, и генералы Генштаба, и Саддам Хусейн. Мы верили договоренностям с американцами, верили в силу армии, в верность генералов. Мы не ожидали предательства. Ирак погиб из-за предателей. Служба безопасности была куплена американцами

на корню. Генералы разведки открыли ворота врагам, сдали без боя Мосул и Киркук. Нейтрализовали отборные армейские части. После падения Багдада начались аресты, начались облавы. Тысячи офицеров были арестованы, тысячи расстреляны, сотни увезены за океан на базу Гуантанамо. Был арестован Фарук Низар. Был арестован его брат Азиз. Был арестован я.

Инвалид содрогнулся, по его чахламу телу пробежала судорога, словно сквозь него пропустили ток.

— Я вам сострадаю, доктор Набик, — произнес Торобов, и глазам стало жарко от слез. — Вы столько испытали! Нет ничего ужасней предательства!

Блеснувшие в глазах Торобова слезы, дрогнувший от сострадания голос распечатали уста инвалида. Он исполнился горячего нетерпения, торопливой говорливости. Будто боялся, что собеседник поднимется и уйдет, и некому будет излить тоскующую одинокую душу, привыкшую бояться и прятаться.

— Американцы схватили меня дома ночью, за волосы выволокли из постели, и через день начались мои адские муки в Абу-Грейб. Нас выводили голых в коридор, и женщины из тюремной охраны били нас прутьями по детородным органам. На нас напоявливали оранжевые балахоны, ставили на стул и заставляли стоять часами, раскинув руки, а тех, кто не выдерживал, били. Нас кидали на земляной пол и мочились нам на лицо. Там был один охранник-негр, он забирал из камеры заключенного и насиловал его в коридоре, и на всю тюрьму раздавались истошные крики. Меня пытали током несколько часов подряд, и в конце концов у меня отнялись ноги. Нас заставляли затаскивать в грузовики трупы замученных, и на эти тела было невозможно смотреть. У них были отрублены пальцы, выколоты глаза, переломаны кости. Среди этих зверски замученных я узнал Азиза. У него был распорот живот. Эти же муки вместе со мной прошел Фарук Низар. Не многие из офицеров вышли из Абу-Грейб.

Набик замолчал, его губы вздрагивали, словно он беззвучно рыдал.

Им принесли рыбу на фарфоровом блюде. Рыбина, рассеченная вдоль спины, стояла на блюде, словно раскрытый складень, отекала жиром. В розовом мясе светились перламутровые кости. Торобов ножом разделил складень и разложил по тарелкам благоухающие, окутанные паром половинки рыбы.

— Угощайтесь, доктор Набик. Пусть все дурное останется в прошлом.

Было видно, как благодарен Набик, с каким наслаждением он ест сочную рыбу, вынимает изо рта перламутровые кости, кладет на блюдо.

Они улыбались друг другу. Смотрели на реку, по которой плыла стая уток, и к ней присоединялись другие, падая из неба и поднимая буруны.

— Но не подумайте, доктор Леонид, что эти злодеяния останутся неотомщенными. Те, кто уцелел и вышел живым из тюрем, вступили в борьбу. Мы изобрели оружие, которое сильнее авианосцев, космических группировок и ядерных бомб! Под носом у торжествующего врага, погубившего наше государство, мы создали другое, не знающее границ, несокрушимое, чье население составят миллиарды. В конце концов оно распространится на весь мир! — Набик восторженно сверкнул глазами, приподнялся со стула, словно яростная мысль вернула ему здоровье. Продержался на ногах мгновение и снова грузно упал на стул.

— Вы говорите, доктор Набик, об «Исламском государстве»? Оно возникло на пустом месте, и сначала его никто не заметил. А теперь против него объединяются десятки стран. Его бомбят, называют «мировым злом», боятся и ненавидят. Откуда оно?

— Вы правы, доктор Леонид. Оно возникло на пустом месте. Его создал Господь. Он долго терпел неправду и несправедливость мира, и его терпению пришел конец. Это государство родилось из воли Божьей, из учения богословов, из виртуозных усилий офицеров иракской разведки.

Набик поднял к небу ладони, словно призывал свидетели Господа. Его лицо восторженно светилось, как светятся лица молящихся. Он больше не был беспомощным инвалидом, над которым надругались враги. Он был мстителем, божьим угодником, свидетельствовал, как пророк. Открывал Торобову кровавые истины.

— Доктор Леонид, справедливость, о которой говорит Коран, является основой всего сотворенного мира. Там, где мир отклоняется от справедливости, начинаются страдания. Строятся тюрьмы, возводятся эшафоты, рождаются «царства лжи». Там высыхают моря, чахнут сады, меркнут звезды. Человек чувствует отпадение от справедливости как невыносимое страдание. Мы учим человека уподобиться Богу и вернуть миру справедливость. Призываем совершить божественное усилие и достичь справедливости, иногда ценой собственной жизни. Мы вернули человеку мечту о «царстве справедливости» и строим это царство, строим «Исламское государство». Райская мечта одухотворяет земное царство, военные и политические технологии создают сетевые структуры. Миллионы мечтателей берут автоматы и идут воевать за ИГИЛ. Огненная лава, состоящая из бесчисленных героев и мечтателей, заливают мир. Фарук Низар — один из создателей «Исламского государства». Я горжусь, что он удо-

стоил меня своей дружбой. — Глаза Набика восторженно сияли, словно смотрели в лазурь, в ее бесконечную синь, откуда несло к нему божественное послание. Он был носителем небесной мечты, обладателем несказанного счастья. Был готов за него умереть.

Торобов чувствовал, как трепещет вокруг Набика воздух, словно прозрачное электричество.

— Как бы мне хотелось увидеть Фарука! Пожать ему руку!

Набик умолк и задумался. Тигр лениво струился в зеленых берегах. На него падал ветер, стелил на воду серебряные платки.

— Я вам верю, доктор Леонид. Вы понимаете, что Фарук посещает Багдад с риском для жизни? Я попробую устроить вам свидание с Фаруком. Завтра в двенадцать часов вы будете стоять у дороги на Тикрит, на пятьдесят втором километре. Быть может, там вы пожмете руку Фаруку Низару.

Торобов вызвал такси. Помог Набику устроиться на переднем сиденье. Они вернулись к дому, где жил Набик. Инвалидная коляска стояла на прежнем месте. Набик с помощью Торобова переместился в коляску.

— А дочь все не идет и не идет! Заработалась, бедная женщина!

Покидая двор, Торобов оглянулся. Инвалид понулся в кресле и, казалось, дремал.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Военный атташе в российском посольстве был рыжий, с бело-розовым безволосым лицом, с зеленым блеском круглых птичьих глаз. Он открыл сейф и протянул Торобову пистолет ФН американских спецподразделений и обойму из девяти патронов.

— Пристрелян, не волнуйтесь, — произнес атташе, наливая чай в стеклянные стаканчики. Они пили чай с серым кристаллическим сахаром. Атташе проводил Торобова до ворот посольства: — Желаю удачи. По завершении операции верните оружие.

Торобов вызвал такси и приказал шоферу ехать на север, по дороге в Тикрит. Водитель был пожилой араб в шапочке из бараньего меха, перед лобовым стеклом качался брелок из стеклянных бусин с маленькой арабеской. Он вел свою дребезжащую машину под звуки нервной рыдающей музыки, и его тощие плечи танцевали.

Багдад долго не отпускал их, окружая пригородными виллами, магазинами, мастерскими, пестрыми вывесками и забавными рекламами. Не было видно внешних следов войны. Она пряталась в глубине, под пестрой мишурой реклам и вывесок, как

прячется тяжелая водяная глубь под разноцветной ярской и цветущей травой.

— А что, — спросил Торобов водителя, — лучше стали жить люди, когда убили Саддама Хусейна?

Водитель некоторое время молчал, подергивал плечами в такт воплям и визгам музыки.

— Люди говорят, Саддам Хусейн жив. Убили не его, а похожего охранника. Люди говорят, Саддам Хусейн уехал в Сирию и там воюет с американцами. Люди говорят, в Сирии есть подземный город, и оттуда Саддам подает команды войскам. Люди говорят, когда он вернется в Багдад, его статую поставят на место и жизнь наладится. — Водитель вдруг умолк и испуганно оглянулся, словно ожидая от Торобова удара...

Город внезапно оборвался, и машина катила по голубому шоссе, то и дело останавливаясь у блокпостов с автоматчиками. Среди солнечных холмов созревала, наливалась весна.

Они достигли пятидесят второго километра, и Торобов вышел.

— Через час приезжай сюда же. Вернемся в Багдад, — сказал он шоферу, направляясь к придорожному знаку с цифрой 52. Машина укатила, унося визгливую музыку, и Торобов остался один.

Недалеко от обочины стояло одинокое дерево. Высокий гладкий ствол был увенчан зеленой шаровидной кроной. Глянцевитый шар казался тяжелым, с молчаливой притаившейся жизнью. Торобов приблизился к дереву, собираясь войти в его прохладную тень. И вдруг из кроны с шумом, свистом, как внезапный взрыв, вырвались птицы, сотня или больше. Стекланные крылья, крохотные клювы, глаза. Стая прыгнула, рассыпаясь в небе. Удалялась, взлетая и снижаясь, превращаясь в туманное облачко. Крона дерева обмелела, стала прозрачней и легче.

Торобов сел на землю, прижавшись спиной к стволу. Думал о птицах, которые летят на север, в русские леса, где скоро растает снег и в пустых чашах зазвучат одиноко и сладко птичьи свисты.

Шоссе было пустынным. Лишь изредка, в обе стороны, проносились машины. Издалека налетающий звук, размытое мерцание стекол, медленно угасающий рокот. Сначала каждая приближающаяся машина заставляла его приподниматься. Он ждал, что машина остановится у верстового столба с цифрой 52. Из нее выйдет Фарук Низар, увидит его под деревом, пойдет навстречу. И Торобов поднимется, улыбаясь, двинется навстречу, вытянув руку, стреляя на ходу, видя, как падает сраженный выстрелами Фарук Низар.

Машины проносились, но ни одна не останавливалась. Постепенно Торобов успокоился. Продол-

жал сидеть, чувствуя под мышкой прохладный слиток пистолета.

Проехал, шлепая шинами, грузовик, в кузове горбилась белая, перетянутая веревками поклажа, должно быть, хлопок. Прокатил утлый грузовичок, поверх деревянных бортов выглядывали овечьи головы, и Торобов вспомнил овец под Триполи, которые дали ему место среди своих курчавых теплых боков. Внезапно, с железным воем, прошли два бэтэра, длинные, стремительные, как ящерицы, в открытых люках за пулеметами стояли стрелки.

Время перевалило за двенадцать, но Фарука Низара не было.

Внимание Торобова притупилось. Острота ожидания спала. Он заметил, что по земле, мимо его ног, тянется муравьиная тропа. Множество муравьев, блестя черными тельцами, бежали в обе стороны, сталкиваясь, расходясь. Тащили соринки, крохи, комочки. В каждом муравье мерцала крохотная капля солнца. Тропа достигала дерева, избегала по стволу, стремилась куда-то вверх, к листве. И странная мысль, — по этим древним дорогам тысячи лет двигались племена и народы, катили нашествия, скрипели кареты и колесницы, поднимали пыль верблюды и кони. По этим дорогам проходили пророки, цари, прорицатели и отважные воины. Возносились и падали царства, сменялись правители, одна религия приходила на смену другой. И все эти толпы богомольцев, паломников и купцов никуда не исчезли. Просто уменьшились, превратились в муравьев. Каждый тащит поклажу, куда-то стремится, возносится к туманному небу и исчезает. Его сменяет другой.

Эта мысль казалась увлекательной, странной, возможной. Здесь, на перекрестье восточных путей, были возможны любые превращения, любые чудеса. И он, Торобов, мог уменьшиться, спрятаться в вернице крохотных молчаливых существ, бежать вместе с ними, неся в себе малую каплю солнца, незримый для тех, кто послал его в эти стреляющие разоренные страны. Недостижимый для тех, кто выслеживает его среди измученных городов. Неуловимый для тех, кого он хочет убить из американского пистолета ФН.

Он увидел, как по обочине катит велосипедист, вихляет, то выезжает на бетон, то снова возвращается на земляную обочину. Велосипедист приближался. Поравнялся с деревом, под которым сидел Торобов. Подкатил. На голове у него была неопрятно замотанная чалма. На коричневом лице темнела клочковатая борода. Нос висел как фиолетовый баклажан.

Одна штанина была зажата прищепкой. Башмаки были запыленные, без шнурков. Не слезая с велосипеда, он произнес:

— Завтра утром в десять часов будь в бане возле рынка. Там тебя ждет, кого ищешь, — толкнулся, закрутил педалями и удалился по обочине, вихляя, уменьшаясь вдаль.

Торобов был разочарован, но тут же подумал, что Фарук Низар решил проверить его. Не ждет ли засада на пустом шоссе, не стерегут ли скрытые снайперы. Его встреча с Фаруком откладывалась на день. Переносилась в баню, на утренний час.

Подъехало такси, и под ту же большую визгливую музыку Торобов вернулся в Багдад.

Не заезжая в отель, он отправился в район рынка и в узкой соседней улочке отыскал баню. Над входом красовалась жестяная вывеска с размашистой надписью «Хамам». Жизнерадостный усатый банщик в малиновой шапочке держал мочалку с голубой мыльной пеной, и вокруг него клубились розовые пенные хлопья. Торобов справился у прохожих, нет ли по соседству еще одной бани. Другой бани не было.

Он побродил среди тесных лавочек и купил в одной из них кожаную сумочку с молнией и петлей, сквозь которую можно было продеть руку. В эту сумочку он спрячет пистолет и не будет с ним расставаться даже в банной парилке.

Вернулся в отель и смотрел с высоты, как красное солнце опускается в туманные теснины Багдада.

Ночью он спал тревожно, и ему приснилась мама, которая сердито его отчитывала. Он проснулся огорченный, не зная, чем он ее рассердил.

Утром в десять он был у бани. Румяный банщик молодцевато смотрел с жестяной вывески. Мимо шел народ, торопясь на рынок. Слышался отдаленный ровный рокот рынка, напоминавший шум моря. С многолюдной улицы Торобов вошел в баню.

Предбанник являл собой просторное помещение со стрельчатыми окнами и цветными стеклами. Солнце горело в них алым, зеленым и голубым. Полы были застланы коврами. Вдоль стен высились шкафчики для одежды, тянулись лавки, стояли резные столики. Пахло сырой сладостью, какой пахнет теплый морс.

Торобов с порога оглядел предбанник, стоящего спиной служителя. Вход в соседнее помещение, занавешенный бархатным пологом. Самовар, окутанный легким дымом. Белую стопку простыней. Ожидал, что служитель обернется, и он увидит Фарука Низара, не в военной форме, а в белой навывпуск рубашке, в шелковой безрукавке, в малиновой шапочке. И нужно молниеносно раскрыть кожаную сумочку, выхватить ПФ и разрядить в лицо под малиновой шапочкой. Успеть выскочить на улицу.

Служитель обернулся. Мясистое лицо, клин бородки, мутноватые рыбы глаза. Издалека поклонился Торобову.

Торобов сел на лавку, снял обувь, разделся. Поместил одежду в шкафчик, заперев его и прикрепив к запястью ключ на пластмассовом ремешке.

Служитель принес простыню, налил в стаканчик чай, обжигающий, сладкий. Торобов сидел, набросив простыню, пил чай, раскрыв молнию сумочки, в которой лежало оружие. Ждал Фарука. Но тот не появлялся.

Торобов сунул ступни в сандалии, прихватил сумочку и, отведя в сторону полог, прошел в соседнее помещение.

Здесь было тепло, как в тропиках, пахло благоуханиями, то ли лепестками роз, то ли соком манго. Вдоль стен стояли каменные скамейки. Присев на одну, Торобов ощутил тепло нагретого камня. Тело покрылось глянцевитой испариной, словно его смазали розовым маслом. На стенах были мозаики, сложенные из кусочков разноцветного кафеля. Ему на глаза попался темно-зеленый треугольник, на секунду взволновавший своим таинственным свечением.

Торобов сидел на теплой каменной лавке, держа сумочку открытой. Ожидал, что появится улыбающийся, в накинутой простыне, Фарук Низар. И тогда, не вставая с лавки, нужно выпустить несколько пуль в его обнаженную грудь, а когда тот упадет на мозаичный пол, выстрелить ему в голову.

Торобов сидел, напряженный, слыша приглушенное бульканье воды. Никто не появлялся. Он встал и прошел под аркой в соседнее помещение. Здесь стоял горячий туман. Из проемов в стене валил пар, оседал на потолке каплями. Несколько капель упало ему на плечи, и они были теплые, почти горячие. Квадратный бассейн был облицован изразцами. В него падала шумная струя воды. Людей не было. Торобов присел на деревянную лавку, среди туманного жара, чувствуя, как по лицу, груди, животу струится пот. Сумочка с пистолетом лежала рядом, чуть приоткрытая. Рука нащупала спусковой крючок, и если появится Фарук, то стрелять в него можно, не извлекая пистолета.

Торобов надышался паром, в котором присутствовал запах эвкалипта. Осторожно опустился в бассейн, чувствуя его блаженную прохладу, подставляя ладонь под тяжелую струю воды.

Он не плавал, стоял по грудь в воде, не выпуская сумочку. Вылез из бассейна и сидел, глядя, как из дыр в стене валит эвкалиптовый пар.

Под аркой появился банщик, мускулистый и кривоногий, в косынке, в набедренной повязке. Что-то гулко, неразборчиво крикнул Торобову, сделал манящий знак.

Торобов, повинувшись банщику, вернулся в помещение с каменными лавками, и банщик указал ему на лавку. Торобов лег.

Перед его глазами пестрела мозаика и тот темно-зеленый треугольник, который взволновал его своей мерцающей зеленью. Сумка с пистолетом лежала рядом.

Банщик провел рукой вдоль хребта Торобова, вылил на спину какую-то прохладную маслянистую жидкость и стал массировать твердо, гладко, втирая жидкость. Спине становилось горячо. Банщик сильно сдавливал мышцы, перебирал позвонки, как клавиши, мямл, нежно гладил, оттягивал кожу, бил ребром ладони, больно щипал. Надел жесткие шершавые рукавицы и оглаживал ребра, лопатки, икры, так что кожа начинала гореть. По телу пробегали легкие электрические разряды, и оно начинало светиться.

Торобов пьянел, забывался, терял телесность. Зеленый кафельный треугольник переливался. И возникло сладкое знание. Там, за зеленым ломтиком кафеля, существует вход в иное пространство. И если выломать ломтик, сжаться, уменьшиться, влиться в таинственный ход, то можно исчезнуть из этого мира, скрыться от жестоких зрелищ, от беспощадного вмененного ему поручения, от пистолета, от Фараука Низара, от взорванных в небесах самолетов. Можно превратиться в луч света, в исчезающий звук, в горстку частиц, которые разлетятся по всей Вселенной и станут частью необъятных галактик.

Очнулся, когда банщик вылил ему на спину ведро прохладной воды. Лежал, слушая звук стекавшей воды. Зеленый ломтик кафеля плотно запечатывал вход в иное пространство.

В предбаннике он сидел, укутанный в простыню. Пил маленькими глотками сладчайший чай. Чувствовал, как сочится влагой его распаренное тело. Сквозь цветные стекла било алое, зеленое, голубое солнце.

Появился второй служитель, худой, со смоляной бородой, огненными глазами под насупленными иссиня-черными бровями. Приблизился к Торобову:

— Сегодня в четыре часа на рынке в мясном ряду. Приходи, — и исчез, полыхнув жгучим взглядом.

Торобов бродил в окрестностях рынка, дожидаясь назначенного часа. Конспирация, к которой прибегали люди Фараука Низара, обнадеживала, сулила долгожданную встречу.

Он избавился от кожаной сумочки, сунул пистолет в нагрудный карман. Мимо по проезжей части, мешая автомобилям, величаво шествовал верблюд, увешанный бубенцами и цветными ленточками. Его вел под уздцы араб в долгополой рубашке, синем платке, который крепился на голове черным шнуром. Верблюд надменно смотрел на толпу, на гудящие автомобили, шевеля пухлыми губами.

Настало время, когда надлежало явиться на рынок. Торобов ступил под его своды, как ступают под грохочущий водопад. Толпа, смуглая, пестрая, гомонящая, двигалась под высокой стеклянной кровлей. Сквозь стекла, как в теплице, светило солнце, освещало горы помидоров, огурцов, капустные кочаны, ворохи зелени. Прилавки, лавочки, витрины, лотки полнились финиками, бананами, апельсинами, лимонами.

Торговцы развешивали изюм, сухофрукты, залитые виноградным соком орехи. Люди приценивались, торговались, надкусывали бананы, глотали на пробу ломтики персиков, слизывали с ложечек мед. Кругом все звенело, хрустело, чмокало, смеялось, переругивалось. Играла музыка. Сочилась фруктовая сладость. Пьяно пахло перезрелыми абрикосами. Горько благоухали жареные кофейные зерна.

Торобов двигался в толпе, встречаясь глазами с множеством лиц, мужских и женских, на одно мгновение, чтобы больше их никогда не увидеть. Искал среди них одно-единственное.

В птичьих рядах были развешаны общипанные, голубоватые куры, уронив головы с красными гребнями, сложив крестом чешуйчатые желтые ноги. Другие, неошипанные, лежали на прилавках ворохами, черные, рыжие, пестрые. Продавцы перекладывали их, поднимали за ноги, и у птиц топорщились на шеях перья, отлипали от боков безжизненные крылья. В металлических клетках мерцали глазками живые куры. Когда в клетку просовывалась рука продавца, хватала птицу за ноги и тащила наружу, курица начинала истошно кудахтать, била крыльями, роняя перья и пух.

Торобов шел в птичьих рядах, мимо живых индюков с мясистыми красными подвесками, мимо цесарок с грациозными шеями. Его зазывали, махали перед ним пернатыми птичьими тушками. Он кивал, улыбался, чувствуя на груди пистолет.

В мясных рядах пахло парной плотью. На крюках висели рассеченные надвое говяжьи туши, похожие на корыта, с синими и красными жилами. Бараны, безголовые и безногие, растворили животы, в которых белели ребра. На длинных прилавках, пропитанных кровью, стояли в ряд бараньи и коровьи головы, высунув языки, с фиолетовыми стеклянными глазами. Тут же лежали ноги с копытцами, стояли чаны с коричневой печенью, скользкими, как грибы, сердцами. Продавцы перебирали сердца, как перебирают лесные грузди.

Торобов прохаживался вдоль подвешенных туш, чувствуя исходящий от них приторный запах бойни. Мясики в клеенчатых фартуках орудовали большими ножами, стучали по костям топорами. Поглядывали

вали на Торобова, ожидая, когда он укажет на шматок мяса или выберет овечью ногу.

Торобов вдруг почувствовал неясную тревогу, которая мгновенно переросла в панику, страх. Тень пробежала и затмила свет. Оглянулся. В проход из-за прилавка выскочил человек ловким звериным броском, вытягивая руку, в которой блеснул вороненый ствол. Торобов, повторяя его бросок, метнулся в сторону, видя, как в кулаке человека расцвел рыжий цветок выстрела с лепестками и пустой сердцевинкой. Пуля пролетела у виска и чмокнула в говяжью тушу. Торобов отшатнулся. Вторая пуля чмокнула рядом, брызнув в лицо липкими комочками мяса. Продавцы завопили, все разом, прячась под прилавки, заслоняясь тушами.

Торобов в паденье увидел, как стрелок убегает, вытянув руку, не решаясь на выстрел. И в убегавшем стрелке узнал Набика, не того, в инвалидной коляске, с измученным хилым телом. А гибкого, похожего на танцора, совершающего виртуозный пируэт.

Продавцы продолжали вопить. Сбегался народ. Торобов протиснулся сквозь мокрые говяжьи туши и смешался с толпой. Вытирал с лица комочки мяса.

В номере он долго мылся горячей водой, погрузился в пену, смотрел на свои худые, вылезавшие из пены руки.

Он был обманут. Его водили, как водят рыбу, заглотившую блесну. Водили не только в Багдаде, но и в Брюсселе, и в Триполи, и в Бейруте, и в Каире, и в Газе, подводя под взрывы и выстрелы. Его должны были убить, если бы его не хранила чья-то чудесная спасительная молитва. Быть может, бабушки, мамы, жены, которые молятся за него на небесах.

Он шел по ложному следу, отыскивая Фарука Низара по мнимым признакам, которыми его завлекали враги. Теперь след Фарука терялся. Не было камня, не было змеи, не было следа. Заданию, которое он получил, грозил провал. Всё нужно было начинать сначала. И этим началом будет поездка в Иран, к старинному знакомцу, который когда-то работал в посольстве в Москве, а теперь занимал высокий пост в иранской разведке. Джахан Махди ведал секретными операциями иранских военных в Сирии. К нему в Тегеран Торобов направит свои стопы, изрезанные осколками стекла, утомленные бесплодными скитаниями по разоренной земле.

Утром он заехал в посольство и вернул пистолет.

— Смотрю, обойма не тронута, — сказал рыжий атташе, принимая оружие. — Не пригодился?

— Нет, почему же. Я колол им орехи.

По дороге в аэропорт Торобов не удержался и заглянул во двор дома, где жил Фарук Низар и где среди детских лесенок и песочниц стояла инвалидная

коляска. Теперь коляски не было. Мимо проходила женщина.

— Скажите, — спросил Торобов, — как зовут инвалида, который живет в этом доме? Его вывозят гулять в инвалидной коляске.

— Инвалидная коляска? Здесь не было никакой инвалидной коляски, — ответила женщина и скрылась в подъезде.

Торобов ехал в такси и беззвучно смеялся.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Не без труда, с помощью посольства, он оформил визу в Иран. Прилетел в Тегеран поздно ночью и остановился в «Ескан Отель», где останавливался несколько лет назад. Тогда он участвовал в переговорах о поставках в Иран российского оружия. Заключение контракта на закупку Ираном зенитных комплексов С-300. Израиль грозил Ирану бомбардировкой ядерных объектов, назревала большая война. Переговоры о зенитных ракетах шли успешно. В последний момент Россия дрогнула, вняв требованиям американцев, отказалась от сделки, и это вызвало большое разочарование персов.

В те времена он несколько раз отлучался из Тегерана. Побывал в цветущем Ширазе, где маленький восторженный перс читал ему на могиле Саади любовные, сладостные, как мед, стихи. В Персеполисе, древней столице царя Дария, любовался алтарями огнепоклонников и чудесными барельефами на черном камне, где великолепный лев убивает когтями лань. На атомной станции в Бушере наблюдал, как бригады российских энергетиков монтируют стальной кокон реактора. На берегу Персидского залива посещал газовое месторождение Южный Парс, бесчисленные серебряные сферы, цилиндры, чаши, нескончаемые трубы, ведущие к причалам, от которых отплывают в Японию громадные танкеры с жидким газом. Ночью месторождение казалось россыпью бриллиантов, голубых, золотистых, белых, сверкающих до горизонта.

Теперь же Торобов надеялся повидаться с Джаханом Махди, ведающим внешней разведкой. Навести справки о Фаруке Низаре и его тайной организации «Меч Пророка».

После немалых ухищрений он связался с секретарем Махди, назвался старинным другом, оставил свой телефон, уверяя, что встреча с Махди будет полезна обоим. Секретарь записал телефон и сухо произнес:

— Вам позвонят.

Пока его проверяют по всем картотекам, устанавливают гостиницу, где он проживает, пока доклады-

вают о звонке Джехану Махди, у Торобова оставалось свободное время. Он решил посетить пантеон, где покоился прах имама Хомейни, подвижника, как о нем говорили, изменившего ход мировой истории.

Ожидая такси, он сидел в холле, заказав чашечку чаю. Сквозь стеклянную карусель дверей проходили люди. Невысокую даму европейского вида, в шляпке, в милых сапожках, захватили стеклянные лопасти дверей, закрутили. Она запуталась, не успела выйти. Ее несло по второму кругу. Она испуганно билась, напоминала залетевшую в стеклянную комнату птицу. Портье кинулся на помощь, остановил дверь, выпустил даму на свободу, и та, растрепанная, поправляя шляпку, села в подъехавшую машину.

Эта сценка позабавила Торобова, и он едко подумал, что ради нее одной стоило посетить Тегеран.

Гробница Хомейни напоминала грандиозную мечеть. Огромный золотой купол сиял как негасимое солнце. Высокие минареты страстно тянулись в лазурь, словно могучие заостренные стебли. Внутри было сумрачно, прохладно и гулко. Пол был выложен ониксом и агатом. Своды сияли золотом, бирюзовыми и изумрудными мозаиками, изречениями из Корана, похожими на выющиеся лианы. В центре, окруженная слабым трепещущим светом, стояла гробница. Высокий четырехгранник, затянутый бархатом, окруженный золоченой решеткой. Воздух был пропитан благовониями, словно дымилась невидимые кальяны. Было безлюдно. Одинокaя женщина в черном замерла у гробницы, прижалась лицом к решетке.

Торобов не приближался, кружил у гробницы, наступая на драгоценные узоры пола. Чувствовал, как из усыпальницы веют неясные силы, исходит необъяснимое тяготение. Думал: чудо породило на свет этого человека. Он взломал мертвящую коросту мира, выпустил на свободу слепящую плазму революции. По сей день она пылает и жжет. И он, Торобов, опален этой расплавленной лавой.

Чудо Хомейни продолжалось. В усыпальнице, укутанная в саван, медленно истлевала плоть, распадалась молекулы и волокна. Но дух продолжал животворить. Будил людские души, взрывал ветхий мир, вещал о божественной справедливости. Вокруг усыпальницы вращались народы и царства, двигались армии, кружили эскадрильи. Торобов, как малая песчинка, был захвачен гигантским вихрем. Как крохотная частица, мчался в могучем циклотроне.

Женщина, которая безмолвно молилась у золотой решетки, отошла от гробницы и медленно направилась к выходу. Проходя мимо Торобова, подняла на него глаза. Должно быть, угадала в нем глубокое волнение, замедлила шаг.

— Простите, — сказал он, — я видел, как вы молились. О чем?

— У меня сын военный. Уехал в Сирию. Уже месяц нет от него вестей. Там много убивают. Я просила имама сберечь сына. Он обещал, что сбережет. — Она двинулась дальше, отражаясь в сияющих узорах оникса и яшмы.

Торобов приблизился к усыпальнице. Над гробницей трепетал фиолетовый воздух, словно в глубине саркофага шла таинственная реакция, рождала свечение. Прозрачные лучи летели в пустыни и степи, проникали в дома и мечети, туда, где гремели взрывы, шла в атаку пехота, дергались стволы артиллерии, и «стражи исламской революции», выходя из боя, несли на плечах убитого пехотинца.

Торобов, держась за позолоченную решетку, чувствовал вращенье Земли. Чудовишный, непомерный водоворот, который затягивал его в свою бездну. Он не хотел туда. Не хотел в разоренную страну, в которой некогда обитали пророки, проповедовали апостолы, а теперь отрезали головы одетым в оранжевые балахоны пленникам. Там русские бомбардировщики пикировали на развалины, турецкие танки скребли гусеницами приграничные горы. Он не хотел туда, куда затягивала его смертельная воронка.

Прижавшись лбом к золоченой решетке, он просил имама, чтобы тот его отпустил. Не держал в обугленных дымящихся землях. Отменил жестокий приказ, направивший его в смертельное странствие.

«Отпусти, отпусти! Во имя Аллаха, Милостивого и Милосердного»!

Он не услышал отклика. Удалялся от гробницы, чувствуя узы, привязавшие его к саркофагу.

Он вернулся в отель, так и не получив звонка от Джехана Махди.

Тегеран, огромный, забитый автомобильными пробками, казался завернутым в тяжелый черно-красный ковер. Звучали с минаретов молитвы, звенела музыка. Город готовился к ашуре, когда из домов выйдут толпы и колоннами двинутся по улицам, оглашая воздух стенаниями, побивая себя плетью, поминая мученическую смерть имама Хусейна.

Торобов замкнулся в номере, ожидая звонка. Испытывал странное недомогание. Ему казалось ошибкой пребывание в этом фешенебельном номере с окном на вечерний Тегеран, в этом брэнном теле, сотворенном природой, как и миллиарды подобных тел. Из этого тела невозможно вырваться, сбросить изнурительную телесность, умчаться в иное недоступное бытие.

Он знал, что это бытие существует. Иногда мембрана, отделяющая эту жизнь от инобытия, казалась столь тонкой, что одно усилие, один молитвенный

помысел — и в мембране откроется ход в иные миры и он, ликуя, унесется в безмянную, лишнюю пространства и времени бесконечность. Так бывало с ним, когда до обморока он вглядывался в синеву мартовского неба сквозь ветки берез. Когда, обнимая женщину, слепнул от раскаленной вспышки. Когда в слезах стоял у могил бабушки, мамы, жены. И недавно в Ираке, когда сидел под деревом, желая скрыться среди муравьиной тропы. И в бане, на теплой каменной лавке, когда глядел на треугольник зеленой мозаики. И в зимнем саду, где на березу села сойка, и он летел за ее голубым крылом, но его полет был оборван звонком телефона. Он верил, что будет мгновение, когда случится чудо и он унесется в таинственное мироздание, «где нет болезней и печалей».

Ночью ему снилось, будто он попал в стеклянную карусель дверей и из них нет выхода. Прозрачные лопасти толкают его по кругу. Он бьется лицом о стеклянную преграду, беззвучно кричит, а его бросает от одного стекла к другому, закручивает в стеклянную круговерть.

Звонка не было и наутро. Быть может, Джахан Махди, став крупным начальником, больше не испытывал интереса к Торобову. Или бюрократы иранских ведомств слишком долго оповещали Махди о Торобове. Он смотрел из окон отеля на улицу, где начинала клубиться толпа и готовилось священнодействие ашуре.

Он покинул отель и двинулся переполненными улицами, думая свою неотступную думу.

Ближний Восток, думал он, проваливался в черную дыру, где исчезали страны, культуры и верования. Из черной дыры истекала смертоносная магия, заливала цветущие города и селенья. Липкая медуза ИГИЛ поедала государства Персидского залива, подбиралась к Пакистану и Индонезии, приближалась к Средней Азии и Кавказу. Черная дыра ширилась, грозя Европе и Африке. Эту черную дыру штопали русские бомбардировщики в Латакии, накладывали заплатки под Алеппо и Хомсом, сшивали окраины Дамаска и районы вдоль турецкой границы.

Торобов был участник боевой операции. Ему надлежало сделать малый укол иглы, продернуть дратву и скрепить расползавшиеся кромки дыры. Но он чувствовал свое бессилие. Знал, что вход в преисподнюю может запечатать только чудо, воля Божья, молитва праведника. Но где, на какой горе, в какой потаенной пещере живет божественный старец, было неведомо.

Он шел по центральной улице. На проезжую часть валила толпа, словно ее выдавливали из домов, дворов, подворотен. Строгие мужи и взволнованные

женщины, глазастые юноши и подслеповатые старцы, малыши, которых держали за руки матери. У многих в руках были веревочные кнуты, тонкие цепочки, гибкие ветки. Все становились в колонну, бесконечную, тесную, разукрашенную знаменами, арабесками, чучелами чудовищ и злых духов, которые погубили святого имама. Чучела были увешаны бубенцами, которые непрерывно звенели. Играла музыка — из громкоговорителей, раскрытых окон, расстворенных дверей.

Торобов встал в колонну, окруженный трепещущими флагами, портретами Хомейни, шестами с разноцветными лентами. Впереди, стиснутый толпой, стоял грузовик с открытыми бортами. Кузов был выстлан ковром. Двое дюжих парней топтались на ковре. Из-под накидок виднелись их мускулистые тела, в руках были ременные плетки.

Торобов робел, окруженный истовыми лицами, горящими глазами, громом бубенцов, тоскливой, плачущей музыкой. Его приняли, дали место, погрузили в слезную печаль, ждали от него искренней веры и сострадания. И он был благодарен, не был чужим, чувствовал их возвышенную печаль.

Вдруг разом ожили все мечети. И та, что вздымала синий купол над соседними крышами, и та, чьи минареты чуть возвышались вдаль, и невидимые, заслоненные домами. Из каждой понесся рыдающий напев муэдзина, который повествовал о несчастном имаме, о гонениях, предательстве, верности заповедям и заветам, о мучительной смерти и бесконечной любви. Город дрогнул, затрепетал. Камни, деревья, небо, каждая душа. Все обнялось, зарыдало. Толпа шевельнулась, пошла.

Два силача в кузове грузовика скинули накидки, остались в набедренных повязках. Мускулистые, с гладкими спинами, упругими ногами, затанцевали, закружились, ударяли себя плетками, оставляя на спинах розовые рубцы. Музыка дребезжала, звенела, грузовик катил в толпе, танцоры вертелись, кружились, взмахивали плетками, секли себя, чертя на спине, груди, животе красные полосы. И все, кто шел в толпе, стали хлестать себя. Молодая женщина в хиджабе била себя через плечо шелковистым шнуром, вздрагивала от боли, мучительно воздевая глаза. Бородатый старик бил себя железной цепью, удары проникали сквозь пальто, причиняли боль. Кругом свистели хлысты, кожаные ремни, веревочные плетки. Раздавались стоны, вскрики. Парни на грузовике истекали кровью, продолжали танцевать неистовый танец. Мальчик с худенькой шеей бил себя хлыстиком, молчал, и только черные глаза блестели от слез.

Процессия двигалась, колыхались флаги, грохотали бубенцы, уродливые идолы и чудовища блесте-

ли клыками. Колонна стенала, ахала. Свистели би-чи, и над всем неслись рыдающие песнопения муэдзинов.

Торобов поначалу был ошеломлен этим неистовым самоистязанием. Но постепенно стоны, вопли, истошная музыка вовлекли его в свой огненный вихрь. Он начал притоптывать, подражая танцорам в грузовике. Сонмы страдающих и рыдающих людей окружали его, захватывали в свой бушующий поток. Он не сопротивлялся, был готов вторить плачам и воплям. Идущий рядом мужчина в балахоне, похожем на рубище, охаживал себя треххвостой плетью. Несколько ударов достались Торобову. Он вскрикнул от боли. Но боль, которую он испытал, была не страданием, а состраданием.

Он сострадал далекому, тысячу лет назад замученному имаму, его невинным истерзанным детям, убитым соплеменниками. Это были его, Торобова, дети и его соплеменники. Он сострадал всем, кто сейчас в разных концах земли подвергался пыткам, кто мучился на дыбе, кого вели по глухим коридорам, чтобы убить, чьи детские крики только дразнили мучителей. Он сострадал всем, кому неведомо выносить обиды и поношения, осквернение святынь и хулу. Он сострадал убиваемым на бойнях коровам. Смертельно раненым медведям и львам. Сострадал вырубаемым лесам и мелеющим рекам. Гаснущим звездам, исчезающим в черной дыре. Своим состраданием, своей страстной молитвой он стремился остановить расползание черных дыр, не пускал в них гибнущие галактики. Он стремился запечатать черную дыру, в которую проваливался мир, но не бомбами, не пикирующими штурмовиками, а своим состраданием, своей слезной молитвой и жертвой.

Колонна шла мимо роскошных магазинов, помпезных банков, мимо скромных особнячков и домишек, рыдала и молила о милосердии и любви.

Торобов испытал такое возвышенное волнение, такую благодарность к этим людям, пустившим его в свою молитву, что слезы текли по его щекам.

Он услышал, как в кармане звенит телефон. Вежливый голос спрашивал:

— Господин Торобов? Господин Махди готов вас принять. Через час машина будет ждать вас у «Ескан Отель».

Встреча с Джеханом Махди состоялась в его резиденции, богатом особняке за высоким забором. Едва Торобов переступил порог, как навстречу ему шагнул высокий, дородный, с полными губами и сияющими глазами хозяин. Обнял Торобова, они касались друг друга теплыми щеками, и Торобов, чуть отстраняясь, оглядывал дородное, породистое лицо Махди. Произнес:

— Ну, вы, дорогой Джехан, по-прежнему напоминаете иранского льва. Того, что изображен на камне в Персеполсе и размножен по всем мировым хрестоматиям.

— А вы, дорогой Леонид, вылитый русский орел. Вам не хватает второй головы, чтобы красоваться на российском гербе.

Они смеялись, радовались встрече. Их связывали не только давние посольские встречи в Москве, не только осторожное неторопливое общение на переговорах по оружейным поставкам. Их связывала поездка в священный город Кум, визит в исламский университет Мустафы, размышления о божественной справедливости, посещение зеркальной мечети, где образ молящегося подхватывается тысячей зеркал и, как вспышка, разносится по всему миру.

Они перешли из гостиной в трапезную, где был сервирован стол на две персоны. Служители раскладывали по тарелкам печеные овощи, сырники, вареное мясо, наливали в бокалы фруктовые напитки.

— Итак, — произнес Торобов, отпивая душистый сок, — божественная справедливость — это такое положение Вселенной, когда каждая вещь занимает отведенное ей место. Так, кажется, наставлял нас в Куме аятолла Нурсаджани?

— Справедливость — это замысел Аллаха, сотворившего мир. Там, где этот замысел не соблюдается нами, там возникает несправедливость. Цель человечества — уменьшать это несоответствие. В этом движущая сила истории, — ответил Махди, получая удовольствие от рассуждений, которые были прерваны и не возобновлялись между ними несколько лет.

— Чтобы увидеть, где в мире нарушена справедливость, достаточно посмотреть на карту. Там, где сыплются бомбы, совершаются теракты, случаются революции и перевороты, где проходят маневры и возводятся военные базы, там ощущается дефицит справедливости. В этом отношении Ближний Восток — очень характерный район.

— С тех пор, как мы не виделись, дорогой Леонид, произошло сближение между Россией и Ираном. И в этом есть наша с вами заслуга. Я имею в виду не только поставки комплексов С-300. Мы одинаково смотрим на проблему Ближнего Востока и действуем здесь сообща.

— Не только в тиши дипломатических кабинетов, но и на поле боя.

— Ваша военно-воздушная операция. Наши «стражи исламской революции», которые воюют под Алеппо и Дамаском. Это ли не совпадение интересов?

— Кстати, хотел спросить, почему вы не увеличиваете ваше участие в наземной операции? Оглядываетесь на американцев?

— Оглядываемся на наше общественное мнение. Мы потеряли в Сирии уже больше тысячи человек. А это ощутимо для нашей страны.

Они продолжали обед, обмениваясь суждениями. Джахан Махди не торопил гостя назвать главную причину его визита, полагая, что такая причина существует. Торобов не торопился открыться Махди, не торопился выпрашивать о Фаруке Низаре.

— А как вам видится, дорогой Джахан, развитие конфликта вокруг Сирии? По-прежнему там много неясного.

— Конфликт — это живой организм. Он развивается по законам живого организма. С какого-то момента он становится неуправляем. Обострение отношений между Россией и Турцией грозило большой войной. На военно-воздушных базах Турции хранятся натовские ядерные бомбы, которые, в случае нападения на страну, могут быть использованы. Россия была готова нанести удар по Турции после вероломной турецкой атаки на ваш бомбардировщик. Турецкие самолеты уже прикрепили к подвескам ядерные бомбы. Визит в Москву Киссинджера, этого многоопытного старика, разрядил обстановку. Но острота конфликта остается.

— Я сегодня принимал участие в ашуре. Получил удар плетью. Я пережил откровение. Молился, чтобы Господь прекратил эту бойню, чтобы перестали гибнуть персы, арабы, турки и русские. Только молитва, любовь могут восстановить справедливость на Ближнем Востоке.

— Мне сообщили, что вы принимаете участие в ашуре. Вы духовный человек, дорогой Леонид.

Они завершали обед. Им принесли на десерт мороженое, политое вареньем из грецких орехов. Торобов отложил серебряную ложечку, которой черпал варенье, и произнес:

— Дорогой Джахан, я знаю, что вы располагаете лучшей картотекой в мире, в которой собраны сведения об ИГИЛ. Быть может, только Израиль может сравниться с вами. Мне нужна информация об организации «Меч Пророка» и ее руководителе Фаруке Низаре.

Лицо Махди на мгновение окаменело, стало темным и твердым, приобрело еще большее сходство с Иранским Львом. Он помолчал, каменные складки щек, суровая морщина лба, угрюмые, с блеском глаза вновь наполнились мягкостью и теплом. Он снова принял человеческий облик.

— Фарук Низар выполнял особые поручения Саддама Хусейна. После захвата и убийства Саддама Фарук был арестован американцами и отправ-

лен на Гуантанамо. Там его подвергали обработке и наконец завербовали и использовали при создании Исламского государства. Он является идеологом, ему поручено создавать образ Халифата. Ему принадлежат устрашающие съемки казней, зрелища изощренных пыток, которыми он стремится внушить ужас противникам ИГИЛ, а сторонникам — веру в его неодолимость. У него на службе состоят дизайнеры и режиссеры из Европы, которые снимают картины террористических актов, сцены боев и расправ над военнопленными. Один из этих дизайнеров — немец Курт Зольде. Да, Курт Зольде.

— Где он базируется? Как к нему подобраться?

Джахан вновь на несколько мгновений перевоплотился во льва, стал барельефом на камне. Помолчав, произнес:

— Вы хотите к нему подобраться, Леонид? Это связано с гибелью вашего самолета над Синаем?

— Вы угадали, Джахан.

Трапезная, где они обедали, была украшена мрамором, мозаиками.

На узорной тумбочке стояли часы в виде золотого павлина. Драгоценная птица зашевелилась, закрутила головой, распушила великолепный радужный хвост, и часы ударили семь раз подряд. После этого птица сложила хвост и замерла, изысканно изогнув шею.

— Не делайте этого, Леонид. Прошу вас как любящий друг. Это смертельно опасно. Мы послали к нему двух агентов, и оба провалились. Низар прислал нам их головы, залитые жидким стеклом. Кубы из жидкого стекла, и в них заморожены отрубленные головы наших агентов. Не делайте этого, Леонид.

— Где его штаб-квартира?

— Он много разъезжает. Но его база в районе Мосула или Ракки. Там он иногда появляется.

— Значит, вы считаете, что приблизиться к базе можно со стороны Турции? Это проще всего? — произнес задумчиво Торобов.

— Я так не сказал. Леонид. Я прошу вас этого не делать.

— А помните, как интересно рассуждал аятолла Нурсаджани о том, что Коран содержит утверждение, запрещающее применять ядерное оружие? Это был аргумент на переговорах о вашей «Ядерной программе». — Торобов сменил разговор, и Махди не пытался ему перечить.

Когда они расставались и их теплые щеки коснулись одна другой, Торобов ощутил боль в сердце и подумал, что больше они никогда не увидятся.

Он покидал резиденцию. Вслед ему смотрели каменный лев и золотой павлин.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Торобов прилетел в Стамбул в сумерках. Ему отвели номер в отеле «Сираган палас» с видом на Босфор. Пока он устраивался, пока ужинал в ресторане, окончательно стемнело. Поднявшись к себе, он отворил окно и засмотрелся на вечерний Стамбул. На реки белых огней, льющихся по центральным улицам. На зелено-голубые мечети, как волшебные острова всплывшие из темных пучин. Две жемчужные нитки мостов, соединяющих Европу и Азию, висели в пустоте, как невесомые, прилетевшие из Космоса паутинки. Полный золотых огней самолет снижался над городом. Босфор, ночной, черносиний, был расцвечен множеством плывущих светлячков, красных, голубых, зеленых, и под каждым корабликом, под каждой медлительной баржей дрожало золотое отражение.

Глядя на эту ночную красоту, вдыхая морской воздух, Торобов внезапно ощутил облегчение, освобождение от неотступных страхов, забот и погонь. Было чувство, что погони его оставили, опасности отступили и жизнь перестала напоминать заостренный гарпун. Острые растворилось в чудесной синеве с космическими паутинками, растаяло в густой воде пролива с дрожащими отражениями, утонуло в благоухающем воздухе, в котором бесшумно снижался самолет.

И это облегчение, легкость напоминали выздоровление. Болезнь была еще рядом, еще гуляли в теле яды, но душа испытывала счастье, благодарность, предчувствие блаженства.

Ночью ему снились яблони тучным поздним августом, когда сады отяжелели, в густой синеве деревьев светятся, как лампы, плоды, слышно, как зрелое яблоко падает с легким стуком в траву и лежит там, драгоценно и одиноко.

Утром его пробуждение было счастливым, как в детстве, когда каждая клеточка радуется и ликует, и ты не встаешь, желая продлить эту счастливую легкость, благословляешь дарованное тебе утро.

Босфор был ослепительно синь. Медленно проплывал белоснежный круизный лайнер. Сновали, как темные жучки-плавунцы, шустрые кораблики. Мосты через пролив чуть искрились в солнечной дымке. Стекла в домах во множестве отражали утреннее солнце. Было весело смотреть на этот ликующий блеск. Город мерно гудел, металлически-серый, с шевелящимися магистралями, горбатыми, как верблюды, мечетями. И снова Торобов ощутил счастливое освобождение от гнетущей заботы, от висевшего над ним бремени невыполненного и, быть может, невыполнимого задания. Рядом существовала совсем иная жизнь, в которую можно нырнуть,

как ныряет в море дельфин. И Торобов, прозрев, вдруг эту жизнь увидел.

Он отправился на Гранд Базар, где собирался добыть поддельный сирийский паспорт, чтобы переправиться через границу. Обретение паспорта предполагало продолжение погони, но Торобов думал об этом почти машинально, по инерции, словно не верил, что паспорт ему понадобится.

В лавчонке, торгующей для виду стиральными порошками, пастами, флаконами с моющей жидкостью, он обратился к моложавому, плутоватого вида торговцу. Без обиняков сообщил, что хочет купить сирийский паспорт.

— Только сирийский? — спросил бойкий торговец в красной шапочке, с черной щеголеватой бородкой. — У нас есть иорданские, египетские, Бахрейна и Эмиратов.

— Только в Сирию, — ответил Торобов.

— Почему-то все хотят в Сирию. Разве там мир?

Торговец провел Торобова внутрь лавчонки. Здесь был повешен белый экран, стоял стул.

— Вы очень похожи на араба, — произнес торговец, делая снимок. — Почему-то все хотят походить на арабов.

Торобов заплатил деньги.

— Приходите через три дня.

— А если завтра?

— Тогда еще столько же.

Торобов заплатил и, выполнив эту почти ненужную работу, отправился побродить по Стамбулу.

Улица Сирагли была великолепна своими магазинами, бутиками, художественными галереями, деревянными кадками на тротуарах, из которых поднимались рогатые платаны с зелеными и розовыми почками. Торобов рассматривал прохожих с веселой жадностью, словно его выпустили из тюрьмы и предстояло заново привыкать к жизни среди людей. Хорош был тучный швейцар перед дверьми в ресторан, в бархатной феске, долгополом синем кафтане, с ленивым взглядом масленистых женственных глаз. Симпатичны были молодые люди в одинаковых черных пиджаках, белых рубашках и тонких галстуках. Они стайкой пробежали и скрылись среди мраморных колонн помпезного банка. Красивая женщина с восточным, резко очерченным лицом вышла из дорогого автомобиля и направилась к салону, где были выставлены бесчисленные кожаные изделия — куртки, жакеты, шубы, удобные саквояжи и изящные сумочки. Молодая мать толкала двухместную коляску, из которой выглядывали два круглых смуглых личика и пестрели какие-то целлюлоидные игрушки.

Торобов всех их любил, ко всем благоволил. Проходя мимо газетного киоска, чутко уловил запах ти-

пографской краски. Минуя лавочку с лазурными и фиолетовыми цветами, поймал дуновение сочных лепестков и стеблей.

Ему хотелось погулять и насладиться просторной площадью Султана Ахмеда с египетским обелиском. Постоять на площади Таксим, щурясь на весеннее солнце. Стамбул казался просторным, солнечным, с порывами теплого, пахнущего морем ветра.

Он вышел на центральную улицу и удивился ее пустоте. Проезжая часть была пуста, без единой машины. Пусты были и тротуары, и на них с короткими интервалами стояли полицейские, некоторые с автоматами. Прокатило несколько полицейских фургонов с мигалками и решетками на окнах. Торобов всматривался в солнечную даль улицы: там что-то клубилось, туманилось, вспыхивало. Слышалась музыка, неразборчивый гул мегафонов.

— Что это? — спросил он пожилого турка, опиравшегося на клюку.

— Демонстрация. Как будем с русскими воевать.

Бурный красный клубок приближался, хрипел, трубил. Множество знаменосцев несли красные турецкие флаги с полумесяцем и звездой. Крепкие парни, с голыми мускулистыми руками, играли бичепсами, держали наполненные ветром полотнища. За ними шествовали барабанщики в военной форме, с позументами, били палками с набалдашниками в тяжелые, косо висящие барабаны. Множество портретов Эрдогана колыхалось над толпой. Юноши и девушки размахивали руками, вздымали кулаки, самозабвенно скандировали: «Эрдоган! Эрдоган!» На высоких древках колыхался большой транспарант. Русский бомбардировщик СУ-25 был помещен в сетку прицела. Ревели голоса: «Слава турецким асам!» В такую же прицельную сетку был помещен портрет Президента России. Неслось похожее на рявканье скандирование: «Расстрелять! Расстрелять!» Следом валила толпа. В нескольких местах жгли российские флаги. Играла музыка, рокотали барабаны. Колонна напоминала огненную головню, за которой тянулся хвост косматого дыма.

Торобов из-за спин полицейских смотрел на колонну, в которой кипели ненависть, сила, молодой военный азарт. Но ненависть и ярость колонны не касались его, не задевали, не пронзали, а были устремлены куда-то мимо, в какую-то неясную пустоту, где толпе было суждено истаять, утихнуть, остыть.

Он повернулся и пошел прочь от центральных улиц в тихие кварталы, где начинали зеленеть деревья, тянулись развалины крепостной стены, на сырых клумбах пробивались острые клювики пионов. Присел на лавку, слыша, как воркует невидимая гор-linka.

Он закрыл глаза, глядя сквозь веки на розовое свечение солнца. Пребывал в блаженной дремоте. Почувствовал запах роз. Открыл глаза, надеясь разглядеть благоухающие кусты. Кустов не было. Тянулася изъеденная временем стена, торчали острые носики пионов...

Он снова закрыл глаза, слушая, как воркует гор-linka. И снова повеяло розами, словно где-то рядом цвели кусты. Он открыл глаза и собирался встать, осмотреть окрестность, надеясь увидеть близкие розы.

Увидел, как из арки в стене появилась женщина, вышла на дорожку, где на лавке сидел Торобов. Рядом женщина разговаривала по мобильному телефону. Рассеянно посмотрела на Торобова и опустилася на лавку напротив него.

Она была молода, с короткой стрижкой, открывавшей виски и маленькие розовые уши, в которых мерцали бриллиантики. У нее было тонкое лицо, золотистые брови, которые она слегка хмурила, розовые губы, которыми она касалась телефона, что-то настойчиво произносила. Под темным жакетом белела блузка с приоткрытым воротом и виднелась цепочка с зеленым кулоном. Юбка была короткой, и она, садясь, натянула ее на сжатые колени.

Торобов моментальным счастливым взглядом оглядел ее и подумал, что ее появлению предшествовало дуновение роз.

Она продолжала говорить по телефону, и лицо ее выражало досаду.

— Ты уехала и бросила меня на произвол судьбы. Без тебя я не могу заключить договор, — говорила она по-русски. — Хочешь, я приеду к тебе в Анкару?

Ее появление среди солнечной дремоты, воркования гор-linkи, запаха невидимых роз напоминало сновидение. Ее русская речь, мелодичный, чуть капризный голос казались изумительным продолжением утренних счастливых предчувствий.

Их разделяла дорожка с тенями деревьев, пространство светлого воздуха, незримая линия, которая отделяет незнакомых людей. Торобов чувствовал, как эта линия тает, в нем исчезала последняя неловкость. Он поднимался, пересекал дорожку, приближаясь к ее скамейке.

— Прошу меня извинить. Я услышал вашу русскую речь. Услышал, что вы одна в Стамбуле. И я один, меня тоже покинули друзья. Почему бы нам не воспользоваться вашим и моим одиночеством? Ничего особенного. Просто встреча двух соотечественников.

На ее лице мелькнула досада. Женщина собиралась подняться и уйти. Но, должно быть, такой наивный и добродушный был вид у Торобова, что она улыбнулась и сказала:

— Чужбина располагает к знакомствам.

Они сидели рядом на скамейке. Ему была видна белая ложбина ее груди и зеленый кулон. Он отводил глаза, боясь своего нескромного взгляда.

— Два дня меня преследовали неудачи. А сегодня утром проснулся и будто заново родился. Впору начинать жизнь сначала, — его не покидала утренняя легкость и свежесть. Появление этой женщины лишь продолжало необъяснимое преображение.

— А что за неудачи, позвольте узнать?

— Я профессор истории, востоковед. Приехал в Стамбул прочитать в университете лекции. Но контракт до сих пор не подписан. На русских косятся. Как бы ни пришлось уезжать восвояси. — Торобов сочинил весьма правдоподобную легенду, прощая себе этот обман. — Меня зовут Леонид Васильевич. А вас?

— Меня Вера. Меня тоже преследуют неудачи. Мы приехали в Стамбул с подругой. Мы дизайнеры, открыли здесь ателье. Драпируем окна в коттеджах. Но с тех пор, как турки сбили русский самолет, заказы пропали. Подруга уехала в Анкару, но, похоже, и там нет заказов.

— Да, здесь изменилось отношение к русским. Словно турки вспомнили все русско-турецкие войны. А мы вспомнили про Святую Софию, превращенную в мечеть.

— Вы правы, когда я смотрю на минареты, окружающие православный собор, мне кажется, что его взяли в плен и держат под арестом.

— Вот видите, сколько общего мы обнаружили в первые минуты знакомства. Не перенести ли нам наше общение в другое место? Например, в ресторан. Время обеда.

— Дайте мне на размышление минуту.

— Она прошла.

— Тогда я согласна, — засмеялась она, поднимаясь.

На улице Истикляль они отыскивали рыбный ресторанчик. Над входом красовалась позолоченная рыба в шляпе, гуляющая под руки с двумя королевскими креветками.

Они заказали салат из водорослей, суп из мидий, приготовленного на пару сибаса и бутылку белого сухого вина из турецких сортов винограда.

— Пью за вас. — Он поднял шаровидный бокал, в котором колыхалось вино. — Мне кажется, что мы с вами давно знакомы. Первые минуты неловкости давно уже пройдены. Первые, необязательные слова произнесены. И теперь мы можем болтать о чем угодно. Например, о Босфоре, о его лазури, которая рождает в душе почти религиозный восторг.

— Окна дома, где я живу, выходят на Босфор. Он постоянно меняет свой цвет, свой лик. То он в ослепительной синеве, от которой замирает сердце. То

он багровый, словно чаша с вином. То зеленый, как изумруд, полный таинственных лучей. А то черно-фиолетовый, грозный, когда в него сыплются молнии и падает дождь.

— Мне кажется, нас с вами свела судьба, чтобы мы забыли о всех напастьях и любовались Босфором.

Он произнес эти слова с забытым молодым легкомыслием, с которым были связаны его ранние увлечения женщинами. Его развеселило это нехитрое ухаживание, когда вдруг распахнулись завесы неловкости и хлынула счастливая молодая безрасудность.

— Как вы думаете, нам удастся полюбоваться Босфором на вечерней заре, под звездами, в утреннем блеске?

— Надо спросить Босфор. Чтобы он позволил нам любоваться собой, — улыбнулась она, и он увидел, как ее розовые губы погрузились в вино.

Торобов был по-прежнему офицером разведки. Выполнял смертельно опасное поручение. Он по-прежнему двигался по кромкам черной дыры, из которой истекала ядовитая лава. В эту дыру падали подбитые самолеты, взорванные мечети, проваливались города и страны. Но все это вдруг отступило, стало почти невидимым, и он оказался в волшебном свечении этой прелестной женщины, ее золотистых бровей, розовых губ, белой ложбинки груди с зеленым кулоном.

Они наслаждались морскими дарами, маслянистыми водорослями, ароматными мидиями, ломтями розового сибаса, в котором открывался нежный позвоночник.

— Я люблю смотреть на Босфор, — сказала она. — Где-то рядом Троя, афинской Акрополь, египетские пирамиды, Неаполь. Сядешь на корабль, и ты в Средиземном море, в Венеции, в Барселоне.

— Давайте сядем на корабли и отправимся в Барселону. Гауди ждет нас.

— Мы знакомы меньше часа. И уже в Барселону.

— Самое трудное было подойти к вам и спросить о какой-то чепухе. А теперь, когда эта черта пройдена, можно и на корабль. — Он произнес это с беспечностью, увлекаемый счастливой уверенностью, что все доступно. Однажды преодоленная черта открывает стремительную возможность сближения.

— Есть такой корабль? — спросила она недоверчиво.

— Конечно. Каждый час от пирса в порту отчаливает кораблик и плывет по Босфору, плутая среди островов. Поплывем?

В ее серых глазах мелькнуло недоверие, осторожное сомнение, но потом вспыхнуло лихое веселье, и она сказала:

— Мы отчалили от пирса там, у крепостной стены. Поплывем дальше.

Они поймали такси, подхваченные счастливым порывом. Его голова кружилась от выпитого вина, от невероятного предчувствия. Его жизнь на глазах менялась, в ней исчезало и забывалось все тяжелое, обременительное и ненужное. Уступало место светочному влечению, которое однажды возникло, чтобы уже не исчезнуть.

В пассажирском порту то и дело причаливали и отплывали прогулочные кораблики. Неуклюжие, шумные, с крикливыми зазывалами, которые зычно оглашали берег названием островов и прибрежных селений.

Торобов с Верой едва успели вбежать на корабль, как палуба загремела, зарокотала, подул свежий ветер, и Стамбул стал переливаться стеклянными фасадами, горбатыми мечетями, начинавшими зеленеть парками.

— Ну вот, еще немного — и мы в Средиземном море. Не пропустить бы! — Он облокотился о деревянный поручень палубы. Смотрел, как ветер приподнимает ее золотистую прядь. Близко от них встречным курсом плыл теплоход, и с него доносилась музыка.

— Я вам так благодарна за эту прогулку! — сказала она.

Рокотала железная палуба. За бортом вздымался гребень ослепительной синевы. Над ним блистали алмазные брызги. Бурлящий след тянулся за кормой. К ним подлетала большая белая чайка, поворачивала в их сторону желтый клюв, зорко всматривалась круглым глазом. Мимо пронесся глассер, водный лыжник держался за стропы, подскакивал на волнах, и было видно, как переливаются мускулы под атласной тканью костюма.

Приближался гористый остров. Среди деревьев белели строения. Из-за острова вылетела белоснежная яхта и стала приближаться, вздымая пенный бурн.

Торобов расширенными зрачками следил за приближением яхты, за чайкой, невесомо повисшей над палубой, за водным наездником, летящим на стеклянной волне. И вдруг ошеломляющая бесшумная вспышка, и в этой вспышке стоящая у поручней женщина, ее полузакрытые от ветра глаза, ее высокая шея с серебряной цепочкой, ее близкое розовое ухо с каплей бриллианта. Эта вспышка была ослепляющей, ошеломляющей. Женщина, стоящая рядом, стала вдруг драгоценной, ненаглядной, родной. Он испытал к ней такую слезную нежность, такое обожание, что мир вокруг стал лучезарным, и женщина стояла преображенная и любимая.

Торобов испугался этого внезапного света, этого волшебного влечения, этого лучистого мира, в который превратилась душа, поместившая в себя женщину, еще недавно незнакомую, а теперь несказанно родную. Он перегнулся через борт, и синий водяной гребень окатил его холодными брызгами.

— Что с вами? — спросила она.

— Чудо случилось, — счастливо ответил он.

Кораблик пристал к острову, над которым возвышалась гора и поблескивал крест высокой церкви. У пристани, на площади стояло множество двуколок, запряженных ишаками. Ишаки были разукрашены ленточками, а у двуколок были красные и зеленые спицы. Они с Верой сели в двуколку. Возница в феске, бархатном сюртуке погнал ишачка вверх по каменистой дороге. На поворотах Торобов несколько раз касался ее руки, пугаясь этого прикосновения, робко дожидаясь следующего поворота. На половине горы дорога кончалась, переходила в каменистую тропу. Из двуколок высаживались пассажиры. С горы и на гору медленно двигались люди.

— Позвольте мне опереться на вашу руку, — сказала она, когда они проделали полпути. Стояли на каменистом склоне, глядя на бескрайнюю лазурь, по которой ветер провел серебром. Он чувствовал ее близость, дыхание, боялся, что она отпустит его руку. Ему было легко подниматься вверх. Мышцы стали молодыми и гибкими. Сердце наполнилось сильными жаркими биениями.

Церковь, стоящая на вершине, была бедной и утлой. В ней красовался аляповатый образ Георгия Победоносца в красном плаще, на черном коне. И вся доска, весь киот были увешаны ручными часами, дешевыми, пластмассовыми, дорогими с серебряными браслетами.

— Почему здесь люди оставляют часы? — спросила она.

— А зачем им часы? Счастливые часов не наблюдают, — ответил Торобов. Снял с запястья часы и повесил на гвоздик подле иконы.

Они вернулись в Стамбул, когда стемнело. Такси покатило к центру.

— Вот сюда, — направляла она шофера. Машина остановилась перед воротами, у невысокого особняка.

— Вот и кончился мой счастливый день, — произнес он с болью.

— Хотите его немного продлить? — Она открыла ворота, приглашая его войти.

Двухэтажный дом был темен, фонарь над входом освещал близкое дерево, тропинку, исчезавшую в темноте.

Вера вошла в дом. Зажглось окно. На землю упал квадрат желтого света. Стала видна какая-то скульптура.

— Входите, — пригласила она.

Он вошел робея, словно посягал на запретное, принадлежавшее ей пространство. Здесь все было драгоценно. Витали ее запахи, мерцала спальня с зеркальным туалетным столиком, висело на спинке кровати легкое платье. Он боялся слишком долго останавливать на нем взгляд, ловил запахи, множество легких, принадлежавших ей ароматов.

— Простите, не убрано. Пойдемте на второй этаж, на балкон. — Она вывела его на открытый, неосвещенный балкон. Здесь угадывался столик, два плетеных кресла. Открывался вид на ночной Босфор.

Торобов сел, глядя, как по черному бархату пролива плывут огни, струятся золотые отражения кораблей.

Вечерний Стамбул переливался огненными ручьями улиц, мерцал разноцветной рекламой.

— Расскажите мне о себе, Леонид. Ведь я о вас ничего не знаю.

— А мне кажется, я знаю о вас все. Какое платье вы носили в детстве. В какие игры играли с подругами. Как выглядел особнячок с белыми колоннами, мимо которого вы проходили в школу. Вы жили в маленьком провинциальном городе, не правда ли?

— Как вы угадали? Я родилась в Тутаеве, маленьком городке на Волге. Там действительно есть особнячок с белыми колоннами, мимо которого я проходила в школу. А вы? Чем вы занимались всю жизнь?

— Я? Да как вам сказать. Вся жизнь путешествовал по странам, по весям. Путешественник и историк.

— Вы, должно быть, столько всего повидали! Расскажите о своих путешествиях.

Поплыли воспоминания, как тучи, и в каждой что-то мерцало, рокотало. Осыпались от взрывов лазурные стены мечетей. Неслись вертолеты, и под каждым пульсировал огонек пулемета. Уходил в ненастное море заминированный катер, и вдали раздавался взрыв. Несли на дощатом одре завернутого в саван комбрига, и могила дышала стеклянным паром.

Он не пускал в память эти удушающие воспоминания. Рассказывал ей о волшебных странах Востока, какими они представляли в «Шах-наме» и арабских сказках. Рассказывал о чудесном дереве с глянцевитой листвой, из которого прынула стая птиц небывалой расцветки, и у каждой в клюве был бриллиант, изумруд и сапфир. О муравьиной тропе, которая истекала из подземных глубин и уходила в небо, и каждый муравей нес крупицу золота, ронял ее на купол мечети, и мечеть сияла, как солнце. О прибрежных дворцах и храмах с алтарем неизвестного бога, где над мраморным камнем витала

прозрачная тень и слышались звуки молитв. О племени великанов, воздвигнувших города и твердыни, а потом ушедших в море, оставив на камне отпечатки тяжелых ног. О море, которое начинало светиться, когда из глубин всплывали зеркальные рыбы и играли и резвились в прибое. О стае лисиц, заблудившихся в пустынных холмам, и у каждой было лицо человека, и они, собираясь в круг, были на синий месяц. О палатах, где обитали лев и павлин, где каждому гостю дарили кубок, полный сапфиров, и павлинье перо из волшебных радуг. О прекрасной женщине, о приближении которой возвещало благоуханье роз, и о страннике, которого посетила любовь.

Он рассказывал ей мифы своей собственной жизни, веря в их чудную достоверность.

Она встала, подошла к нему сзади, положила руки на плечи:

— Вы мой мечтатель.

Он сладостно замер, боясь, что руки соскользнут с его плеч и исчезнут. Накрыв их своими ладонями и целовал, чувствуя шевеление ее пальцев. А потом бурно, страстно поднялся, обнял, прижался губами к горячей шее, ловя серебро цепочки. И в бушующем, слепом, счастливом порыве целовал ее голое плечо, ложбинку груди, дышащий живот. И тьма то разгоралась, ослепляя лучистыми вспышками, то меркла, и их качало на бархатных дивных волнах.

Они лежали, словно их выбросило из моря прибоем. Он чувствовал льющийся из окна прохладный запах моря и сладостный аромат ее духов.

— Ты моя любимая!

Ночью они просыпались, их пробуждения были бурными, и он, подходя к окну, видел ночной Босфор с огнями проплывавших кораблей.

Утро было ослепительное. Он открыл глаза с молодым ликованием. Ее не было рядом, но еще были теплыми оставленные ею отпечатки. Окно светилось лазурью близких вод и небес. На спинке кровати висело ее платье. На стене красовался пейзаж с домиком и пальмой.

Торобов гибко поднялся, испытывая небывалую юношескую легкость. Босфор брызнул на него ослепительной синевой. Торобов набросил халат и босиком спустился по теплым ступеням на первый этаж. Дверь в сад была открыта. Виднелась скульптура дельфина, которую вечером он не мог разглядеть. В дальнем углу двора стояла Вера и разговаривала по телефону. Халат соскользнул с ее плеча, и оно сверкало. Он хотел к ней незаметно приблизиться и поцеловать это обнаженное ослепительное плечо.

Он услышал ее голос, говорящий по-английски:

— Он еще спит. Думаю, я сумею еще день-другой его удержать. Он направляется в Сирию. Вы должны торопиться. На пару дней я сумею его задержать.

Торобову показалось, что на мгновение стало темно. Солнце почернело, и на землю легла тень, — на клумбу с крокусами, на скульптуру дельфина, на фасад нарядного дома. Только голое плечо ее продолжало сверкать.

Он испытал удар. Так ныряют в теплую лазурную воду и натыкаются на острую балку, пробивающую череп.

Все, что он недавно испытывал, все несказанное счастье, было искусным обманом. И запах роз, и синий пролив с белыми кораблями, и скрипучая двуколка, запряженная добродушным ишачком, и невысказанная мечта о том, что можно уклониться от жестокого задания, скрыться вместе с любимой среди стран и народов. Все было обман. И он, оболщенный, утратил свою звериную чуткость, неусыпную бдительность, позволил себя обмануть.

Боль была нестерпима. Пока она длилась, сгорало дотла его обожание, любовь, упование на счастливую жизнь. Он повернулся и тихо возвратился в дом.

Она угощала его завтраком, подносила кофе с омлетом. Он благодарил, целовал ей руку.

— Что-нибудь случилось, родной? — Она заглядывала ему в глаза. — Ты чем-то озабочен?

— Мне нужно отлучиться в университет. Решить наконец проблему с контрактом.

— Хочешь, поедem вместе?

— Да нет, оставайся. Я скоро вернусь. Накуплю вкусной всячины, вина. И мы проведем вместе еще один счастливый день.

Он вызвал такси, поцеловал вскользь ее щеку, ее розовые лживые губы и поехал на Гранд Базар получить сирийский паспорт. Знакомый торговец передал ему новенький паспорт, из которого смотрело на него сумрачное утомленное лицо старика.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

На контрольно-пропускном пункте на турецко-сирийской границе скопилось полсотни фур, множество легковушек и грузовичков, длинные обшарпанные автобусы и толпящийся люд, стремящийся попасть в сирийский Алеппо. Сновали лоточники, продающие газированную воду, фанту, несвежие сэндвичи. Люди сидели под навесами, лежали на земле под деревьями, уныло слонялись, изнывая от жары и усталости. Пограничники оформляли бумаги, отбирали паспорта, вяло отгоняли нетерпеливых, наседавших на шлагбаумы путников.

Торобов, угрюмый, чувствуя немощь, глубинную, блуждающую вокруг сердца боль, сидел на саквояже, отдаваясь вялому течению времени, которое медленно перемещало скудную тень дерева. По соседству десяток молодых людей, сдержанных, с одинаковым выражением темных, огненных глаз, ели лепешки, запивали пресной водой. Все они были с подстриженными бородками, кто в круглых чеченских шапочках, кто в картузах, а один в плоской афганской шапочке, похожей на ржаную ковригу.

Они слушали мужчину, который был старше их, носил густую, из-под самых ушей бороду, выглядел предводителем их небольшой группы. Торобов слышал его русскую речь:

— Если будет угодно Аллаху, он каждого проведет сквозь ушко иглы, каждому вложит в иссохшие уста ягоду винограда, каждому продлит жизнь, до той минуты, когда он будет готов войти в рай. Это говорил один мудрец, рожденный шесть веков назад в Багдаде. Забыл его имя.

— Мухаммед ибн Али аль Багдади, — машинально подсказал Торобов. Бородач умолк, все посмотрели на Торобова. Некоторое время длилось молчание, потом вновь зазвучала речь, тихая и неразборчивая.

Бородач поднялся и подошел к Торобову:

— Позволю себе спросить, кто вы? Вижу, что из России.

— Из России. Писатель Торобов.

— Торобов? — Бородач мгновение подумал. — Кажется, знаю. Но не читал. И что вас влечет в Сирию?

— В Сирии война, борьба, столкновение нового и старого мира. Это всегда интересно писателю.

— Вы правы. В Сирии особенно остро чувствуешь, что мир меняет кожу. Как змея, он стремится выскользнуть из мертвой кожи и нарастить новую. Но это всегда больно. Писатель хочет увидеть рождение нового мира, увидеть вестников нового мира, его героев. Это делает писателя великим. — Бородач говорил охотно, уверенно. Было видно, что он склонен к проповедям.

— Писатель ищет героев. Старается угадать их среди миллионов обыкновенных людей, — произнес Торобов, стараясь походить на писателя.

— Вам повезло. Вот они, герои нового мира. — Бородач кивнул на своих молодых спутников. Те молча наблюдали за ними.

— Кто эти люди? Кто вы? — продолжал выводить Торобов.

— Они оставили свои дома, свои семьи, свою работу, свои университеты. Аллах позвал их, и они пошли на его зов спасать погибающий мир. Аллах устал ждать, устал смотреть, как зло разрастается и

готово поглотить человечество. Аллах построит новый мир, создаст новое, справедливое человечество. Это всегда больно. Эти юноши услышали голос Аллаха. Не все они вернутся домой. Но все они рано или поздно встретятся в раю. — Голос бородача стал певучим, взволнованным, как у проповедника, когда тот выходит под своды мечети.

— Откуда они? — Торобов разглядывал юношей, их запыленные одежды, сдержанные движения, огненные, под черными бровями, глаза.

— Тот, что ближе к нам, Расул, чеченец, два года воевал в Афганистане, был ранен. Выздоровел и едет воевать в Сирию, помогать своим братьям. Рядом Ибрагим из Нальчика, год просидел в тюрьме, там ему переломали все пальцы. Говорит, что остался один несломанный, чтобы нажимать спусковой крючок. Руслан из Дагестана, воевал в горах, вышел из леса. Говорит: «Хочу заново прочитать Коран в сирийских горах».

— А вы кто?

— Я физик, преподавал в Казанском университете. Понял однажды, что законы Корана выше законов физики. Закон справедливости выше законов квантовой механики.

Торобов всматривался в лицо бородача. Под его обличем исламского фундаменталиста проглядывало лицо светского интеллектуала.

— Когда-то в Казанском университете учился Ленин, — произнес Торобов. — Он, как и вы, понял, что исторические законы марксизма выше уголовных законов, и повел русский народ в Революцию.

— Ленин был величайшим из русских. Аллах приоткрыл ему законы Справедливости. Но Ленин считал, что справедливость устанавливают люди. А справедливость устанавливает Аллах, и этой справедливости подчиняются небесные светила и полевые цветы.

— Революции, о которой вы говорите, противостоят мировые силы. Авианосцы, космические группировки, бомбардировщики. Как их одолеть? — Торобову был интересен этот проповедник, умевший облекать в доступную светскую форму высокие религиозные смыслы.

— Авианосцы не сильнее Аллаха, и они будут тонуть, как ореховые скорлупки. Космические станции не сильнее Аллаха, и они будут падать в море, как горящие спички. Самолеты не сильнее Аллаха, и на русский самолет, взорванный над Синаем, указал перст Аллаха.

— Но там погибло триста человек, включая грудных младенцев. Разве это угодно Аллаху?

— Когда рождается новый мир, всегда больно. Те, кто погиб над Синаем, были угодны Аллаху, и он взял их в рай. И эти молодые люди, что едут воевать

в Сирию, тоже угодны Аллаху. Они герои Аллаха, мученики Аллаха. Каждый погибший герой производит на свет миллионы героев. История — это ветер. Смерть героя — это искра. Так рождается пожар мировой революции. Сначала Сирия, потом Россия.

Бородач поклонился Торобову и отправился к своим спутникам. Стал что-то внушать им вполголоса.

Торобов увидел, как мимо него прошел еще один юноша с короткой бородкой, в узорной восточной шапочке. Он нес корзину, которая была полна яблок. Золотистые, с красными наливными боками, они были тяжелыми, так что у юноши отвисла рука. Он поднес корзину товарищам. Они заглядывали в нее, выбирали яблоки. Сидели на земле, и каждый держал светящийся плод, боясь его надкусить, такой красивый, драгоценный он был. Один юноша кинул яблоко другому, и тот ловко его поймал и кинул обратно, в ответ. Еще один бросил яблоко товарищу, и ладонь, поймавшая плод, издала мягкий шлепок. Они сидели кружком и кидали друг другу яблоки. Плоды взлетали, золотистые, алые, крутились в воздухе, попадали в ловкие ладони.

Торобов любовался их игрой. Опытные бойцы, искушенные в войне, в лесных засадах, в нападениях на полицейские участки, сейчас они, как дети, отдавались детской забаве.

Торобову предложили яблоко, но он вежливо отказался.

Возле машин, под навесами, возле деревьев, где лежали люди, началось движение. Люди поднимались с места, шли все в одну сторону, прочь от дороги. Извлекали платки, стелили на землю и начинали молиться. Одновременно, подчиняясь таинственной слаженности, падали ниц, поднимались, замирали, обращая ладони к небу, снова падали лбом на землю. Так одновременно, под дуновением ветра, гнутся стебли травы.

Торобов чувствовал этот ветер, летящий с небес к земле.

Раздались крики, зарычали моторы. Таможенники, завершив оформление документов, стали пропускать машины. Сначала тяжело выруливала, проезжала под шлагбаум колонна фур. Следом прошли красные автобусы и мелкие грузовички. Торобов видел, как молодые люди с бородачом повскакали в синий микроавтобус, на дверце которого была нарисована бутылка пепси. Сам же сел в кабину грузовичка, рядом с тощим длинноносым водителем. И вся длинная колонна машин потянулась сквозь ворота таможни, втягиваясь на территорию Сирии.

Приграничный город, сквозь который проходила колонна, казался гончарно-желтым, полным горчичной пыли, в которой клубилась толпа, вспыхива-

ли то зеленые, то малиновые хиджабы. Торобов заметил, как на площади тощий верблюд надменно воздел свой библейский нос.

За городом потянулись оливковые рощи, сверкнула синей главкой мечеть, заволновались бурые холмы, над вершинами которых гуляли пыльные ветры.

— Что возишь? — спросил Торобов шофера, перед носом которого качалась стеклянная птичка, созданная из разноцветных бусин.

— Вожу запчасти. В Турции покупаю, в Сирии продаю. На разницу живу. Чтоб с голоду не пропасть.

— Тяжелый труд, — посочувствовал Торобов.

— Раньше хорошо жил. Земля была, дом был, оливки были. Теперь ничего.

— Разбомбили?

— Сосед-христианин отсудил. У нас христиане всю власть захватили. Глава христианин, судья христианин, полицейский христианин. Творят что хотят. Мусульман прижимают.

— А говорят, мусульмане их обижают.

— Христиане дружнее. Один за одного. Злые, жадные. Все деньги их. Безбожники. Как это может быть, что три бога вместо одного? У мусульман один Всевышний, а у них три. Как такое бывает?

— Верят в Троицу.

— Ненавижу христиан. Будем их резать, стрелять. Возьму назад дом, землю, оливки. — Водитель мотал длинноносой головой, и стеклянная птичка кивала клювиком в знак согласия.

Они обгоняли колонну фур, крытые брезентом коробка, шумящие моторами и ветром. Перед ними мчался синий микроавтобус с рекламной пепси. Торобов старался разглядеть в нем молодые, с темными бородками лица.

Он услышал страшный толчок, будто наскочили на столб. Хлестнуло разбитым стеклом и туго ударило ветром. С хрястом огня лопнула соседняя фура, ее подняло на дыбы, и она стала наползать на идущую впереди, из переломленного надвое кузова рвался огонь и дым. Обе фуры летели с дороги в кювет, заваливаясь набок.

Еще два взрыва хрястнули впереди на дороге. Сквозь клубы дыма летели яркие брызги. Грузовичок снесло на обочину, и он скакал по ухабам, словно хотел взлететь. Водитель и Торобов вывалились на землю, окруженные грохотом.

Взрывы вздымались на трассе, в гуще машин, на обочине, среди песчаной степи. Фуры переворачивались, крутили в небе колесами, падая, начинали гореть.

Торобов, оглушенный, ошалелым взглядом видел, как череда ударов движется вдоль трассы, пробивает в фурах рваные дыры. Низко, сквозь дым, на

бреющем полете пронесся самолет с заостренными крыльями и красной звездой. Ушел вдаль, поливая трассу из пушек. Взмыл, исчезая на солнце.

Еще одна волна разрывов приближалась, раздувала над трассой шары дыма. Прокатилась, дунула зловонным жаром, уходя к голове колонны. Следом, с грохотом пушек, воем и свистом, пронесся самолет с красной звездой. Взмыл к солнцу.

Торобов безумной мыслью провожал самолет, который был для него посланием Родины. Родина торопила его исполнить задание, указывала взрывами цель, куда он должен спешить.

Самолеты ушли и не возвращались. Кругом горело, чадило. Из разломанных фур вываливались лафеты, орудийные стволы, зарядные ящики. Множество мелких машин горело, сцепившись, как жуки.

Торобов, держась за голову, брел вдоль дороги. Увидел на жухлой земле красное яблоко. Через несколько шагов другое. Близко синел микроавтобус с бутылкой пепси на раскуроченном борту. Сквозь дверцу прошел снаряд и разорвался внутри. Из разбитых окон сочился дым. Виднелась голова бородача с белками немигающих глаз, валялась у колеса обгорелая афганская шапочка.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Они приближались к городку, в окрестностях которого шли бои. Вооруженные отряды ИГИЛ сражались с регулярной сирийской армией.

Грузовичок, уцелевший во время бомбежки, дребезжал, расшатанный взрывами. Стеклянная птичка исчезла и больше не кивала клювом. Водитель что-то бормотал под нос, быть может, молился, и у него дрожали руки.

Торобов чувствовал, как ломит в висках, слюна во рту обрела отвратительный кислый вкус. Ему казалось, что у него на груди под одеждой пламенела красная звезда. Жгла, сочилась сукровицей. Ее сбросили ему на грудь русские самолеты, которые прилетели из России, отыскиали его в сирийских холмах и положили метку на грудь. Торопили с выполнением задания, которое он проваливал.

Фарук Низар оставался неуловим. Находился где-то здесь, среди пыльных городков и селений, в рассыпанных по степи партизанских гарнизонах, окруженный кольцами охраны. Перемещался с места на место, недоступный для взрывника или снайпера. Он был неуязвим. Пылающая под рубахой звезда побуждала Торобова к отчаянному, крайнему средству. Еще в Москве, продумывая множество комбинаций, даже самых рискованных, он оставлял это средство про запас.

Он расплатился с водителем, пошутив на прощание, что, видимо, один из них праведник, если бомбы их пощадили. Пошел бродить по пыльному городу, несущему на себе признаки прифронтового. На площади стояли большие автобусы, толпились люди, много женщин с детьми, стариков с кулями и сумками, с потерянными, обреченными лицами, какие бывают у беженцев и погорельцев.

На тротуарах высились мешки с песком, из амбразур торчали пулеметы, защищая подъезды зданий, где размещались военные.

Среди машин, истошно гудящих, объезжающих рытвины, попадались грузовики с вооруженными людьми. Поверх гражданских пиджаков и безрукавок были намотаны пулеметные ленты, над головами развевались черные знамена ИГИЛ с белой арабской вязью.

Прокатил тягач с орудием, которое подскакивало на выбоинах.

Он зашел в харчевню под навесом и заказал баранину в сладком соусе и большой чайник с чаем. Смотрел на улицу, на мелькавших людей, с наслаждением вкушая душистый соус, макая в него хлеб. Долго, растягивая время, пил чай.

Расплачиваясь, спросил у служителя:

— Как жизнь в городе?

— Жизнь хорошая. Вчера два раза снаряд прилетал. Но никого не убило.

— Слава Аллаху.

— Слава Аллаху.

Покинув харчевню, двинулся по главной улице, высматривая здание, где мог оказаться штаб. Нашел таковое. Перед входом полукругом были выложены мешки с песком. За ними виднелись бойцы с автоматами. На крыльце стоял громадного роста боевик с черной бородой от ушей, в пятнистой панаме, в разгрузочном лифчике, в котором набухли автоматные рожки и гранаты. Он угрожающе смотрел на проходящих, и казалось, ему не терпится схватить кого-нибудь и хорошенько встряхнуть.

Торобов подошел к нему и сказал:

— Брат, отведи меня к своему командиру.

— Зачем тебе? — грозно спросил здоровяк, нависая над Торобовым.

— Отведи. Ему это важно.

— Ты кто такой? — в белках у бородача наливались розовые сосуды, грудь вздымалась, и на ней шевелились рожки и гранаты.

— Я русский разведчик. Отведи к командиру.

— Сумасшедший? Может быть, тебя пристрелить?

— Отведи. Вот увидишь, ему это важно.

Здоровяк смотрел на Торобова, словно раздумывал, сбросить его с крыльца или набить свинцом.

Что-то в его свирепом лице качнулось. Он открыл дверь, схватил Торобова за локоть и швырнул в коридор. Пихал в спину, громыхая сзади бутсами.

Открыл одну из дверей и бедром задвинул в нее Торобова.

За столом сидел человек с измученным желтым лицом. Кисть руки его с проступавшим бурым пятном была забинтована. В углу стоял автомат. На столе лежали бумаги, дымилась чашечка кофе.

— Абу Омар, привел к тебе человека. Говорит, что русский разведчик. Скажи, что делать. Могу башку отрезать. Могу только язык.

Раненый человек поднял тоскующие глаза, поморщился от боли.

— Я — Торобов Леонид Васильевич. Полковник русской разведки. Прибыл для выполнения специального задания. Мне нужно встретиться с Фаруком Низаром.

— Кто такой Фарук Низар? — Глаза командира зажглись острым любопытством, и было видно, что он забыл о боли.

— У меня есть секретное сообщение для Фарука Низара. Помогите с ним встретиться.

— Обыщи его, — приказал командир здоровяку. Тот охлопал Торобова от плеч до щиколоток в поисках оружия, а потом стал шарить по карманам с неожиданной ловкостью огромных пальцев. Выкладывал на стол русский и сирийский паспорта, пухлые пачки долларов и сирийских лир, мобильный телефон, многоцветную пухлую авторучку с надписью «70 лет Победы», посадочный талон на борт самолета, доставившего Торобова в Стамбул.

Командир просмотрел паспорта, помусолил доллары, смахнул все это в ящик стола.

— Запри его, — приказал командир.

Здоровяк, грозно шевеля бородой, потащил Торобова в конец коридора, втолкнул в полутемную комнату:

— Подумай о своих грехах. А то к вечеру думать нечем будет, — и ушел, чавкнув замком.

Комната напоминала камеру, без кровати, без стула, с узкой щелью под потолком, в которую дул ветер. У стены стояло ржавое зловонное ведро. Торобов опустился на пол, подальше от нужника, и стал ждать.

Операция, которую он задумал, была смертельно опасна, но он рискнул и ждал, чем завершится его риск: встречей с Фаруком Низаром или одиночным выстрелом на задворках военного штаба. Его могли пытать, выуживая истинные цели его появления. Или весть о нем могла не дойти до Фарука Низара, затеряться среди множества полевых командиров, и один из них мог попросту его пристрелить. Но другого средства не было, и он ждал.

Он замер и погрузился в таинственный поток времени, отдаваясь тому, что зовется судьбой. Теперь не он управлял своей жизнью, а беззвучный поток принял его в свои объятия и повлек. Так чайка ложится на крыло, и ее несет, чуть покачивает, не выпускает из воздушной струи. Так река колеблет одинокую льдину, поворачивает, приближает то к одному берегу, то к другому, и льдина сверкает, плывет, подчиняясь загадочной воле реки.

На берегах этой реки возникали видения. Он видел себя мальчиком, болезненным, хрупким, листящим старинные фолианты из фамильной библиотеки отца. Он раскладывал книги на письменном столе орехового дерева, на зеленом потертом сукне. На этом столе помещалось множество удивительных предметов, занимавших его воображение с младенческих лет до юношеского возрастания. Чего стоил литой стеклянный шар, где обитал стоцветный паук, морское чудовище, на которое он смотрел с мистическим страхом из своей детской кровати. Или старинная чернильница из черного камня, со стеклянными кубами и бронзовыми подсвечниками, в которых сохранился воск давнишних свечей. Или бронзовый морж с плоским брюхом, из которого ножичком вывинчивались крохотные винтики и открывалась тайная полость, куда можно было прятать заветные записки. Или китайская ваза с зубастым драконом, купленная прадедом в Париже. Или лакированная черная коробка с серебряными журавлями, которая называлась «берлинской», ибо ее приобрел в Берлине другой его прадед.

Но самое восхитительное, чем он мог любоваться, сидя за столом, была разрушенная колокольня, смотревшая к нему в окно. И когда делал уроки, отвлекаясь от скучных учебников, и когда ложился спать, а она заглядывала из сумерек в его детскую кровать. И утром, когда просыпался с ликованием, влетал в перламутровый мир.

Он видел эту колокольню в младенчестве. Видел в пору первой любви. Она была то золотой, то розовой, то нежно-алой. Была в снегах, в дождях, в туманах. На ее разрушенной кровле зелененьким облачком распускалась березка. Эта колокольня смотрела на него и днем и ночью, во все времена года.

Взрачивала его, лелеяла, за многие годы напита-ла своим тихим божественным светом. Разрушенная и поруганная, продолжала изливаться в мир чудесную красоту. И, быть может, все доброе и возвышенное, что он сберег в своей душе, было подарено ему колокольней. В течение всей его грозной и жестокой жизни сберегала его от злодеяний, не давала впасть во тьму, спасала от смерти.

Торобов думал теперь о колокольне как о животворящей силе и женственности. Не она ли, засыпан-

ная январским снегом, в морозной синеве, спасла его сегодня на трассе во время атаки русских самолетов? Не она ли в золотистом сентябрьском воздухе, среди тончайших нитей осени уберегла его от пули на багдадском рынке? Не она ли, фиолетовая, как гроздь сирени, совершила чудо в ливийской пустыне, и его, ведомого на расстрел, отпустили на волю? Не она ли, размытая, в стеклянном дожде, удержала его у порога заминированной виллы, и взрыв его не достал? Не она ли, темная, на малиновой заре, окруженная вороньей стаей, заслонила его от израильских бомбардировщиков в Газе, отвела пули и осколки снарядов? И теперь, в каземате со зловонным ведром, не спасет ли она его, заглядывая сюда из ночного московского переулка, где качается желтый фонарь?

Он думал о колокольне, которая вдруг превратилась в бабушку, в маму, в жену, в самых дорогих и прекрасных женщин, которых ему даровала судьба.

К вечеру за ним зашел новый охранник, скуластый коротыш, похожий на уйгура. Что-то сердито буркнул, требуя встать. Торобов оказался в знакомой комнате, но теперь за столом сидел худощавый, с утонченным лицом человек, в очках с золотой оправой. На его длинном смуглом пальце красовался перстень с черным камнем. Свежий, хорошо выглаженный камуфляж не скрывал белоснежную сорочку. Он предложил Торобову сесть.

— Господин Торобов, если я не ошибаюсь?

— Да, я Торобов Леонид Васильевич.

— Вы называете себя офицером российской разведки?

— Полковник российской военной разведки. Если у вас есть доступ к картотекам, вы можете в этом убедиться.

— С какой целью вы оказались в Сирии?

— Я уже сказал, что ищу контакт с Фаруком Низаром. У меня есть для него конфиденциальное сообщение от российского руководства.

— Я не знаю никакого Фарука Низара. И, тем не менее, что это за сообщение?

— Я могу передать его только Фаруку Низару. Скажу только, что оно касается военных действий.

— Мне вы не хотите довериться?

— При всем уважении, нет. С Фаруком Низаром меня связывает давняя дружба. Мы вместе готовили доклад Саддаму Хусейну о поставках российского вооружения.

— Как вы сюда добирались?

— Обычным транспортом. Попал под авиаудар русских самолетов.

— Это русские обеспечивали вам прикрытие с воздуха.

Сидящий за столом человек усмехнулся, слегка ударил ладонями по кромке стола, давая понять, что разговор завершен.

Появился сердитый уйгур и препроводил Торобова в камеру. За время, что он отсутствовал, в камере появился тюфяк и кувшин с водой.

Ночь была томительной. Снаружи слышались голоса, женский смех, урчанье моторов, взывание мюзэдзина и далекая артиллерийская канонада.

Торопов лежал на матрасе и чувствовал, как в темноте, за пределами камеры, за пределами города, среди путаницы человеческих отношений, коварных замыслов, лукавых мотивов и помыслов, решается его судьба. По законам таинственной химии, в реторте, что находится в руках Господа Бога, смешиваются бесчисленные растворы, происходят реакции, выпадают осадки, среди которых конечным осадком является его судьба. Его жизнь, его смерть. Грядущее утро, которое либо продлит его существование на земле, либо его оборвет. Он, затеяв смертельную комбинацию, запустил реакцию и уже не способен на нее повлиять. Ему остается лежать на грязном матрасе, рядом с помойным ведром, уповая на волю Того, что держат в своих дивных руках чашу его судьбы.

Утром в его камеру принесли маленький столик, скамеечку. На столик поставили блюдо с душистым пловом, чайник и чашку, вазочку со сладостями. Он сидел на резной скамеечке, хватал шепотью рис, чувствуя запахи специй, глотая ломти мягкой баранины. Это угощение сулило смягчение его доли, внушало надежду, что его комбинация не провалена.

Охранник, теперь не уйгур, а круглолицый, с узкими глазами киргиз, повел его по коридору в комнату, где он уже побывал дважды. На этот раз из-за стола гибко поднялся молодой человек с белыми волосами, тонким лицом, играющими голубыми глазами. Он был подвижен, все его тело, губы, белесые брови, крыльца узкого носа двигались, играли. Казалось, он пританцовывал, нервно веселый, в такт какой-то страстной, темпераментной музыки. Он радовался появлению Торобова, как радуются чему-то новому, нескучному, не похожему на все, что являлось ему прежде.

— Прошу садиться. Господин Торобов, не так ли? Господин полковник, если я не ошибся в звании? — Его арабский язык был с акцентом, интонации давались с трудом, и Торобов подумал, что язык он изучал не в живом общении, а штудировал на кафедре восточных языков в каком-нибудь европейском университете. — Меня зовут Салах Новруз. До того, как я принял Ислам, меня звали Курт Зольде. Вряд ли вам знакомо мое имя.

— Отчего же? Вы немец, дизайнер. Человек, близкий к Фаруку Низару. — Торобов цепкой памятью удержал ту часть своей беседы с Джеханом Махди, где тот назвал имя немецкого дизайнера.

— Вот как! — весело удивился немец. — Для меня большая честь знать, что мною интересуется русская разведка. Вы действительно хорошо готовились, направляясь сюда.

— Я хочу увидеть Фарука Низара и выполнить данное мне поручение.

— В чем же смысл этого поручения?

— Нам нужны контакты с руководством ИГИЛ, чтобы обсудить некоторые стороны взаимодействия.

— Вчера, на дороге, вы стали свидетелем этих форм. Ответом на эти русские инициативы могло бы стать появление в наших рядах переносных зенитно-ракетных комплексов.

— Речь идет о мирном процессе. На одном из своих брифингов наш президент заявил, что ИГИЛ не представляет для России стратегической опасности.

— И после этого он прислал в Сирию бомбардировщики.

— Все это мне поручено обсудить с Фаруком Низаром.

— Фарука Низара нет сейчас в Сирии. Может быть, вы посвятите меня в суть поручения, чтобы я мог ему передать в самых общих чертах?

— Мне поручено передать сообщение только ему.

— Вы утверждаете, что общались с Фаруком Низаром в Багдаде?

— Мы сотрудничали. Я бывал у него дома. Вместе мы несколько раз посещали Саддама Хусейна.

— Как вы думаете, что заставляет российское руководство искать контакты с нами?

— Мотивы мне не известны. Но мне кажется, что в Кремле осознают безнадежность союза с Европой. Напротив, назревает война. Кремль хотел бы разгрузить свой южный фланг. Нельзя воевать со всем миром.

Курт Зольде взыграл. Острые плечи, кисти рук, нервная шея сотряслись мелкой судорогой. Глаза стали синими, мечтательными и — жесткими. Губы порозовели, будто он раздавил во рту сочную ягоду.

— Современная Европа — это склад утомленных народов, погасших государств, мертвенных политиков. Европа — это рыба, у которой евреи выклеивают глаза, печень, сердце, а она только жалко шевелит плавниками.

Американский бык увлек через океан на загривке беспомощную изможденную деву, но, видит Бог, из розовой пены вновь возродится прекрасная Афро-

дита. — Курт Зольде говорил певуче и страстно, в голосе звучало обожание, ненависть и мечта.

— Германию после Второй мировой войны сожгли, пепел запаяли в цинковый гроб, зарыли в землю, залили бетоном, положили стальные плиты, а сверху построили синагогу. Но эта синагога шевелится, ее качает. Сквозь сталь и бетон, из подземного саркофага рвется к солнцу новая Германия. Великая исламская революция дует в поднебесную трубу, вызывает к народам и странам. Бог возвращается в историю. История новой Европы — это возвращение к великим истокам, когда европейский дух вместе с германской готикой стремился в лазурь, когда музыка питалась глубинными тайнами германской судьбы, будила древних героев и уснувших валькирий, и те мчались впереди великих полков и армий. Ислам своей богооткровенной энергией, своим упованием на божественную справедливость, своей необъятной мечтой плавит сухую коросту современного мира. И хлынул свет. Из этого света, как чудо, возникло Исламское государство. Зеркало, которое отражает божественный свет, озаряя им душу отдельного верящего человека и целые сбрасывающие оковы народы.

Курт Зольде испытывал восторг, дрожал и звенел, как труба, сквозь которую дуют пророки. Торобову казалось, что пред ним человек, которым движет не здравый смысл, а перст Божий, даже если этот перст указывает в бездну. И от этого человека зависела его судьба, зависела судьба операции. И, стараясь не прервать это безумное песнопение, не спугнуть эту загадочную птицу с хищным клювом и небесной расцветкой, Торобов произнес:

— Вы художник, дизайнер. Вы создаете образ Великой революции, мирового государства, божественного преображения мира. Тогда зачем такая жестокость? Зачем эти отрубленные головы, запаянные в жидкое стекло? Зачем мученики в оранжевых балахонах с черными палачами за спиной? Эти античные шедевры, гибнущие под кувалдами бородастых безумцев? Разве это пленительный образ для человечества?

— Извержение вулкана ужасно, но и прекрасно. Старый мир умирает, и мы провожаем его на эшафот, как провожают приговоренного к казни. Старый мир содрогается от ужаса, посылает на нас самолеты и авианосцы. Но крылатые ракеты и бомбы отскакивают от клинка, который вздымает над головой казнимого отрок в черных одеждах.

Курт Зольде умолк, сник, выглядел усталым и вялым, словно вся его энергия улетучилась, как гаснущий факел. У переносицы в уголках глаз возникла болезненная синева. Губы стали бескровными, гибкое, как у гимнаста, тело одрябло. Он устало сказал:

— Вы, господин полковник, утверждаете, что были знакомы, даже дружили с Фаруком Низаром? Тогда согласитесь на необременительную процедуру. Мы отправим ваши фотографию туда, где сейчас находится Фарук Низар, и будем ждать ответа.

В комнату вошел фотограф со штативом. Он был в синей артистической блузе, по виду европеец. В мочке уха золотилась серьга, на шее виднелась табуировка, завиток драконьего хвоста. Попросил Торобова встать и сделал несколько снимков анфас и в профиль.

Как это делают при поступлении узника в тюрьму.

— Не скучайте, господин Торобов. Мы скоро увидимся. — Курт Зольде протянул Торобову руку, и тот пожал его вялые холодные пальцы.

Он вернулся в камеру и предался размышлениям.

Его жизнь казалась ему ярко очерченной в своем центре, и туманной, размытой по краям. В центре было знание, проверенное опытом, чтением книг, собственным разумением. Но, чем дальше от центра, тем знание становилось неопределенней. Становилось воспоминанием о каком-то ином знании, дарованном ему, но позабытом.

Он старался вспомнить это знание, преодолеть туманную размытость, но это удавалось редко и было похоже на пробуждение во сне. Мир выглядел так, как выглядит в замороженное окно. Дыханье растапливает иней, и открывается зеркальце, в котором отчетливо виден мир. Но потом зеркальце начинает затягивать изморозь, и мир сужается, почти исчезает. И надо снова дышать на белые узоры, чтобы в растаявшем зеркальце открылся мир.

Он ждал, что, быть может, однажды жарким молитвенным вздохом он растопит иней стекла и мир с его дивными тайнами откроется ему во всей полноте.

Его снова вызвали в комнату допросов. Курт Зольде встретил его сердечно:

— Все прекрасно, господин Торобов. Фарук Низар рад был получить ваши фотографии. Тепло о вас отозвался. Сейчас его нет в Сирии. Он лечится от контузии. Пройдет несколько дней, и мы направим вас к нему. Но до этого Фарук Низар приказал не оставлять вас без внимания и быть рядом с вами. Я выполняю его приказ. Все это время мы будем вместе, но, разумеется, не в вашей камере, а на воле, где я и мои соратники готовим материалы о нашей вооруженной борьбе. Возвращаю вам ваши вещи. — Он достал из ящика русский и сирийский паспорта, мобильный телефон, сирийские лиры и американские доллары, авторучку с надписью «70 лет Победы» и посадочный талон на борт турецкого лайнера.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

— Вот карта. — Зольде расстелил перед Торобовым зелено-коричневую карту с обозначением оборонительных рубежей. — Здесь на высоте закрепились «башары». — Он ткнул острым пальцем на серо-коричневое пятно, вдоль которого проходила дорога. Торобов догадался, что «башарами» Зольде называет войска Башара Асада. — Эта высота контролирует дорогу на Алеппо, и мы сегодня выйдем оттуда противника. — Он эффектно щелкнул пальцем по карте. — Вот тут женский христианский монастырь, где заперлись двадцать монашек, тучных коров, а «башары» разместили свой наблюдательный пункт. А здесь, — он провел острым ногтем по зеленому полю карты, — сосредоточились наши силы, будут брать высоту. Моя съемочная группа станет снимать атаку, и эти кадры уже к вечеру наводнят сеть. Что ж, в дорогу, господин полковник! — насмешливо произнес Зольде, словно собрался устроить представление специально для Торобова.

Они погрузились в два джипа и выехали из города. Курт Зольде вел передний джип, усадив рядом телеоператора, того, что утром фотографировал Торобова, в синей блузе, с золотой серьгой. Торобов сидел на заднем сиденье, стиснутый двумя бородачами. От одного пахло луком, от другого одеколоном. В бок Торобова упирался приклад автомата. Во втором джипе находились два оператора и охрана.

Дорога была пустой, местами в воронках. На обочине пару раз попадались обгорелые фуры. Через полчаса, подъезжая к холмам, Торобов услышал далекий удар пушки, а еще через полчаса раздались отчетливые пулеметные очереди.

Они выехали на передовую, где скопилось подразделение, названное Зольде батальоном. Сотня разношерстных боевиков, вооруженных ручными пулеметами, автоматами и гранатометами, кто сидел, кто лежал на склоне, откуда не видна была кромка соседнего холма, на котором закрепился противник. Командир батальона, увидев Зольде, вскочил и повоенному отдал честь. Он был немолод, с крепким, коричневым от солнца лицом, орлиным носом и осторожными, чуть раскосыми глазами, которые наделяли его боковым зрением. Он был в камуфляже, опоясан капроновым ремнем, на котором висела кобура с пистолетом. На тонком ремешке на груди висел полевой бинокль. У него были мягкие упругие движения охотника, привыкшего пробираться, затаиваться, терпеливо ждать, наносить удар из-под земли, из потаенной рывтины, из ночной темноты. Что и позволило ему, находясь в военном пекле, под ударами артиллерии и авиации, дожить до седых волос,

которые картинно кудрявились из-под пятнистого картуза.

— Что я буду снимать? — начальственно спросил Зольде. — Вам объяснили задачу?

— Задача — атаковать и взять укрепрайон на горе. Но атака в лоб невозможна. Мы несколько раз атаковали и откатывались, неся потери.

— Никто не просил вас атаковать до моего прибытия. Сейчас вы начнете атаку силами всего батальона, а я стану снимать вашу атаку и рукопашную схватку на вершине холма.

— Но я положу под пулеметами весь батальон. Я собрал его в Иордании и лично обучал каждого в течение двух месяцев. Я обещал им, что проведу их по улицам Дамаска и мы сфотографируемся во дворе Башара Асада.

— Фильм, который мы снимаем о героях вашего батальона, нанесет врагу урон в сто раз больший, чем все ваши автоматчики. Фарук Низар рассчитывает, что вы станете главным героем фильма.

— Я боюсь потерять батальон.

— А я боюсь потерять драгоценное время, — оборвал его Зольде и стал карабкаться по склону туда, откуда открывались соседние холмы.

Торобов, вслед за ним и комбатом, добрался до кромки и лег, озираясь.

Впереди открывалась залитая солнцем седловина. Она полого восходила к вершине холма, на котором виднелись брустверы окопов и стояла легкая гарь, быть может, от невидимого костра. В стороне, на соседних холмах, виднелся монастырь. Белели постройки, возвышалась колокольня с крестом, который горел на солнце. По седловине, вразброс, темнели бугорки — недвижимые тела тех, кто погиб при недавней атаке. У некоторых отсвечивали автоматы.

— Вы начнете атаку, и я, и мои операторы пойдем вместе с вами. Вы продемонстрируете тактику, какой вы обучали своих бойцов. Наш фильм будет учебным пособием, рассказывающим, как надо сражаться за Исламское государство и умирать за Аллаха. Его будут показывать в окопах, в домах, в мечетях. Враг, который посмотрит в Интернете наш фильм, поймет, что он обречен. Нам нужна предельная достоверность. Через десять минут начинаем. Солнце благоприятствует съемке.

Они вновь спустились в низину. Комбат окриком поднял бойцов. Те строились, опускали рядом с собой тяжелые пулеметы, звякали гранатометами. У многих за спинами расходились лучами заостренные стрелы гранат.

Комбат расхаживал перед ними, остановившись, говорил:

— Братья, вас родили разные народы и земли, вас кормили молоком разные матери. Но вы приеха-

ли сюда, повинуюсь Небу, каждый из вас слышал один и тот же голос — голос Всевышнего. Теперь все мы родные братья, у нас одна мать — наша вера и один отец — пророк Мухаммед. Сейчас мы пойдем вперед под огнем пулеметов, и не все дойдут до вершины. Тот, кто умрет в начале атаки, первым попадет в рай и будет встречать в раю тех, кто умрет позже. И все шахиды, умершие во время атаки, станут встречать в раю тех, кто останется жить и проживет долгую жизнь. Я всегда был с вами и буду с вами сейчас. Первым пойду в атаку. Дамаск ждет вас, его прекрасные дворцы и мечети, его богатые магазины и красивые женщины. Аллах Акбар! — Он выбросил вверх кулак. Строй громогласно, пылко, единым дыханием вторил: «Аллах Акбар!»

Операторы шли вдоль строя, вели камерами, приближали их к лицам, молодым, страстно взирающим, побледневшим от предчувствия близкого чуда, боли, взлета в сияющую бесконечность. О ней вещала им лазурь мечетей, синева небес, могучий и любящий голос Творца, который сотворил цветы и звезды, города и дороги, людей и птиц и требует от каждого умереть в бою, чтобы дивное творение Господа не погибло, не померкло, одарило каждую жизнь несказанным блаженством.

Оператор в синей блузе с серьгой в ухе вел камерой от лица к лицу. Камера маленьким стеклянным хоботком впивала с их лиц эту сладостную мечту, как пчела впитывает нектар, облетая цветок за цветком.

— За мной! — приказал комбат и стал упруго взбираться по склону, увлекая других. В его руках оказалось знамя, черное полотнище с белоснежной выющейся надписью: «Аллах Акбар!» Другое знамя, поменьше, с той же белой, похожей на виноградную лозу надписью, сжимал молодой боец с тонкой шеей, острым юношеским кадыком и маленькой бородкой на красивом лице.

Батальон лежал у обреза низины, скрытый от противника. Торобов поднимал голову, видя солнечное пространство седловины, по которой покатится атака. Ему казалось, в этой пустоте образовался таинственный коридор, невидимый световод, по которому побегут атакующие, помчатся горячие молодые тела, полетят души, излетевшие из убитых тел.

Чадила гарью удаленная вершина холма, золотился монастырский крест.

Торобов не понимал, чьей неведомой волей он включен в чужую войну, в чужую атаку, одну из бесчисленных, где одни одухотворенные люди стремятся убить других. И что значит для его жизни эта смертоносная атака, в которую был занесен, словно случайная песчинка? Кому расскажет о ней? Перед кем покается?

— Аллах Акбар! — прорычал комбат. Оттолкнувшись стопой, вскочил и, размахивая знаменем, тяжело побежал на склон. За ним молодо, ловко, с радостью и азартом вскакивали бойцы и длинными скачками неслись наверх, выставив гранатометы и пулеметы. Бежали операторы с камерами. Бежал Зольде с какой-то струящейся, змеиной стремительностью.

Торобов неловко поднялся, попытался бежать, но тут же задохнулся. Пошел тяжело, пропуская мимо волну атакующих, молодого знаменосца, на лице которого сияла восхищенная улыбка.

Вал прошелестел, протопал, сипло продышал, и Торобов, отстав, видел, как течет вверх поток атакующих, как выются два знамени, блеснит, удаляясь, оружие.

На вершине холма, на размытой кромке затрепетал огонек пулемета, следом другой, третий. Загрохотало, и в рядах атакующих началось смятение, несколько бойцов упали, их оббегали, вокруг других останавливались, наклонялись, пытались помочь. Молодой знаменосец стал спотыкаться, падать, тянул ввысь знамя, а сам оседал, поворачивался вокруг древка, как вокруг оси. Рухнул, выпустив стяг. Комбат, развевая знамя, что-то кричал. И его крик, колыханье черного полотнища с белой вязью перестраивало лавину атаки. Гранатометчики выстраивались в рваную цепь, пускали гранаты. Дымные стебли летели к вершине, взрывались на кромке, глуша огневые точки. Пулеметчики пробегали сквозь их неровную цепь, открывали огонь, били от животов на бегу, рыхля и туманя кромку. Пока грохотали ручные пулеметы, гранатометчики вставляли в трубы острокопечные гранаты и били по вершине, накрывали ее вспышками и клубами разрывов. Пропускали сквозь свои ряды пулеметчиков. И все это грохочущее, дымящее скопище удалялось от Торобова, приближаясь к вершине.

Загудел, зарокотал, мешаясь с пулеметным грохотом, стоголосый рык: «Аллах Акбар!» И весь склон, как упругая ткань, стал стягиваться к вершине.

Было видно, как навстречу с вершины ринулся встречный поток, и оба потока смешались, спутались, стреляли, пронзали друг друга огненными иглами, слипались в клубки, катились вниз по склону.

Торобов шел туда, где ревела рукопашная. Задыхался, без оружия, не понимая смысла своего восхождения, чувствуя влекущую его безымянную волю, от которой он не мог уклониться.

Темный ком стреляющих и орущих достиг вершины, перевалил и скрылся, и там, где исчезли люди и где кануло черное знамя комбата, продолжали стрелять и реветь, окутывая вершину бледной солнечной пылью.

Торобов останавливался, тяжело дышал и снова шел. Курт Зольде кружил по склону, указывая оператору в синей блузе, что ему должно снимать.

— Вот этого, с оторванной рукой! — Он наклонился и вкладывал в оторванную руку автомат. — Рука героя оторвана, но продолжает стрелять!

Подошел к знаменосцу, потерявшему в падении знамя. На молодом лице все еще светилась блаженная улыбка. Зольде вкладывал в мертвые руки шахида черное знамя, расправлял ткань, чтобы видна была священная надпись.

— Герой убит, но он не выпустил знамя. На лице его улыбка, потому что он видит рай.

Торобов сел, чувствуя, что сердце его может разорваться. Вокруг него на жухлой траве лежали убитые. Два или три человека пытались подняться и снова падали, замирали. Он заметил, что у его пыльного башмака расцвел крохотный синий цветочек, вестник весны. Его не затоптала атака, не затоптал пыльный башмак Торобова.

Торобов не боялся здесь умереть. Не боялся сплунуть, так и не выполнив боевое задание. Он боялся умереть, так и не поняв, почему он должен исчезнуть здесь, на чужой войне, на чужой горе, в одной из бесчисленных смертельных атак, результат которой не изменит мир, не изменит ход времен, не изменит рисунок небесных звезд и лепестков цветка, что расцвел возле его пыльного башмака.

— Господин Торобов, теперь вы можете считать себя шахидом. — Зольде насмешливо смотрел на него, и рука его, та, которой он поправлял знамя, была в крови.

Зольде хищной трусцой побежал к вершине, где еще звучали редкие выстрелы. А Торобов, одолевая немощь, продолжал восхождение, обходя убитых, брошенный ручной пулемет, зубчатую ленту. Ему казалось, он движется в незримом коридоре, который прорубила атака, накалила молекулы воздуха ударами пуль, предсмертными воплями, криками «Аллах Акбар!», и эти молекулы продолжали светиться.

Вершина, куда он ступил, казалась срезанной, как срезают горбушку. В рытвинах, траншеях, в разбросанных зарядных ящиках, с двумя орудиями, вокруг которых громоздились пустые закопченные гильзы, с тряпьем палаток, с перевернутой вверх колесами полевой кухней. Казалось, здесь прокрутился вихрь и умчался вдаль, где белесой линией тянулась дорога, сиял на соседней горе монастырский крест.

Но в этом хаосе разбросанных и умерщвленных предметов уже формировался порядок. Сидели на земле понурые, сокрушенные, взятые в плен «башары», без оружия, с расстегнутыми воротниками, с расцарапанными, запыленными лицами. Поодаль, собранные в груды, валялись их автоматы и пулеметы,

напоминали ненужные, сломанные в работе инструменты. Тут же лежали убитые, выложенные в ряд, напоказ, лицами к небу, в мокрой от крови униформе, еще не одеревенелые, хранящие в телах последние предсмертные судороги.

По другую сторону толпились победители, распаренные рукопашной, торжествующие, не зная, куда деть неизрасходованную энергию истребления. Поглядывали на пленных, нетерпеливо стискивая ручные пулеметы. Так же в ряд лежали убитые, воздев к небу заостренные молодые бородки, с такими черными пятнами крови из сочащихся ран, будто в мертвецах все еще бились сердца, выталкивая незастигшую кровь.

Черное знамя, укрепленное в зарядных ящиках, вяло обвисло. Комбат что-то докладывал Курту Зольде. Было видно, как из-под его волос бежит по лицу красная струйка. Операторы кружили, как медлительные грифы, нависая камерами над убитыми, словно готовились выклеивать им глаза.

Торобов присел на зарядный ящик, слыша, как сипло клокочет в нем дыхание, как жжет в груди. Ему открылось еще одно зрелище чужой победы и чужого поражения, и он не знал, как обойдется с этим зрелищем. Не опишет в книге. Не расскажет друзьям и близким. Не изложит в донесении. Быть может, запечатает в дальнем чулане памяти, и оно будет являться в случайных кошмарных снах.

Или принесет на суд Господу и не сможет объяснить, почему он оказался на этой безымянной вершине, почему видит молодое, начинающее каменеть лицо с белым оскалом зубов, почему так тускло отсвечивает ствол автомата, истертого о красноватую землю холма.

— Господин Торобов, — к нему приблизился Зольде и все с тем же исчезающим артистизмом, словно он был театрал, попавший на любимый спектакль, произнес: — Вас ждет сюрприз. Среди пленных мы захватили русского советника. Хотите с ним побеседовать?

Повел Торобова туда, где сидели пленные, испуганные, вжав головы, словно боялись побоев. Среди смуглых небритых лиц, черных тоскующих глаз Торобов увидел белесые волосы и голубые глаза человека, который сидел, ссутулив спину, снизу вверх смотрел на подходивших, мучительно сморщив лоб.

— Встань, — приказал Зольде, и человек, понимающий арабский, встал. — Поговорите с ним, господин Торобов, на родном языке. Из посторонних вас никто не поймет, — отошел, делая вид, что не желает мешать встрече двух соотечественников.

Пленный советник был худ, облачен в сирийскую форму без знаков различия, весь в красноватой пы-

ли, которая высыхала на потном лице. Пыль была в ушах, в ноздрях, на веках среди белесых ресниц, в корнях волос, под ногтями больших грязных пальцев, на шее, в морщинах лба. Быть может, его обдало пылью от взрывов. Или он катался по земле во время рукопашной. В нем еще клочкотал бой, но ярость боя была сломлена, воля растоптана, оружие вырвано из рук и лежало в бесформенной металлической грудке, над которой дрожал стеклянный воздух, как излетающий дух.

— Я полковник российской армии Торобов. Кто вы? Ваше звание, имя?

Пленный молчал, тоскливо водил глазами, не останавливая взгляд на Торобове. Смотрел на синешую низину с дорогой, на соседние холмы с золотым монастырским крестом. Казалось, он хочет оттолкнуться от вершины, от уложенных в ряд убитых, от груды измызганных стволов и прикладов. Расшвырять в броске победителей, что угрюмо и нетерпеливо взглядывали из-под суровых бровей, ожидая, когда им вернут добычу — поверженных, лишенных воли врагов. Он оттолкнется от вершины и взмоет, полетит над голубой равниной, над монастырскими главами с золотым сверканьем туда, где тают последние снега, где весенняя лазурь в вершинах берез, где на талых опушках распускаются голубые цветы.

— Повторяю: я офицер российской армии. Назовите ваше имя. Я сообщу российскому посольству в Дамаске. Оно вам поможет.

Пленный смотрел по сторонам, словно выбирал направление для своего броска и полета. Мимо застывших орудий с грудками истрелянных гильз и черного с белой вязью флага. Или, огибая убитых, мимо конвоира с черной бородой и ручным пулеметом.

— Вас могут обменять или выкупить. Но для этого я должен знать ваше имя.

Пленный перестал водить глазами, остановил взгляд на Торобове и плюнул в него липкой желтой слюной. Торобов почувствовал ожог этой ядовитой слюны, которая текла по его щеке. Отерся ладонью и отошел, видя, как, стоя в стороне, смеется Зольде.

Комбат с бинтом на лбу, сквозь который расплывалось пятно, что-то сказал солдатам. Вытянул из кармана платок и постелил его на истоптанную землю, среди рассыпанных автоматных гильз. И все его бойцы, достав платки, стелили их на землю и готовились к молитве.

Пленные пугливо, не сразу, поднялись и тоже стали стелить платки. Конвоир с пулеметом отложил оружие и постелил клетчатый мятый платок. И все, кто был на горе, стали молиться. Опускались на колени, падали ниц, касаясь лбами горы, разом разгибали спины, обращали ладони к небу, вставали и вновь, словно на них дул ветер, сгибались, опуска-

лись на колени, прижимались лицом к земле. Молились раненые, из которых сочилась кровь. Молился комбат, сжимая от боли глаза. Молились операторы, и у того, что был в артистической синей блузе, при поклонах вспыхивала в ухе серьга. Молился Зольде, постелив цветастую ткань.

Оставались стоять Торобов и пленный советник, на лице Торобова горел ядовитый плевок.

Он смотрел на молящихся, которые недавно убивали друг друга, визжали и кружили в рукопашной, падали на землю, на которую теперь постелили молитвенные платки. Разделенные ненавистью и убийствами, они молились единому Богу, который любил их всех, присутствовал в каждом, возвращал от первых младенческих дней, материнских сосцов, одаривал счастливыми утренними пробуждениями, когда мир кажется перламутровым, любимым и любящим, и Бог окружает их нежностью и обожанием. Они зывали к Творцу, моля об одном и том же. О продлении жизни, избавлении от ран и страданий. О том, чтобы Творец простил их прегрешения, ожесточение сердец, забвение милосердия. И Творец в бездонной синеве слышал их всех, каждому посылал в сердце луч света.

Торобов своей страдающей душой, своей слезной верой ждал, что воины, прозревшие в молитве, бросятся друг другу на грудь, станут обниматься, брататься, друг перед другом виниться.

Завершили молитву, встали, бережно складывали платки, пряча в карманах. Зольде встряхивал свой клетчатый плат и что-то говорил комбату. Тот тяжелым шагом приблизился к пленным. Стал их строить, пересчитывая, тыча каждого в грудь. Грубо оттолкнул советника. Три пулеметчика, опоясанные лентами, выступили вперед и с ходу, от животов, ударили очередями, кося пленных. Те в грохоте очередей падали, с криком разбегались, а их разили пули, они заваливались, шевелились, а вокруг бурлила земля от бесчисленных попаданий.

Пулеметы смолкли, из стволов струились дымки. Пулеметчики устало отходили, не глядя на бугрящиеся трупы. Оператор в синей блузе снимал, задирая камеру к небу, словно провожал отлетающие души.

Торобов стоял потрясенный. Расстрел был ответом Творца на молитву. Пленного советника ударами прикладов гнали с горы.

— Не проголодались, господин Торобов? — Зольде приглашал Торобова к подкатившему джипу. — Еще одно дело, и нас ждет обед.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Джип, в котором ехали Торобов, Зольде и оператор с серьгой, съехал с горы. К нему присоединились два

грузовика, полные боевиков. Попетляли по проселку, выехали на шоссе и по серпантину стали подниматься на одинокую гору, где стоял монастырь. Его стены казались скалистой породой, выступавшей из горы. Четверик храма был увенчан синими главками с крестами, среди которых самый большой золотился на солнце. Подкатили к монастырским воротам. Деревянные, синие, с красными разводами, ворота были закрыты. Боевики, соскочив на землю, стали стучать в ворота прикладами, стрелять в воздух, пока створа ворот не раздвинулась, и в щель выглянула седая кудрявая голова с кольчатой бородой. Боевики вытащили старика из ворот, растворили тяжелые створы, и джип с грузовиками въехали в монастырь.

Двор был пуст, повсюду были клумбы с цветами, пахло розами. Над входом в собор красовалась фреска Богородицы в голубом хитоне, с золотым нимбом. Младенец испуганно взирает на шумных вооруженных людей. Вдоль длинного кирпичного здания вела галерея, и по ней пробежали монахини, похожие на пингвинов, в черном, с белыми оторочками. Полную монахиню, которой было трудно идти, вели под руки.

— Жирная корова, игуменья. — Зольде весело смотрел на убежавших монахинь, которые укрылись в здании. — В этом районе Сирии люди говорят на арамейском языке, на том, на котором говорил Иисус Христос. Давно хотел послушать молитву «Отче наш» на арамейском.

Они поднялись на ступени храма, отворили резную дверь с железным кольцом и вошли в церковь.

Бесшумно полыхали голубые, падающие из окон лучи. Золотой иконостас струился, отекал сияющими ручьями, и темные иконы, казалось, плыли среди золотых вод. Столпы были обмотаны шелком и бархатом, тяжелой, шитой серебром парчой. В серебряных, потемневших от времени подсвечниках теплились свечи. Лампады, как волшебные плоды, алые, зеленые, синие, висели на серебряных ветвях. Было безлюдно, гулко, пахло сладкими дымами.

— Кто здесь есть? — Зольде приложил ко рту ладони, наслаждаясь гулким эхом.

Бородатые парни вытащили из-за алтаря тощего священника в клобуке и золотой епитрахили. На горбатом носу блестели очки, в них дрожали круглые от страха глаза.

— Святой отец, мы туристы. Узнали, что в вашем храме можно послушать молитву «Отче наш» на арамейском языке. Мало кому удастся послушать эту молитву на языке самого Христа. Не могли бы вы ее прочитать?

Священник топтался, смотрел на Зольде черными от ужаса глазами.

— Ну что вы, святой отец! Мы проделали такой длинный путь, чтобы услышать молитву. Читайте, святой отец!

Бородач ткнул священника стволом пулемета. И тот, косясь на близкий ствол, стал читать.

Слова Господней молитвы гудели, дрожали, трепетали. Были непонятны Торобову своим древним звучанием, в котором открывалась восхитительная глубина, клубилась дивная тайна, и бабушка с умиленным взглядом, прекрасным любимым лицом, певуче повторяла: «Да будет воля Твоя как на небе, так и на земле».

Оператор в синей блузе снимал убранство храма, вел камеру от лампы к лампе, словно срывал плоды с серебряных веток.

— Какая красота, святой отец! Какое высокое переживание! Не хочу, чтобы чьи-нибудь недостойные уши слышали эту святую молитву! — Зольде выхватил пистолет и выстрелил священнику в переносицу. Проломил кровавую дыру, рассыпав вдребезги стекла очков. Священник упал головой в голубой поток света.

Пулеметчики, стянув пулеметы с плеч, разведя стволы веером, ударили слепо, не целясь. Наполнили храм грохотом, проблесками, хрустящими щепками золотого иконостаса, осколками лампад. Они стреляли с упоением, длинными очередями, ведя стволы вдоль настенных фресок, вырезая на штукатурке длинные рывтины. Торобов видел, как трясутся их молодые лица, ярко и счастливо сияют глаза, как брызжут латунные гильзы, осыпая лежащего на полу священника. В них было ликование детей, которые набрасываются на сложенные из кубиков замки и разносят их, повинувшись первобытной жажде разрушения. В них бурлила молодая свирепая сила, не умещалась и извергалась наружу грохочущим огнем пулеметов. Они пританцовывали, припрыгивали, напоминали колдунов в ритуальной пляске, которые совершали колдовской обряд разрушения.

Вместе с ними в сумрачный, печальный храм вошла неистовая стихия, дробила и перемалывала мертвую скорлупу, открывая путь синему свету, который сквозь окна стремился в храм. Грохот пулеметов, хруст золоченого дерева, взрывы лампад, визги и крики стрелков расталкивали стены с закопченными фресками, и казалось, стены падут, и во тьму хлынет ослепительная синева.

Оператор с серьгой в носу водил камерой вдоль борозды, оставленной пулями на фреске, ловил в объектив молодое восторженное лицо пулеметчика с черной бородкой и белым оскалом, переводил камеру на убитого священника, усыпанного пустыми гильзами.

Торобов потрясенной душой чувствовал чью-то грозную непостижимую волю, которая поместила его в ревущую лавину атаки, привела на гору, где стоялась жуткая казнь, а теперь принуждает смотреть, как разрушают святыню.

И эта непостижимая воля — хочет ли она, чтобы ослепли его глаза, помутился рассудок, и он утонул в безумной воронке зверств и насилий, в которую падает мир? Или ему дано испытание, чтобы закалить его дух, заострить зрение, укрепить мышцу руки, которая произведет одиночный выстрел и остановит это кровавое хрустящее колесо?

Пулеметчики, истощив боекомплекты, опустили стволы. Гранатометчик в длинном балахоне и пятнистом платке поднял трубу, и граната, прошипев, ударила в иконостас, проломила дыру, из которой повалил дым и полетели искры.

— Господин Торобов, служба окончена. — Зольде галантно наклонился, указывая на выход.

Под навесом галереи толпились боевики. На досках, голая, лежала игуменья. У нее был толстый раздутый живот и огромные груди. Казалось, у нее три головы. Ее руки были разведены в стороны, два боевика наступили ей башмаками на запястья, и было видно, как шевелятся из-под подошв ее пальцы. Другие два развели ее оплывшие ноги, не позволяли им дергаться. Была видна ее косматая промежность, темная вмятина пупка. Очередной боевик стянул рубаху, приспустил штаны, навалился на нее. Она стала кричать.

— На арамейском, — проходя мимо, произнес Зольде. Торобов отвернулся, чтобы не видеть женскую оплывшую ногу и гибкую вздрагивающую спину боевика.

Они вернулись в город под вечер. Торобова разместили на верхнем этаже двухэтажного дома, в хорошо обставленной комнате, где было зеркало в резной раме, овальный стол с удобными стульями, мягкий кожаный диван. Видимо, дом принадлежал зажиточной семье, которая, страшась войны, покинула город.

Торобова накормили ужином — горячей говядиной в сладком соусе, свежими овощами, принесли большой чайник с душистым чаем. С ним обращались предупредительно, служитель, принесший блюда, кланялся и улыбался. Но дверь оставляли запертой, внизу слышались голоса, звяк оружия. Зато из комнаты на плоскую крышу вела лесенка. Торобов вышел на плоскую кровлю, где стояли горшки с засохшими цветами. Смотрел на вечерний город, на улицы, полные торопящихся людей с какими-то кульками и сумками, словно они куда-то опаздывали. На грузовики с боевиками. На мечеть с острыми,

как веретена, минаретами, которые уже были подсвечены зеленым.

Он не знал, сколько его продержат взаперти, когда осторожный Фарук Низар откликнется на его зов, поверит ли ему. Или разгадает его хитрость, и ему суждена пуля на каком-нибудь глухом пустыре.

Ночью он проснулся от пугающей мысли, что в своих расчетах пропустил какое-то важное обстоятельство, забыл его включить в свой план. И поэтому план обречен на провал, ему грозит разоблачение. Проницательная разведка противника уже раскрыла его замысел. Жестокий артистичный Зольде играет с ним, забавляется, прежде чем замучить в застенке.

Торобов вскочил. Света не было. В окне была темнота. Нащупал перила лестницы, ведущей на кровлю. Поднялся и вышел на крышу. И понял, что было им забыто, что не включил он в свои хитроумные расчеты.

Небо. Оно дохнуло необъятной ширью, распахнулось блистающим простором, осыпало его мерцанием и блеском. Звезды, белые, голубые, зеленые, дрожали, текли, сливались в пылающие сгустки, растворялись и тонули в туманностях. Орнамент звезд проступал небесной геометрией, словно их соединяли горящие линии. Другие звезды размыто тонули в голубых туманах. Небо волновалось, трепетало, по нему пробегал ветер, и звезды казались отражениями на черных волнах. Небо замирало, и звезды драгоценные, как бриллианты, горели бесчисленными россыпями.

Торобов, запрокинув голову, смотрел на небо. Оно не было включено в его построения. Неба не доставало в его замыслах, где присутствовало множество деталей и мелочей, но отсутствовало главное — небо.

Как оно соотносится с той пулей, что ударила в баранью тушу на багдадском рынке? Как соотносится с убитым знаменосцем, чьи побелевшие кулаки сжимали древко, а на лице застыла блаженная улыбка? Как оно соотносится с грохочущими пулеметами, что валили наземь пленных солдат после их молитвы? Как соотносится небо с убитым священником, лежащим в потоках голубого света? Как соотносится с толстой женской ногой и дрожащими мужскими ягодицами?

Господь, сотворивший миры, возжегший светила и солнца, напिताвший Вселенную лучистой энергией света, Господь не забыл сотворить израильские самолеты с желтыми шестиконечными звездами, пикирующие на палестинскую девочку. Не забыл сотворить штурмовики с красными пятиконечными звездами, разгромившие колонну машин.

И он, Торобов, желая остановить кровавое колесо, хочет остановить колесо, раскрученное Господом

Богом? И он, задумав «выстрел возмездия», есть богорец, восставший против замысла Бога?

Эта мысль вела к помрачению. Он блуждал глазами среди бесконечно удаленных светил, и среди них качалась баранья туша, пробитая пулей, дрожала и дергалась оплывшая женская нога.

Он путался, вспоминал богословские тексты, суфийские трактаты, свидетельства святых афонских отцов. Голова его кружилась от непонимания мира, от бесконечности неба, от его блеска и трепета. Он вымаливал у неба ответ, просил Господа не лишать его разума, не ввергать во тьму, где он забудет обожаемое лицо матери, любимые очи жены.

«Господи, ты слышишь меня? Ты не оставил меня? Ты видишь меня?»

Тихая золотистая капля полетела из неба, оставляя гаснущий след. За ней две другие, как беззвучные слезы, покатались по темной щеке небес, канули, не долетев до земли. Из неба падала золотая капель, таяла на лету, чертила в ночи бесшумные дуги. Торобов запрокинул лицо к плачущему небу, оно рыдало, оплакивало его, проливалось на него золотистые слезы.

Утром Торобова разбудил шум моторов, бравурная музыка, крики. Выглянул в окно. По улице катили грузовики с вооруженными людьми, развевались черные знамена с белой вязью. Работал громкоговоритель, установленный на легковушке. По тротуарам торопился народ, все в одну сторону, туда, куда звала музыка маршей, катили грузовики со знаменами.

Вошел Зольде, в бархатной куртке, с голубым шарфом, перетянутый ремнем, на котором висела кобура. Он походил на бутафорского персонажа революционных фильмов, в которых действуют анархисты и лихие налетчики. Его утонченное лицо было бледным, синие глаза мерцали, словно в них закапали возбуждающие капли, на тонкой переносице у глаз проступили синие жилки.

— Господин Торобов, имею для вас приятное известие. Фарук Низар ждет вас в Катаре. Сегодня мы отправим вас в Иорданию, и оттуда вы прилетите в Доху. Вас будут встречать. Я приготовил вам церемонию прощания. Машина внизу.

Джип доставил Торобова на площадь, и, выйдя из машины, он очутился в горячем шумящем скопище, запрудившем площадь. Народ густо толпился, прижимаясь к фасадам нарядных домов, в которых, по всей видимости, размещались муниципальные учреждения, висели флаги. Цепь автоматчиков отсекала толпу от площади, в центре которой красовалась алебастровая чаша, быть может, остатки заглохшего фонтана. На этой чаше был сооружен помост, обтянутый зеленой тканью, тесно, плечом к плечу,

стояли бородачи с автоматами, зверского вида, положив пальцы на спусковые крючки. Перед чашей была сложена поленица из кривых бревен, напоминавшая колодезный сруб. Японский подъемный кран вытянул вверх стрелу, с которой, на лебедке, свисал огромный железный крюк. Этот крюк был начищен до блеска, сиял на солнце, и было видно, что его чистили старательно, как мастера высокого класса чистят и холят свои любимые инструменты.

Торобова подвели к алебастровой чаше и поставили рядом с другими людьми, полевыми командирами и городскими чиновниками, кто в камуфляже, кто в гражданской одежде, кто в арабских платках, охваченных черными шнурами.

Торобова угнетало шумное многолюдье, аляповатая, с отбитыми краями ваза, громадный, сияющий крюк, похожий на отточенный клык. Все это казалось декорацией для модернистского спектакля, где зрители мешались с артистами. И Зольде, как режиссер перед началом спектакля, волновался за его успех:

— Вам не тесно, господин Торобов? Потерпите, не пожалеете!

Площадь колыхнулась, толпу качнуло в одну сторону. Все головы, бородатые, в платках, пятнистых картузах, хиджабах, в металлических касках, повернулись к улице, из которой донесся рокот мотора. Тяжелый грузовик с открытым кузовом медленно въезжал на площадь. Грузовик был украшен зелеными трепещущими флажками. В кузове с откинутыми бортами стояла железная клетка, и в ней, в оранжевой долгополой хламиде, держась за прутья, стоял человек. Рядом с клеткой, в черных балахонах, в масках с прорезями для глаз, застыли существа, похожие на обитателей подземного царства. Яркая оранжевая хламида и черный цвет балахонов создавал зловещий контраст, от которого у Торобова заныло сердце. В человеке, облаченном в оранжевую хламиду, он узнал пленного советника, который вчера плюнул ему в лицо. И теперь он почувствовал ожог на лице, смотрел, как грузовик медленно разворачивается на площади, приближаясь к подъемному крану, и телеоператоры снуют вокруг, наводя телекамеры.

Грузовик пятился, сверкающий крюк нависал над клеткой. Черные существа махали крановщику, подтягивали крюк к железной, закрепленной на клетке серьге. Лебедка заработала. Клетка закачалась в воздухе. Грузовик отъехал, а кран повел стрелой, и клетка очутилась над поленицей, медленно раскачиваясь.

Торобов видел, как советник дико водит глазами, смотрит на отточенный клык, на солнечную площадь, заполненную гудящей толпой, ищет среди нее хоть одно сострадающее лицо, не находит.

Курт Зольде с красным мегафоном в руках молодцевато взбежал на помост, оказался в центре чаши и замер, напоминая скульптуру фонтана. Поднес мегафон к губам и надрывно, яростно, мелко сотрясаясь от страсти, стал выдувать из мегафона лающие слова:

— Во имя Аллаха, Милостивого и Милосердного! Вчера в бою мы победили сильного врага, который превосходил нас числом, но не превосходил отвагой и верой! Аллах даровал нам победу, ибо он благоволит к верным, бесстрашным и побеждающим! Среди тех, кто стрелял из пулемета в наших шахидов, кто срезал пульей нашего знаменосца, приехавшего из Йемена поддержать нашу священную войну, среди них был этот русский! Он преодолел тысячи километров, чтобы приехать в Сирию и убивать здесь наших братьев, наших героев, наших детей, взрывать наши мечети, осквернять святой Коран! Русские самолеты взрывают наши города, бомбят наши больницы и школы, и весь мир рыдает, видя наших девочек с оторванными ручками! Русские убийцы у себя в России истребляют правоверных мусульман, сажают их в тюрьмы и подвергают пыткам! Приехав в Сирию, эти шайтаны делают то же самое! Они — проклятый народ, не угодный Господу! На них падет гнев Аллаха! Сегодня мы выполняем волю Всевышнего и заповедь Пророка об огне очистительном! Господь дал нам в руки свой священный огонь, чтобы мы превратили в пепел зараженную плоть, которая распространяет заразу по всей земле! Смерть русской собаке! Аллах Акбар!

Зольде проревел эти слова, срываясь на визг. Воздел красный мегафон к небу. И вся площадь взметнула кулаки, автоматы, единым рыком выдохнула: «Аллах Акбар!»

Торобов чувствовал тяжелую плотную ненависть, от которой над площадью вихрилась пыль, плескались черные флаги, качалась железная клетка. В ней обессилевший от этой ненависти человек в оранжевой хламиде упал на колени.

Торобов чувствовал его одиночество, смертную тоску, опадавшее в бессилии сердце. Знал, что не развернется небо, не прыгнет белоснежный ангел, не раздвинет железные прутья клетки, не унесет мученика туда, где сверкают последние серебряные снега и в соснах тенькает синичка.

Из толпы сквозь строй автоматчиков выбежал мальчик в розовых шароварах, в вязаной шапочке. На его маленьком смуглом лице сверкали черные ненавидящие глаза. Он подбежал к клетке, кинул камень. Камень звякнул о железо и упал на землю, а мальчик, отбегая, грозил кулачком.

Существа в черных балахонах с прорезями для глаз и ртов забегали вокруг поленницы, выплески-

вая на нее из канистр желтоватый бензин. Один кинул зажигалку. Пламя шумно полыхнуло, охватив дрова, клетку. Пленный отшатнулся от огня в одну сторону, ударившись о железные прутья, а потом в другую, заслоняясь от огня локтем.

Пламя рвалось в клеть, пронизывало насквозь решетку. Пленный с криком метался, кружился волчком, отрывал от пола босые ноги. Его оранжевая хламида горела, обнажилось голое тело, на котором дымились клочья липкой материи.

Торобову казалось, что его собственная кожа покрывается волдырями, на ступнях взбухают полосы ожогов, волосы дымятся. Не отводя глаз от ужасной казни, он вдруг понял, что убьет, точно и беспощадно, дотянется стреляющей рукой до ненавистного лица. Отыщет Фарука Низара в стальном бункере, на подводной лодке, на молитвенном коврике, в объятьях женщины, на смертном одре. Божественное предназначение его, Торобова, жизни, — детства и юности, сиреновой колокольни, бабушкиных сказок, маминых акварелей, обожающего взгляда жены, главная цель его жизни, ради которой появился на свет, — убить Фарука Низара. Увидеть, как входит пуля в его бледный, над пушистыми бровями, лоб.

Советник страшно кричал, хрипел, матерился. И вдруг сипло запел: «Эх, мороз, мороз, не морозь меня!» Издал рыдающий вопль: «Прощайте, мужики!» — и упал, бился на раскаленных прутьях, затихал среди треска и гула. Дым долетал до алебастровой чаши, и Торобову казалось, что он чувствует запах горелого мяса.

Никто не расходился, покуда поленница не распалась, в раскаленной докрасна клетке чернело обугленное тело, из глаз которого полыхало два факела.

— Господин Торобов, так вы можете опоздать. Машина ждет. — Зольде тронул Торобова за локоть, и его безумные синие глаза сияли.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Он прилетел в Катар ночным рейсом компании «Эмирейтс». Покинул стеклянный прохладный аэропорт, очутился в душной масленистой ночи с запахами тропических растений и близкого моря. Пальмы шевелили своими косматыми перьями в ночном жарком ветре. Фары машин отражались в асфальте, словно он был покрыт масляной пленкой.

Он остановился в отеле «Краун плаза». В номере достал из холодильника ледяное пиво и пил, глядя в просторное окно на ночную Доху. Небоскребы переливались как разноцветные льдины. Стеклопакеты, уходящие в небо стебли переплетались друг с другом. Кристаллы самоцветов дышали алым, золотым, го-

лубым сиянием. Прозрачные колбы, висящие в небе шары были наполнены пылающей плазмой. Поднимались фантастические светящиеся грибы. Загоралось золотое перо, оброненное невидимой птицей. В черном небе распускался алый бутон, превращаясь в огненный мак. Небоскребы толпились, мерцали, менялись местами, кружились в колдовском танце, и на каждом загоралась бриллиантовая корона, изумрудный плюмаж, голубая, лунного цвета чалма.

Торобов смотрел на город, но его красота не трогала. Здесь, среди танцующих небоскребов, хрустальных чаш и поднебесных фонтанов находился тот, кого он должен убить. Эта мысль, спокойная и холодная, как канал ствола, управляла теперь его волей. Его погоня окончена, он будет ждать, когда тот, кого он должен убить, появится перед ним.

Зазвонил телефон:

— Господин Торобов, с прибытием в Доху. Меня зовут Абу Ясир, я помощник Фарука Низара. Фарук просил передать, что с нетерпением ждет встречи. Но она состоится только послезавтра. Завтра после девятнадцати я приеду к вам в отель, и мы познакомимся.

— Жду вас, Абу Ясир. Мой салям Фаруку Низару.

Утром он проснулся поздно и завтракал на воздухе под тентом, в тени, которую отбрасывал отель, заслоняя солнце. Пока пил кофе, наблюдал комичную сценку, которая разыгралась перед ним. Голубь, нарядный франт, и серая невзрачная горlinkка шумели и ссорились, сидя на ветках глянцевого дерева, что взрастало из кадки перед фасадом отеля. Горlinkка сердилась на своего кавалера, верещала, трещала, раскрывая крылья. Гневно выговаривала голубю, который в чем-то провинился перед своей подругой, оправдывался, смущенно булькал, раздувая зеленоватый зоб. Но она не принимала его оправданий, насакивала на него. Эта голубиная семейная ссора забавляла Торобова. Но при этом его не оставляла холодная и отточенная, как сердечник, мысль. Завтра он убьет, и эта уверенность делала его сосредоточенным и спокойным. Он не заметил, как голуби улетели, оставив на дереве две замирающих ветки.

Он вызвал такси и поехал на пляж, желая искупаться в Персидском заливе. Пляж был белый, песчаный. Залив был зеленый, в мелких волнах, с туманной далью, в которой едва проступали небоскребы. Дул ровный горячий ветер, пляж пустовал, матерчатые зонтики были сложены, на скамейках было безлюдно.

Он заплатил при входе, получил пластмассовую бирку с номером, которую пристегнул к запястью.

Сбросив туфли, пошел по песку. Стопы нестерпимо жгло, и он торопился дойти до скамейки, где

была небольшая тень от сложенного зонтика. В тени песок был прохладный, мягкий, как шелк.

Он разделся, подставил грудь ветру, который не остужал, а грел. Пахло йодом. Казалось, на грудь положили примочку.

Торобов пробежал по обжигающему песку и вошел в воду. Окунулся, ощутив на губах горький вкус соли. Вода была теплая, но спасала плечи от палящего солнца. В воде было легко плавать, легко лежать на спине, слыша, как звенит в ушах донное течение. Он нырнул и, закрыв глаза, проплыл у дна, трогая пальцами рифленый песок. Вынырнул в брызгах, чувствуя резь в глазах. Его сносило течением, и он плыл сначала кролем, а потом медленным брасом, выдувая губами фонтанчики брызг. Ему доставляла удовольствие мысль, что вода, в которой он плавал, соединяет его с океаном, с огромными кораблями, подводными лодками, рыбами, далекими островами. Движения его рук, его дыхание передается через воду в другие моря и океаны. Но эта мысль не заслоняла главную — он убьет, и пусть об этом знают моря и океаны.

Он вышел из воды и обсыхал на теплом ветру, чувствуя лицом удары микроскопических песчинок.

С пляжа он поехал в российское посольство. Небоскребы на солнце казались стеклянными клавишами, в которые погружал пальцы поднебесный великан, сочинял музыку о пылающем солнце, изумрудном море и белой пустыне.

Офицер безопасности поинтересовался, был ли Торобов в пустыне и, если надумает покататься в песках на квадрациклах, пусть делает это до десяти утра, иначе получит тепловой удар. Он передал Торобову американский «кольт», наблюдая, как Торобов прячет оружие под рубахой.

Торобов вернулся в отель, принял душ, смывая морскую соль, и стал ждать. В девятнадцать часов должен был позвонить Абу Ясир.

Помощник Фарука Низара позвонил с опозданием в один час. Сказал, что ждет Торобова на ресепшн.

Они пили кофе. Торобов смотрел, как плавно, вверх и вниз, движется капсула лифта, похожая на драгоценный кристалл. Абу Ясир был худой араб с черным, почти негритянским лицом. Вместо щек у него были ямы, на дне которых скопилась тьма. Верхняя губа была рассечена, неровно срослась, не прижималась к нижней, открывая искусственные, слишком белые зубы. Руки были в розовых пятнах от ожогов, с искривленными пальцами. Глаза с желтоватыми белками смотрели остро, пристально, с едва заметным отчуждением.

— Фарук Низар просит прощение за то, что не смог сразу повидаться с вами, господин Торобов. Очень важные дела, с утра и до вечера.

— Катар сегодня — место деловых свиданий. Финансовый центр, штаб-квартира ЦРУ, отделение «Рэнд корпорейшен», американское военное командование. Я бы и сам был не прочь побывать во всех этих ведомствах.

— Фарук Низар лечится после контузии. Ведет переговоры о поставке госпиталей. После налетов русской авиации очень много раненых и калек.

— Миссия, которую я выполняю, связана с прекращением бомбардировок.

— В чем суть ваших предложений? Познакомьте меня в самых общих чертах. Содержание их вы расскажете Фаруку Низару при встрече. Но он хотел бы знать общее направление беседы.

— Речь идет о договоренности между руководством России и вашим руководством. Россия готова прекратить бомбардировки и вывести из Сирии свои самолеты. Вы же должны дать заверения, что прекращаете террористическую деятельность на территории России, на Кавказе и в Средней Азии.

— Если бы это было так просто. В этой игре столько участников.

— Я не берусь исследовать эту проблему. Знаю, что халифат без священного камня Каабу, без Мекки и Медины не имеет своего священного смысла. Туда, в Саудовскую Аравию будет направлен вектор вашей экспансии.

— Кто уполномочил вас вести переговоры? Кто за вами стоит?

— Генеральный штаб. Но вы понимаете, что за Генштабом стоит высшее политическое руководство. Не исключаю, что такие же переговоры ведутся и по другим каналам, помимо меня.

— Возможно. — Абу Ясир замолчал и, казалось, забыл о Торобове. Драгоценный кристалл лифта двигался вверх и вниз, ненадолго замирая на месте.

— Когда я повидаяюсь с Фаруком Низаром? — нарушил молчание Торобов.

— Завтра утром. Он приглашает вас покататься на квадрациклах по пустыне. Это его любимое развлечение. За вами в шесть утра заедет машина. За рулем шофер, алжирец, Махмуд. Он вас найдет в холле. Не пытайтесь с ним разговаривать. Он глухой. В Абу Грейб ему разбили барабанные перепонки. — Абу Ясир посмотрел на свои обожженные руки с искривленными пальцами. — Спокойной ночи, господин Торобов. Мы еще повидаемся. — Они проснулись.

Торобов смотрел, как удаляется Абу Ясир, худой, статный, с офицерской выправкой.

Утром, едва посветлели окна, Торобов был на ногах. У подножий небоскребов скопилась мгла, и это напоминало провалы щек Абу Ясира, на дне которых

таилась тьма. Только на самых высоких зданиях начинали светиться вершины.

Торобов туго затянул ремень брюк и засунул за спину «кольт». Надел рубаху навыпуск и в нагрудный карман сунул российский паспорт, пачку долларов и авторучку с надписью «70 лет Победы». В нем была утренняя бодрость и сосредоточенное спокойствие. Он вытянул правую руку и несколько раз сжал и разжал кулак. Спустился в холл.

Служитель толкал по каменному полу моечную машину. Она гудела, и там, где лизала пол, оставался влажный след. Портье, карауливший стеклянные двери, зевнул. Заметив Торобова, поспешно прикрыл рот рукой в белой перчатке. Женщина в хиджабе с малиновыми губами на луновидном лице опрыскивала из пульверизатора глянцевитое, растущее в кадке дерево. Оно благодарно шевелило мокрыми листьями.

Торобов недолго просидел в кресле. В холле появился могучего сложения человек, в жилетке, с голыми руками, на которых вздувались бицепсы. Его грудь напоминала литую плиту. Он шел вразвалку, как ходят штангисты, переставляя толстые ноги. Жилистую шею увенчивала небольшая голова с курчавыми масленистыми волосами. Маленькие глаза быстро и тревожно оглядели холл, словно хотели обнаружить источник опасности. В руках он держал лист бумаги. Увидел Торобова, заглянул в лист и направился к нему. Торобов успел заметить, что на листе было оттиснуто его лицо, должно быть, тот самый снимок, что переслал Фаруку Низару Курт Зольде. Торобов понял, что перед ним алжирец Махмуд. Помня, что тот глухой, не стал здороваться, а только ответил улыбкой на его суровый поклон.

Они уселись в машину — Махмуд впереди, Торобов сзади. Небоскребы казались черными скалами, между которых голубела заря. Море было черно-лиловым, и на нем одиноко мерцал ночной огонь.

Они выскользнули из города и помчались по пустынному шоссе, среди серых холмов и редких бензоколонок. Заря над холмами была голубая, небо над ней оставалось по-ночному черным.

Впереди из темных холмов возникло что-то светлое, огромное, дышащее. Шоссе внезапно кончилось, оборвалось перед огромным песчаным барханом. Вдоль него сумрачно, с белыми барашками прибоив, открылось море, и стояла заря, в которой что-то дышало, наливалось нежной синевой.

Машина подкатила к тенту, где на площадке стояли в ряд квадрациклы, желтые, черные, красные, отливая стеклом и хромом. К машине подскочил служитель и стал жестикулировать, показывая на квадрациклы, на бархан, на синюю зарю. Алжирец рукой подозвал Торобова, указал на заднее сиденье

желтого квадроцикла. Служитель вручил обоим защитные очки. Алжирец тяжело плюхнулся на переднее сиденье. Завел мотор, и они вынеслись из-под тента на волю.

Волна песка подхватила машину, и та рванулась вверх, рыхля мягкую борозду. Пахнуло сладким ароматом, окружило пышными ворохами. Они вознеслись на гребень, где бархан превращался в тугую лопасть с отточенной кромкой, в которой застыл вихрь ветра. Лопасть колыхнула машину, закрутила в вихрь. Квадроцикл обвалил язык песка, ухнул в седловину и с ревом стал взбираться на другой песчаный бугор. Рыхлил шелковистую гору, взметал фонтаны песка. Песчинки стучали в стекла очков, кололи щеки. Машина взлетела на бархан и тут же ухнула вниз, так что захватило дух. Пронеслась в свободном полете и мягко ударилась четырьмя колесами о дно седловины. Упруго подскочила и помчалась, кренясь, чиркая бархан двумя колесами.

На вершине открылась бескрайняя пустыня с зарей, с морем, с белой бахромой прибоя. Торобов, вцепившись в рукоятки, видя перед собой могучую спину алжирца, готовясь к заветному выстрелу, восхитился стихией моря, песка и неба. Сюда, после всех виражей и кружений, принесла его отточенная лопасть судьбы.

Он увидел на отдаленном бархане другой квадроцикл с наездником. Маленькое пятнышко на белой глади песка. Алжирец повернул машину в сторону удаленного наездника и нажал на газ. Торобов различил черно-красный узор машины, ездока в белой рубашке и очках. Тот тронулся с места. Помчался, разрезая склон, вздымая бурун.

Они летали по пустыне, взмывали к небу и рушились в мягкие впадины. Пустыня нежно волновалась вокруг, словно множество обнаженных женщин с округлой грудью, мягкими животами, плавными бедрами нежились под зарей. Заря расцветала, в ней появлялись розовые и желтые нити, пески белели, светились, из них исходило сияние. Два квадроцикла бешено гонялись один за другим, выписывая вензеля. Черно-красная машины взмыла на вершину и встала. Желтый квадроцикл, глуша мотор, подкатил и встал рядом. Наездник черно-красной машины спустился с седла, снял очки, и Торобов узнал Фарука Низара.

Он уже не был тем молодым щеголеватым майором иракской армии с пушистыми бровями, наивным романтическим взором, с милой улыбкой на пунцовых губах. Его лицо было коричневое, обветренное и обугленное неведомым жестоким огнем. Этот огонь вытопил всю его свежесть и молодость, оставил на лице вмятины, морщины и складки. Жесткая борода прикрывала рубец под нижней гу-

бой. Глаза были холодные, насмешливые, окруженные трещинами темных морщинок. И только брови оставались густыми, пушистыми, уцелевшими среди пламени.

— Здравствуй, дорогой Леонид, — произнес Фарук Низар, шагнув навстречу. Торобов покинул седло. Почувствовал, как тяжелые руки алжирца ошупывают его с головы до пят. Алжирец вытянул из-под ремня «кольт», показал его Фаруку Низару и сунул себе в жилетку. — Здравствуй, дорогой Леонид!

Они обнялись, коснулись друг друга щеками. Торобов, чувствуя сухую коросту его лица, видел за его спиной лазурное море, белые валы пустыни и зарю, которая из синей становилась желтой и розовой. В ней расплавилась золотая жилка.

— Сколько же лет мы не виделись, дорогой Фарук? Сколько времени прошло с тех пор, как мы сидели на берегу Тигра и вкушали чудную, испеченную на углях рыбу? А наша поездка в Вавилон. Твоя милая жена показывала нам этих гонимых чудовищ с лапами орла, головой льва и хвостом змеи. И ты пророчески заметил, что это образ грядущего двадцать первого века. Скажи, как поживает твоя очаровательная жена и твоймышленный талантливый сын?

— Жену и сына убила американская крылатая ракета, когда они по моему настоянию покидали Багдад. А вавилонских чудовищ скололи со стен американские солдаты и продали на черном рынке. Ты видишь, я был прав. Наш век имеет когти грифа, башку рыкающего льва и жалящий хвост змеи.

— Прими мои соболезнования, Фарук. Американские крылатые ракеты летают по миру как ядовитые осы. Смертельно жалят детей и женщин. Знаю, ты много вынес за эти годы. Больше нет благодеющего Ирака, нет уютных семейных очагов.

— Нас погубили не крылатые ракеты американцев. Нас погубили предатели в гвардии и разведке. Саддам Хусейн до последнего не верил, что его предадут любимые генералы. Что они пустят американцев в Багдад. Он не верил даже тогда, когда на него надевали петлю. Что может быть страшнее, когда друг уверяет в дружбе, а сам замышляет убийство? Не так ли, дорогой Леонид?

— Но ведь ты сражался. Тебя они не купили. Тебя не сломили.

— Меня взяли в плен под Киркуком. И я год просидел в Гуантанамо вместе с моими друзьями-офицерами. Нас пытали, выведывали сведения о подполье, куда ушла часть патриотов разведки. Мне вкалывали препараты, от которых голова становилась огромной, как земной шар, и в ней клубились кошмары, страшнее которых я ничего не знаю. Я согласился сотрудничать с американцами, как и некоторые мои друзья. Американцы завербовали нас,

создали сеть диверсионно-разведывательных групп и перебросили в Сирию. Они дали нам деньги, оружие, и мы начали войну против Башара Асада. Но очень скоро мы истребили наших американских кураторов и с помощью богословов, историков и гениев разведки создали то, что теперь зовется Исламским государством. Оно лишь отчасти дело рук человеческих. Аллах вдохнул в него свою волю, и оно непобедимо. Можно разгромить ракетами и бомбами колонну машин на дороге, но Аллах не боится ракет и бомб. Мы непобедимы, как непобедим Господь.

— Мне казалось, Фарук, что ты не отличался особой религиозностью. В наших разговорах мы никогда не касались богословских тем. Ты не ходил в мечеть.

— Моя мечеть — Гуантанамо. Туда тыходишь безбожником, а выходишь воином Аллаха. Нас всех, потерявших Родину, переживших предательство, похоронивших любимых и близких, посетило откровение. Всех разом, всех мучеников и героев. Мы преображенные люди, которым был явлен Бог. Нас миллиарды, мы населяем все континенты, и нашими смертями и подвигами сотворяется Исламское государство.

— Но с вами воюет жестокий, изощренный Запад. Он знает все ваши слабости, все ваши уязвимые места. Он направит на вас все свои военные технологии, все ухищрения. Он перессорит вас, внедрит в ваши ряды предателей, заразит смертельными болезнями.

— Миллиарды людей на земле проснулись от сна. Им всем явился Аллах. Им всем открылось учение о божественной справедливости. И они не боятся за нее умереть. Мы не боимся умирать, а люди Запада боятся смерти. Они боятся потерять свои дворцы, бриллианты, дорогие кушанья, развратные удовольствия. Они больше не верят в бессмертие. Мы знаем, что смерти нет. Смерть — это точка преломления, через которую проходит луч света, покидая землю и попадая в рай. Так думают миллиарды шахидов, которые сметут безбожный кровавый Запад.

— Я это знаю, Фарук. Это знают российские генералы, дипломаты, политики. Это знает наш президент. Мы не хотим быть союзником Запада в этой священной войне. Мы столетиями страдаем от Запада, который желает нам смерти. Меня послали к тебе высокие представители российской власти. Быть может, сам президент. Россия и Исламское государство должны заключить договор. Мы не должны воевать друг с другом. У нас один безбожный враг и единый Бог, взирающий на нас из лазури. Я искал тебя, чтобы начать переговоры о прекращении военных действий. Дело наших разведок — наладить контакты и передать эти контакты политикам.

— Дорогой Леонид, я смотрю на твое лицо, смотрю в твои глаза. Вспоминаю, как мы ели печеную рыбу на берегу Тигра, рыбаки тянули из реки свои сети. И я не верю тебе. Ваши самолеты бомбят нас. Ваши советники воюют в войсках Башара Асада. Вы потеряли лицо, забыли о божественной справедливости. Стали жалким хвостом шелудивой американской собаки. Как и Запад, коварны, ненавидите нас, желаете нам смерти. Ты принес мне не священные тексты, а «кольт».

Заря становилась красней, в ней плавилось золото. Над пустыней летели духи света. Барханы отбрасывали зыбкие тени. Море голубело, и прибой казался лебединой стаей, которая плыла вереницей вдоль берега.

— Это не так, Фарук.

— Это так, дорогой Леонид. Ты искал меня не для того, чтобы начать переговоры о мире. Ты искал меня, чтобы убить. Но теперь тебе «кольт» не понадобится. Израильская разведка, к которой ты обратился за помощью, очень коварна. Ни один еврейский самолет не взлетел с аэродрома Хайфы, и ни одна еврейская бомба не упала на Исламское государство. А Исламское государство не взорвало ни одной синагоги.

— Ты хочешь сказать, что Шимон Брауде рассказывал тебе о нашей московской встрече?

— Израильская разведка запустила свой корень в разведку НАТО и в спецслужбы Бельгии. Брюссель не то место, где следует обсуждать с аналитиками НАТО местопребывания Фарука Низара.

— Джереми Апфельбаум рассказывал тебе о нашей встрече в Бельгии?

— Тебя могли застрелить еще в Брюсселе, на улице «красных фонарей». Но тебя пощадили. Не хотели, чтобы тело русского разведчика было найдено в кровати у старой проститутки.

— Ты хочешь сказать, что ты контролировал мои перемещения? И мою поездку в Триполи?

— Там тебе немного помяли бока, но оставили жить. Офицер, который тебя отпустил, никогда не был в России и у него не было русской девушки.

— А в Ливане? Ты умышленно взорвал не меня, а моего друга Гассана?

— Здесь тебе повезло. Наша ячейка в Баальбеке проявила неосторожность, и произошел взрыв. Всевышнему было угодно, чтобы ты уцелел, и поэтому мы встретились после долгой разлуки.

— А мой визит в Каир? «Братья мусульмане» — это тоже твои агенты?

— Они бы могли застрелить тебя на площади Тахрир во время общей смуты. Но они не получали такого приказа.

— Вряд ли мой друг Хабаб Забур в Газе входит в твою организацию «Меч Пророка».

**Генеральный
директор**

Елена Шевцова

Главный бухгалтер

Людмила Дьячкова

**Художественный
редактор**

Татьяна Погодина

**Цветоделение
и компьютерная
верстка**

Александр Муравенко

**Заведующая
распространением**

Ирина Бродянская

Отпечатано
в АО «Красная Звезда»
123007, Россия, Москва,
Хорошёвское шоссе, 38
тел. +7(499) 762-63-02,
факс +7(495) 941-40-66
e-mail: kz@redstar.ru,
www.redstarprint.ru

Тираж 2 000 экз.
Уч.-изд. л. 10,0.
Заказ №

Адрес редакции:

*Россия,
107078, Москва,
Новая Басманная, д. 19*

**Телефоны
редакции:**

*8(499) 261-84-61
отдела распространения:
8(499) 261-95-87*

Факс:

8(499) 261-49-29

E-mail:

www.roman-gazeta-1927.ru

Сайт:

www.roman-gazeta-1927.ru

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.
Отклоненные рукописи
сохраняются в течение года.

— Всем мусульманам, которые восстали во имя справедливости, Пророк вложил в руки свой меч. И тем, что сопровождали тебя в Багдаде и на рынке решили передать от меня привет. И в Стамбуле, где ты не устоял перед женской красотой и получил сердечную рану. В Сирии ты решился на последнее средство, отважно передал себя в руки нашей разведки. Курт Зольде спрашивал меня, какую казнь для тебя избрать, отсечь голову, залить ее жидким стеклом и отправить в Москву? Или нарядить тебя в оранжевую тогу, сжечь в железной клетке? Я попросил не лишать нас долгожданного свидания. И вот наконец мы вместе.

Край неба горел. Над пустыней летели золотые лучи, предтечи солнца. Все ликовало, сверкало. Пустыня волновалась, словно под белой простыней просыпались молодые прекрасные женщины.

— Значит, я проиграл, дорогой Фарук? Меч Пророка в твоей руке?

— Вы все проиграли. Над вами занесен меч Пророка. Мы готовим в Москве одновременные взрывы на всех московских вокзалах. Одиннадцать электричек прибывают на вокзалы, и, когда их покинут пассажиры и пойдут толпой по перрону, грохнут взрывы. Одиннадцать взрывов превратят Москву в ад. Это будет возмездием за налеты вашей авиации. Одиннадцать шахидов готовы взорвать себя, и им уже уготовано место в раю. Этот план я разрабатывал несколько месяцев. Он осуществится через неделю.

— Зачем ты мне об этом сказал, Фарук? Это ставит под угрозу всю операцию.

— Нет никакой угрозы. Ты об этом никому не скажешь. Ты будешь сейчас убит. Махмуд застрелит тебя, закопает в песок. Солнце пустыни выпьет всю влагу из твоего мертвого тела. Ты превратишься в пергамент. В кумранский свиток, который обнаружат археологи через несколько столетий.

— Ты победил, Фарук. Исламское государство победило.

— Ты мужественный человек, Леонид. Нас связывала дружба. Хочу, чтобы ты оставил о себе память. У Махмуда есть твоя фотография. Распишись на ней.

Фарук Низар сделал знак алжирцу. Тот извлек из кармана лист бумаги с изображением Торобова. Протянул Фаруку Низару. Тот расправил листок, положил на сиденье квадрацикла. Стал рыться в карманах в поисках авторучки.

Над кромкой песков показалось маленькое красное солнце. Лист бумаги с лицом Торобова стал красным. Море стеклянно сверкало. Лебеди в прибое были розовыми. Пустыня ликovala, светилась каждой песчинкой.

— Не ищи, Фарук. У меня есть своя авторучка. — Торобов извлек из кармана авторучку с надписью «70 лет Победы». Это был однозарядный пистолет с одиночной пулей, которая выстреливала после нажатия кнопки. Торобов приблизил авторучку ко лбу Фарука Низара, чуть выше его пушистых бровей, и нажал кнопку. Увидел на конце авторучки клубок огня. Пуля вошла в лоб, брызнув красными каплями. Фарук раскрыл глаза так широко, словно хотел поместить в них все небо. Стал падать с бархана, заматываясь в белый саван песка.

Торобов услышал за спиной выстрел. Огненная боль пронзила его, прошла сквозь все тело в голову. В голове полыхнуло и померкло.

Он все падал и падал на сухие цветы гортензии, полные снега. Видел восхищенным взором лазурное крыло взлетающей сойки. Упал, ломая сухие цветы. Утонул лицом в мягком снегу. В кармане его полушубка раздался телефонный звонок. Но Торобов не слышал звонка. Телефон звонил еще несколько раз, а потом перестал. Торобов лежал лицом вниз, снег таял у его губ и лба. К вечеру, когда ударил легкий мороз, талый снег у лица замерз. Когда наутро приехали дети и подняли его, на снегу остался ледяной отпечаток лица, как стеклянная маска.

2016 г.

НАКАНУНЕ СЪЕЗДА СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ, НАМЕЧЕННОГО НА ВЕСНУ ЭТОГО ГОДА, РЯД ВЕДУЩИХ ЛИТЕРАТОРОВ ВЫСТУПИЛИ НА СТРАНИЦАХ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ» С ОБРАЩЕНИЕМ, ГДЕ ИЗЛОЖИЛИ СВОЁ ВИДЕНИЕ ПРОБЛЕМ, СТОЯЩИХ ПЕРЕД ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ СООБЩЕСТВОМ. РЕДАКЦИЯ «РОМАН-ГАЗЕТЫ» ПУБЛИКУЕТ ТЕКСТ ОБРАЩЕНИЯ, ПОЛАГАЯ, ЧТО С НИМ ДОЛЖНЫ ОЗНАКОМИТЬСЯ ВСЕ, КТО ЛЮБИТ ЛИТЕРАТУРУ, КОМУ НЕБЕЗРАЗЛИЧНА СУДЬБА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

ПИСАТЕЛЯМ РОССИИ

Обращаемся к Вам, коллеги, в связи с нетерпимой ситуацией, сложившейся в нашем профессиональном сообществе и чреватой самоликвидацией Союза писателей России. Никогда еще авторитет нашего объединения не падал столь низко. В минувшие годы шла деградация некогда славной и могущественной организации, утрачивалось влияние на умы сограждан, сворачивался разумный диалог с властью, таяло влияние на литературно-издательский процесс, сжималось значение Слова в информационном пространстве. Социальный статус литератора делался ничтожным, а понятие «писатель» вообще исчезло из федерального реестра профессий. Руководители нашего Союза предпочитали не замечать колоссальных изменений в информационных, полиграфических и издательских технологиях, «рыночной» специфики книжной торговли, нарастающего давления массовой культуры, вульгаризации и ослабления позиций русского языка.

Символом упадка стал тот факт, что Год литературы прошел без всякого участия Союза писателей России. А ведь по сути СП РФ представляет собой крупнейшую гуманитарно-патриотическую организацию, имеющую отделения во всех субъектах федерации. Но этот потенциал не раскрыт. Образно говоря, «духовная партия Русского Слова», столь необходимая Отечеству в нынешнее сложное время, бездействует. Писатели сегодня похожи на армию, штаб которой впал в комфортную летаргию. Если бы не самоотверженная работа губернских и республиканских организаций, Союз писателей России давно бы исчез с литературной карты.

Всё это стало возможным из-за того, что, начиная с середины 1990-х, наши съезды и пленумы проводились формально и кулуарно. Прекратилась сменяемость руководства и приток свежих молодых сил. При помощи манипуляций с уставом и аппаратных игр количество делегатов с мест свелось к минимуму, да и те представляли собой «группу скандирования

и аплодисментов». Главным содержанием таких пленумов и съездов стало не обсуждение путей развития отечественной литературы и участия в этом процессе СП РФ, не выдвижение и поддержка новых имен, а торопливое голосование за статус-кво, устраивающий руководство. И это в то время, когда у писателей нет ни социальной защиты, ни должного медицинского обслуживания, ни возможности получения хоть какой-нибудь материальной поддержки, — всего того, что должно быть гарантировано трудовым законодательством. Творческий стаж перестали учитывать при назначении пенсий, что привело к обнищанию писателей старшего поколения. Сегодня большинство наших коллег лишены возможности издать свои произведения, а если издают малыми тиражами — их книги не попадают в систему распространения. Вот далеко не полный круг проблем, которые не решены и обязательно встанут перед новым руководством нашего союза.

Выход один — сделать предстоящий съезд содержательным, продуктивным, оздоровительным. В форуме должны принять участие открыто избранные делегаты из всех региональных организаций. Перед съездом необходимо провести полноценную дискуссию для выработки программы действий по решению наболевших вопросов и продолжить разговор на форуме. Нужно, сохраняя преемственность, обновить выборные органы СП РФ.

Сознавая свою ответственность перед предшественниками, создавшими наш Союз, перед писателями России, мы объявляем о создании Общественного оргкомитета по подготовке предстоящего съезда.

Мы приглашаем включиться в его работу всех писателей. Обращаемся к «профильным» изданиям — «Литературной газете», «Литературной России», газете «Культура», к другим федеральным СМИ — с предложением развернуть широкую дискуссию о положении дел в литературе и писательском сообществе.

